

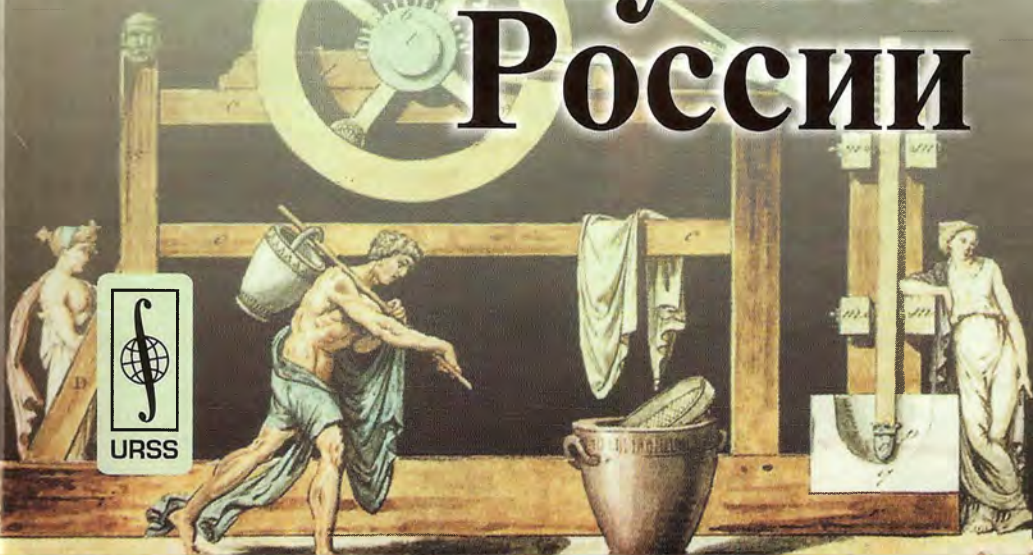
Н. П. Ахметьева

Таттенберг

Род Таттенбергеров

на службе России

Санкт-Петербург, костел Святой Екатерины,
при котором была школа для детей-иностранцев.
В ней учился К. Ф. Гаттенбергер в 1814—1821 гг.

Санкт-Петербург, Воскресенский Смольный собор.
Здесь работал К. Ф. Гаттенбергер в 1840—1865 гг.

Имение Измайловых «Макарово»
в Весьегонском уезде Тверской губернии.
Измайловы Арсений Петрович и его жена Параскева Кирилловна,
урожденная Левашова. Начало XX века

Киев, Золотые ворота. Ф. И. Гаттенбергер работал
на Киевско-Межигорской фаянсовой фабрике в 1810–1814 гг.

Н. П. Ахметьева

Род
Таттенбергеров
на службе
России

МОСКВА

URSS

Ахметьева Нина Петровна

Род Гаттенбергеров на службе России. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. — 296 с., цв. вкл.

В настоящей книге описана история российской ветви старинного французского бургундско-эльзасского рода Гаттенбергеров, истоками уходящего во времена короля Филиппа Красивого (конец XIII – XIV век). Первый представитель рода, Жан Франсуа Ксавье Гаттенбергер, молодой профессор по технологии фарфора Женевского университета, поселившийся в России в 1780 году, и его потомки тесно связали свою жизнь с вновь обретенной Родиной. В России с наибольшей полнотой раскрылось его разностороннее дарование как дворцового декоратора, специалиста по фарфору, его технологии, росписи и скульптуре малых форм. Его наследие сохранилось не только в продукции Ломоносовского (Императорского) фарфорового завода, директором которого он был, но и в других произведениях искусства: в акварельных альбомах, гравюре, дизайне мебели и часов. Потомки Франца Ивановича в XIX и в начале XX века на военном и гражданском поприще верой и правдой служили России. Большинство мужчин — продолжателей разных ветвей рода — погибли на фронтах Первой мировой и Гражданской войн или были репрессированы. Некоторые из выживших с начала 20-х годов прошлого века вновь оказались за пределами России. Восстанавливая двухсотлетнюю историю потомков Ф. И. Гаттенбергера, где бы они не находились, в России или за границей, автор стремился подчеркнуть их тесное наследование культурным и духовным традициям России, ее языку. Только это позволило уже вновь обрести ранее утраченные связи представителей поздних поколений. К сожалению, в наши дни можно надеяться на продолжение только двух ветвей рода, одна из которых в России, вторая — в США.

Ваши замечания и пожелания прошу присылать по электронной почте nakhmeteva@rambler.ru

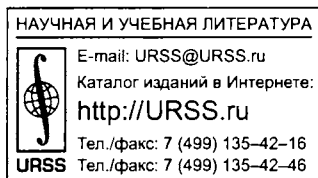
Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 18,5. Зак. № 1212

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Полиграфический комбинат «Зауралье».
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

ISBN 978–5–397–00061–1

© Н. П. Ахметьева, 2008

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернет, если на то нет письменного разрешения владельцев.

СОДЕРЖАНИЕ

Принятые сокращения	6
Предисловие	7
1. Немного из истории рода Гаттенбергеров	9
2. Генеалогическое древо Гаттенбергеров	11
3. Жан Франсуа Ксавье Гаттенбергер (Hattenberger) — художник и скульптор	21
4. Александр Францевич (1803–1880) — генерал-майор. Строительство железных дорог в России	31
5. Константин Францевич (1804–1874) — статский советник, правитель по хозяйственной части Смольного института благородных девиц	34
6. Николай Константинович (1824–1866) — строитель железной дороги Курск—Нежин—Киев и его жена Прасковья Петровна (1838–1907).....	39
7. Константин Константинович (1844–1893) — профессор права Харьковского университета	43
8. Петр Константинович (1846–1916) — тайный советник, судья	45
9. Варвара Николаевна Успенская (1860–1934) — генеральша	50
10. Александр Николаевич (1861–1939) — министр внутренних дел в правительстве Колчака	53

11. Георгий Николаевич (1862–1920?) — полковник	64
12. Петр Николаевич (1864–1921) — генерал-майор	70
13. Мария Николаевна (1866–1918) — анархистка	75
14. Федор Николаевич (1867–1917) — небогатый русский помещик	76
15. Георгий Петрович (1876–1920) — генерал-майор, георгиевский кавалер	83
16. Наталья Петровна (1877–1952) — художник по фарфору	88
17. Александр Александрович (1885–1970) — присяжный поверенный	89
18. Всеволод Александрович (1887–после 1939) — присяжный поверенный на КВЖД	91
19. Борис Петрович (1892–1919) — георгиевский кавалер ...	98
20. Николай Федорович (1891–1967) — старший лейтенант Черноморского флота	101
21. Петр Федорович (1906–2002) — чудом уцелевший продолжатель рода Гаттенбергеров в России	127
Детство	127
Учеба в 3-м кадетском корпусе в Москве и Донском кадетском корпусе в Новочеркасске	129
Революция и гражданская война на Северном Кавказе	137
Новочеркасский сельскохозяйственный институт. Жизнь на хлопковой станции в Средней Азии	146
Жизнь в Москве в период 1931–1941 годов	151
Петр Федорович — участник Великой Отечественной войны	155
Семья Петра Федоровича в период Великой Отечественной войны	164
Жизнь в Москве в период 1945–1954 годов	175
Петр Федорович — директор целинного совхоза «Маканчинский» в Семипалатинской области, в Казахстане	179
Петр Федорович — цветовод, любитель ирисов	184
22. Петр Георгиевич (1906–1991) — эмигрант	195

---

23. Олег Александрович (1915–1997) — основатель семейного бизнеса в США	200
24. Валентина Борисовна (1918–2002) — преподаватель французского языка	203
25. Милица Николаевна (1916–2007) и Ирина Николаевна (1923 г. р.) — мои французские кузины.....	205
26. Владимир Петрович Прозоровский-Гаттенбергер (1950 г. р.) — продолжатель рода Гаттенбергеров в США	211
27. Елизавета Олеговна (Elizabeth) Гаттенбергер-Смит (1943 г. р.) — русская американка	214
28. Роберт Олегович (1948 г. р.) — американский бизнесмен.....	218
Эпилог	220
Литература	226
Приложения	231

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВХУТЕМАС** — Высшие государственные художественно-технические мастерские (Москва).
- МОСХ** — Московское отделение союза художников.
- ГАРФ** — Государственный архив Российской Федерации.
- ГАТО** — Государственный архив Томской области.
- ГАТВО** — Государственный архив Тверской области.
- ГАХК** — Государственный архив Хабаровского края.
- КВЖД** — Китайская восточная железная дорога
- РГАЛИ** — Российский государственный архив литературы и искусства.
- РГВИА** — Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
- ЦИАМ** — Центральный исторический архив г. Москвы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я всегда во всем немного опаздываю... Первого сына я родила в 28 лет, в 39 лет защитила кандидатскую диссертацию, в 50 лет села за руль автомобиля, и вот сейчас, в свои 65 лет, берусь за перо, чтобы написать об истории своего рода Гаттенбергеров — выходцев из Швейцарии, верой и правдой служивших России. Почти все мужчины Гаттенбергеры в России погибли в период 1917–1920 годов, некоторые оказались в эмиграции (во Франции и США). Однако одна тоненькая веточка Гаттенбергеров осталась в России, сейчас единственному продолжателю рода 16 лет. Он учится в московской школе и не предполагает, что в нем сосредоточена история весьма древнего рода Гаттенбергеров, известного со времен Филиппа Красивого (XIV век) до наших дней.

По данным Интернета, сейчас в США проживает около 40 человек, носящих эту фамилию. Во Франции — в Эльзасе, Париже, Бордо и на севере Франции также проживают Гаттенбергеры (около 80 человек). Эта фамилия сохранилась и в Швейцарии, известна она в Австрии (в Тироле) и Германии.

Четыре семьи Гаттенбергеров эмигрировали из России после революции 1917 года. Это семья Николая Федоровича (моего дяди) — во Францию, Александра Николаевича (моего двоюродного деда) — в США, вдовы Георгия Петровича с тремя сыновьями (с моими троюродными братьями) — в США и семья Франца Иосифовича, дальнего родственника, — по-видимому, во Францию. Сейчас в России осталась только одна семья Гаттенбергеров, основатель которой — мой отец Петр Федорович — чудом уцелел во время революции, в годы репрессий, прошел всю войну 1941–1945 годов и прожил до 96 лет, оставив нам яркие воспоминания.

Я снова немного опаздываю со своими мемуарами. В наши дни писатели и историки много пишут о русской эмиграции, о страшных годах русской истории 1917–1920. Но время быстро летит, интерес к судьбам русских дворянских семейств пропадает. И все же! Я должна написать эту книгу в память о моих предках, для будущих поколений, для моего внука-

того племянника Коли Гаттенбергера. Я располагаю материалами, которые со временем исчезнут — затеряются или истлеют. У меня сохранились фотографии, письма, визитные карточки людей, давно ушедших из жизни. Но главное богатство — это воспоминания моего 90-летнего отца, которые я записала под его диктовку.

Толчком к написанию книги послужило мое участие в 3-й конференции «Белое движение в Сибири» (Кемерово, 1999 год, организатор конференции — С. П. Звягин). В 1999 году я выступила с небольшим докладом о министре внутренних дел в правительстве А. В. Колчака — Александре Николаевиче Гаттенбергере, дяде моего отца. По реакции участников конференции поняла, что пора, пора писать. Мое второе сообщение 2001 года было о Георгии Петровиче Гаттенбергере, воспитателе Хабаровского кадетского корпуса, генерал-майоре, георгиевском кавалере Белой армии А. В. Колчака.

При написании книги были использованы в первую очередь материалы семейного архива, а также Военно-исторического архива, Центрального исторического архива Москвы, Петербургского, Томского, Тверского, Хабаровского архивов, адрес-календари Российской империи по Москве, Петербургу, Твери, Нижнему Новгороду конца XIX-го — начала XX века, газета «Русский инвалид» за период с июля 1914 по 1917 год, зарубежные публикации русской эмиграции и другие источники. Весьма ценными оказались материалы, хранящиеся у моей двоюродной сестры М. Н. Сера (Франция), фотографии из их семейного альбома прислал ее сын Франсуа Сера. Моим консультантом по военно-морским вопросам был живущий в Париже русский по происхождению А. В. Плотто, внук российских адмиралов А. В. Плотто и С. К. Кульстрема. Материалы о Георгии Петровиче Гаттенбергере мне предоставил А. Бушин, историк из Владивостока, об Александре Николаевиче Гаттенбергере — его внучка, Элизабет Смит (США), а также С. П. Звягин, историк из Кемерово. Для сбора материалов я ездила в Киев, Нежин, Харбин (работала в библиотеке Гиринского университета в г. Чаньчунь), в Сан-Франциско (работала в библиотеке Гуверовского института при Стенфордском университете и виделась со своими американскими родственниками); была в Тунисе, чтобы повидаться со старшей жительницей г. Бизерты Анастасией Александровной Ширинской, приехавшей в Тунис из России в 1920 году с Черноморским флотом; была несколько раз во Франции, посещала маленькие города Эльзаса и их кладбища, где проживают до наших дней Гаттенбергеры. При работе над литературными источниками и при подготовке книги к изданию большую помощь мне оказали муж М. А. Ахметьев, брат Ю. П. Гаттенбергер, сын В. М. Ахметьев и моя коллега Е. Е. Лапина. Спонсором по изданию книги являются семьи Ахметьевых и Гаттенбергеров.

НЕМНОГО ИЗ ИСТОРИИ РОДА ГАТТЕНБЕРГЕРОВ

Корни рода Гаттенбергеров — в Бургундии (Франция). В период правления Филиппа Красивого (1269–1314) они вынуждены были бежать на восток страны, скрываясь от преследования. До сих пор передается из уст в уста в семействе Гаттенбергеров легенда (а может быть, и быль) о том, что на придворном турнире Гаттенбергер убил одного из приближенных короля Филиппа Красивого и вынужден был спасаться от расправы бегством, найдя приют в Вогезских горах, в Эльзасе, почти необитаемых в те далекие годы. Эта легенда о Гаттенбергерах приводится в книге Н. В. Вольфа «Императорский фарфоровый завод» (Вольф, 1906), когда автор описывает жизнь завода при директоре Франце Ивановиче Гаттенбергере в 1803–1806 годах.

По другой версии Гаттенбергеры были гугенотами, они осели в Эльзасе и Швейцарии (центре кальвинизма) в XVII веке.

По архивным материалам Эльзаса, полученным по Интернету в 2002 году, Гаттенбергеры проживают в Эльзасе с XVII века. С тех пор их насчитывается 4581 человек, причем в XX веке родилось 226 человек. Они жили на землях департамента Верхнего Рейна и Бельфора. В XVIII веке большинство представителей рода жили в нескольких населенных пунктах: Soppe Le Haut (главным образом), Soppe Le Bas, Mortzwiller, Guevenatten, Traubach-le Bas, St. Ulrich. В настоящее время Гаттенбергеры проживают, главным образом, в г. Мюлузе (Эльзас), а также в Париже и г. Рубе (на севере Франции). Эльзас, находясь на границе между Францией, Германией и Швейцарией, принадлежал то одной, то другой стране. По Вестфальскому мирному договору 1648 года Эльзас отошел к Франции, но небольшая его часть стала швейцарской. После Франко-прусской войны 1870–1871 годов он стал германской территорией до 1918 года. Германское правительство проводило политику насильственного онемечивания населения, что вызвало сопротивление и массовую эмиграцию жителей Эльзаса во Францию, а также в США и Канаду. Сейчас в США проживает около 40 семейств Гаттенбергеров, приехавших в страну в конце XIX века. Они пишут свою фамилию как Hattenberger, тогда как эмигранты из России — Gattenberger.

В середине XVIII века несколько человек с фамилией Гаттенбергер проживало в Швейцарии, в кантоне Золотурн (на границе с Эльзасом). В 1798 году часть кантона вновь стала французской. Однако представители этой фамилии остались и в Швейцарии.

По семейным преданиям Жан Ксавье Франсуа Гаттенбергер родом из г. Золотурна (Швейцария). На мой запрос я получила архивную справку из Золотурна о том, что в середине XVIII века в городе проживали Hattenberger, однако искомый мной Жан Ксавье Франсуа в списках не значится. Однако известно, что он приехал в Россию (через Ревель) с паспортом, выданным в г. Золотурне. Паспорт был утерян уже в России и получен новый в г. Ревеле (ЦГА. Ф. 105. Оп. 7. Д. 3283).

Итак, в 1780 году из Швейцарии (Жсневы) приехал в Россию Жан Франсуа Ксавье Гаттенбергер (Франц Иванович Гаттенбергер), давший начало русской ветви. До Октябрьской революции 1917 года в России проживало около 60 человек, носивших эту фамилию. Они жили в Петербурге, Павловске, Москве, Весьегонске (Тверская губерния), Хабаровске, Томске, Кутаиси и на Северном Кавказе. Все они были правнуками или праправнуками Франца Ивановича. После революции и Гражданской войны 1917–1920 годов в России остались лишь женщины Гаттенбергер и 4 молодых человека. Только один из них, мой отец Петр Федорович Гаттенбергер, уцелел, создал семью и оставил потомков. Сейчас в России (в Москве) проживает лишь 9 человек с этой странной фамилией, один из них — шестнадцатилетний Коля Гаттенбергер, мы надеемся, продлит наш род в России. В результате бурных событий 1917–1920 годов погибли почти все мужчины Гаттенбергера в возрасте от 17 до 50 лет. Моему дяде Николаю Федоровичу, старшему лейтенанту Черноморского флота, удалось уехать с семьей из Севастополя в Бизерту (Тунис), мой двоюродный дед Александр Николаевич — бывший министр внутренних дел в правительстве Колчака — эмигрировал с семьей в Китай (г. Харбин), а затем в США. Через Владивосток и Шанхай, вместе с кадетами Хабаровского кадетского корпуса, оказались в 1925 году в Сербии: Петр Георгиевич, ровесник моего отца, Владимир Георгиевич и Георгий Георгиевич Гаттенбергера со своей матерью Марией Васильевной. В 1945 году Петр Георгиевич эмигрировал в Чили, а с 1964 года проживал в США. Его единственный сын Владимир сейчас живет в Сан-Матео (Калифорния) и имеет сына Николая. Брат Владимир покончил жизнь самоубийством в 1945 (?) году, Георгий проживал в 1970-е годы в Калифорнии. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Таким образом, два Николая — русский и американский — являются продолжателями рода Франца Ивановича Гаттенбергера.

В настоящее время Гаттенбергера живут по всему миру — во Франции, Швейцарии, США, Канаде, России, Австрии, Германии. Их судьбы различны, среди них есть геологи, предприниматели, инженеры, преподаватели, фермеры. Среди русских Гаттенбергера в течение двух последних столетий были художники, скульпторы, инженеры-путейцы, судьи, строители, много военных, в их числе и георгиевские кавалеры.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ГАТТЕНБЕРГЕРОВ

Франц Иванович Гаттенбергер — Jean Francois Xavier Hattenberger (1760–1820) родился в г. Золотурне, в Швейцарии, приехал в Россию в 1780 году, художник и скульптор, надворный советник, скончался в Петербурге.

1-е поколение

- 1(1) Франц Францевич родился в Москве в 1792 году, имел трех дочерей, умер в Харькове.
- 2(1) Иосиф Францевич родился в Москве в 1793 году.
- 3(1) Александр Францевич (1803–1880), родился и проживал в Петербурге, генерал-майор, похоронен на католическом (Успенском) кладбище Петербурга.
- 4(1) Константин Францевич (1804–1874) родился и жил в Петербурге, правитель хозяйственной части Смольного института благородных девиц, статский советник, похоронен на католическом (Успенском) кладбище Петербурга.
- 5(1) Николай Францевич родился в Петербурге, рано умер.

2-е поколение

- 1(2) Франц Иосифович, гражданин Франции, жил в Петербурге, умер в 1910–1912 годах.
- 2(2) Альфред Иосифович, жил в Петербурге.
- 3(3) Валерий Александрович, жил в Петербурге, умер после 1912 года.
- 4(4) Николай Константинович (1824–1866), родился в Петербурге, участвовал в строительстве железных дорог на Украине, похоронен на католическом (Успенском) кладбище в Петербурге.

- 5(4) Елена Константиновна (1841–1918), родилась в Петербурге, художник-садовод, похоронена на городском кладбище г. Павловска.
- 6(4) Константин Константинович (1844–1893), родился в Петербурге, профессор полицейского права в Харьковском университете, холостяк, похоронен на Усекновенском кладбище в Харькове.
- 7(4) Петр Константинович (1846–1916), родился в Петербурге, товарищ председателя Плоцкого окружного суда (Польша), тайный советник, похоронен на Немецком (Введенском) кладбище в Москве.
- 8(4) Александр Константинович (1848–?), родился в Петербурге. Его судьба неизвестна.
- 9(4) Ольга Константиновна (1852–?), родилась в Петербурге, в 1870 году окончила Смольный институт благородных девиц в Петербурге. Дальнейшая ее судьба неизвестна.
- 10(5) Екатерина Николаевна (1838–1918), родилась в Петербурге, замужем за Романом Николаевичем Аршневым, жила в Петербурге и Павловске.

3-е поколение

- 1(1) Альфред Францевич, гражданин Франции, проживал в Петербурге в 1907–1910 годах, работал в фирме «Братья Бух». Дальнейшая его судьба неизвестна.
- 2(4) Варвара Николаевна (1860–1934), родилась в Петербурге, жена генерал-лейтенанта Сергея Николаевича Успенского, похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.
- 3(4) Александр Николаевич (1861–1939), родился в с. Юрушкове Весьегонского уезда Тверской губернии. В 1918–1919 годах был министром внутренних дел в правительстве Колчака. В 1920 году эмигрировал в Харбин, в 1923 году выехал на постоянное жительство в США, проживал в Сан-Франциско, умер 2 мая 1939 года, похоронен на православном (Сербском) кладбище г. Сан-Франциско.
- 4(4) Георгий Николаевич (1862–1920), родился в Петербурге, полковник, погиб во время Гражданской войны в 1920 году на Украине.
- 5(4) Петр Николаевич (1864–1921), родился в Весьегонске, генерал-майор, покончил жизнь самоубийством в 1921 году в г. Потти.
- 6(4) Мария Николаевна (1866–1918), родилась в Весьегонске, незамужняя, была связана с анархистами, погибла во время Октябрьской революции.
- 7(4) Федор Николаевич (1867–1917), родился в Весьегонске, судебный пристав в Медвежьинском уезде, Ставропольской губернии, убит на пороге своего дома вместе с сыном Иваном большевиками. Похоронен на среднем кладбище с. Медвежье.

- 8(7) Елизавета Петровна (1874 — умерла после 1918 года), родилась в г. Усмани Воронежской губернии, проживала в Киеве. Дальнейшая ее судьба неизвестна.
- 9(7) Георгий Петрович (1876–1920), родился в г. Усмани Воронежской губернии, генерал-майор, погиб на юге Украины в бою с большевиками.
- 10(7) Наталья Петровна (1877–1952), родилась в Воронеже, работала преподавателем живописи по фарфору на керамическом факультете во ВХУТЕМАСе, похоронена на Немецком (Введенском) кладбище в Москве.
- 11(7) Владимир Петрович (1879–1926), родился в г. Воронеже, в советское время работал в Управлении Курской железной дороги, умер в Москве.
- 12(7) Ольга Петровна (1880–1941), родилась в г. Воронеже, вышла замуж за Виктора Поликарповича Шликевича, жила в Петербурге, умерла во время блокады Ленинграда в 1941 году, похоронена на Пискаревском кладбище.
- 13(7) Борис Петрович (1882–1920), родился в г. Воронеже, ротмистр, погиб на Северном Кавказе в бою с большевиками.
- 14(7) Екатерина Петровна (1892–1967), родилась в г. Плоцке (Польша), с 1914 года проживала в Москве, работала в Управлении Курской железной дороги, замужем за Константином Георгиевичем Карповым (1895–1961), умерла в Москве, похоронена на Немецком (Введенском) кладбище.
- 15(7) Андрей Петрович (1895–1957), родился в г. Плоцке (Польша), с 1914 года проживал в Москве, строитель, в 1947 году арестован, приговор — лишние свободы на 10 лет, находился во Владимирской области. Умер от туберкулеза.

4-е поколение

- 1(3) Александр Александрович (1885–1970), родился в Нижнем Новгороде, в 1920 году эмигрировал через Иркутск и Читу в Китай, в 1923 году — в Сан-Франциско. Работал в области юриспруденции, владел недвижимостью, получая с этого ренту. Умер в г. Фремонте, похоронен в Сан-Франциско (Калифорния).
- 2(3) Всеволод Александрович (1887 – после 1939), родился в Нижнем Новгороде, В 1918–1919 годах был чиновником по особым поручениям в правительстве А. В. Колчака, в 1922 году эмигрировал в Харбин (Китай), работал на КВЖД. С 1931 года — безработный, в 1936 году к нему приезжал из США отец Александр Николаевич, его судьба после 1939 года неизвестна.
- 3(4) Зинаида Юрьевна (Георгиевна) (1900–1966), родилась в г. Канске Енисейской губернии, после увольнения с военной службы отца

- проживала с 1907 года в г. Вёсьегонске и родовом имени Юрушкове Тверской губернии, жила в Пятигорске, Баку, Москве, Ялте, Феодосии, Лиде, замужем за Петром Александровичем Алдадановым, работала бухгалтером, умерла в г. Лиде (Белоруссия).
- 4(4) Наталья Юрьевна (Георгиевна) (1902 – после 1950), родилась в г. Канске Енисейской губернии, с 1907 по 1918 год проживала в г. Вёсьегонске и родовом имени Юрушкове Тверской губернии, жила на Украине, с 1929 года — в г. Свердловске, замужем за Пенко. Дальнейшая ее судьба неизвестна.
- 5(4) Глеб Юрьевич (Георгиевич) (1904–1906), родился в г. Канске, трагически погиб.
- 6(4) Ксения Юрьевна (Георгиевна) (1906–1918), родилась в г. Канске, с 1907 года жила в г. Вёсьегонске и родовом имени Юрушкове Тверской губернии, умерла в период Гражданской войны.
- 7(5) Борис Петрович (1892–1919), родился в Нижнем Новгороде, полковник, погиб в бою с большевиками на юге Украины.
- 8(5) Николай Петрович (1894–1938), родился в с. Юрушкове Вёсьегонского уезда Тверской губернии. В 1931 году проживал в г. Калуге, работал уполномоченным Калужского отделения Госиздата, арестован и осужден по статье 58, пп. 6 и 10, приговорен к 3-м годам лагерей. С 1934 года проживал в г. Вольске, работал уполномоченным государственного музыкального проката. В сентябре 1938 года был повторно арестован по обвинению за антисоветскую агитацию, расстрелян в г. Саратове.
- 9(5) Софья Петровна (1896–1921), родилась в Нижнем Новгороде, незамужняя, покончила жизнь самоубийством (вместе с отцом) в г. Потти.
- 10(5) Евгений Петрович (1900–1918), родился в Нижнем Новгороде, жил в г. Кутаиси, погиб в Гражданской войне.
- 11(7) Екатерина Федоровна (1890–1971), родилась в с. Макарове Вёсьегонского уезда Тверской губернии, закончила Вёсьегонскую гимназию, работала учительницей, бухгалтером, замужем за Алексеем Васильевичем Горшковым (1879–1944), земским начальником в с. Медвежьем, бездетная. Умерла в Москве, похоронена на Химкинском кладбище.
- 12(7) Николай Федорович (1891–1967), родился в г. Вёсьегонске Тверской губернии, служил на Черноморском флоте. В ноябре 1920 года с Черноморской эскадрой ушел в г. Бизерту (Тунис), умер и похоронен в Мегрине (близ г. Туниса).
- 13(7) Евгения Федоровна (1892–1974), родилась в Вёсьегонске, окончила Вёсьегонскую гимназию, получив диплом учительницы, работала в начальной школе в селах Ставропольской губернии, учителем математики в г. Ейске, г. Свердловске и г. Алма-Ате. В 1916 году вышла замуж за Владимира Ефимовича Лунева, эмигрировавшего в Болгарию в 1920 году. Считая, что ее муж погиб во время Гражданской

войны, она вторично вышла замуж в 1922 году за Ивана Ивановича Земника, латышского колониста под г. Ейском. В 1928 году Земники были раскулачены и сосланы в г. Свердловск, в конце 30-х годов семья переехала в г. Алма-Ату, в 1953 году — в г. Ригу. Умерла в 1974 году и похоронена в г. Риге.

- 14(7) Иван Федорович (1894–1917), родился в Вельегонске, окончил 2-й Кадетский корпус имени Николая Первого в Москве и юнкерское пехотное училище в Петербурге в 1914 году, участник Первой мировой войны в чинах от подпоручика до полковника 135-го Керчь-Еникальского пехотного полка, награжден орденами Станислава 2-й и 3-й степени, Анны 2-й и 3-й степени и Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Убит на пороге своего дома в с. Медвежье в декабре 1917 года (вместе с отцом), похоронен на Среднем кладбище с. Медвежье.
- 15(7) Ольга Федоровна (1895–1976), родилась в Вельегонске, окончила Смольный институт благородных девиц в Петербурге в 1917 г., работала учителем рисования в гимназии г. Ейска, в 1921 году вышла замуж за Василия Васильевича Кошурникова, врача, вдовца с малолетним сыном Юрием, жила в г. Андижане, после смерти мужа в 1954 году переехала в пос. Сиверская под Петербургом, умерла и похоронена в пос. Сиверская.
- 16(7) Роман Федорович (1897–1919), родился в Вельегонске, закончил 2-й Кадетский корпус имени Николая Первого в Москве и Тверское кавалерийское училище в 1917 году, в 1918 году корнет лейб-драгунского Его Императорского Величества Петра Первого полка, вступил в Добровольческую армию, погиб в бою с большевиками в январе 1919 года, похоронен в братской могиле под с. Георгиевским (на Северном Кавказе).
- 17(7) Любовь Федоровна (1899–1976), родилась в Вельегонске, училась в Смольном институте благородных девиц в Петербурге, окончила пять классов, с 1918 года жила в г. Ейске. В 1923 году вышла замуж за Павла Ивановича Бабенко, сына местного портного, учителя рисования в школе, имела 2-х девочек-двойняшек Веру и Надю. Скончалась в г. Ейске и похоронена на городском кладбище.
- 18(7) Галина Федоровна (1901–1978), родилась в Вельегонске, училась в Смольном институте благородных девиц в Петербурге, окончила лишь 2 класса, с 1918 года жила в г. Ейске, в 1923 году вышла замуж за кубанского казака Михаила Ивановича Панасенко, школьного учителя математики (1899–1973), имела одного сына Евгения (1925 года рождения), в последние годы жила в г. Луганске, где и похоронена.
- 19(7) Нина Федоровна (1903–1919), родилась в Вельегонске, училась в Ставропольской гимназии, умерла от тифа, похоронена в г. Ейске.

- 20(7) Петр Федорович (1906–2002), родился в Весьегонске, агроном, умер в Москве 2 января 2002 года. Похоронен на Химкинском кладбище.
- 21(7) Варенька (1907–1908), родилась и умерла в младенчестве в Весьегонске.
- 22(9) Петр Георгиевич (1906–1991), родился в г. Хабаровске, с 1922 года в эмиграции в г. Шанхае, с 1925 года — в Югославии. Был на пограничной службе в Югославии, в 1941 году вступил в Русский корпус, участвовал во Второй мировой войне на стороне Германии. После войны в 1945 году эмигрировал в Чили, а затем в 1964 году переехал в США. Умер и похоронен в Сан-Франциско.
- 23(9) Владимир Георгиевич (1908–1945?), родился в Хабаровске. В 1922 году эмигрировал вместе с кадетским корпусом в Шанхай, в 1925 году — в Сербию. Покончил жизнь самоубийством в 1945 (?) году.
- 24(9) Георгий Георгиевич (1909 – после 1976?), родился в Хабаровске. В 1922 году эмигрировал в Шанхай вместе с матерью и братьями, в 1925 году — в Сербию. В 1970-е годы проживал в Калифорнии (США). Дальнейшая его судьба неизвестна.
- 25(13) Наталья Борисовна (1907–1987), родилась в г. Рыпине Плоцкой губернии (Польша). Ее мать Мария Федоровна (урожденная Волкова) умерла при ее родах, отец погиб в Гражданскую войну в 1920 году. Воспитывалась в детском доме и у родственников отца в Москве. Специального образования не имела. В 1933 году вышла замуж за Сергея Николаевича Концевича, сына священника из Киева, техника-строителя. Он погиб во время Великой Отечественной войны. Имела детей — Марину (р. 1934), Николая (р. 1938) и Александра (1941–2003). Жила и умерла в Москве.
- 26(13) Всеволод Борисович (Волик) (1913–1938), родился и жил в Петербурге (Ленинграде), работал коллектором в Центральном НИГеологоразведочном институте (теперь ВСЕГЕИ). В ноябре 1935 года арестован по статье 58-10, приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, вторично осужден в декабре 1937 года по статьям 58-2 и 58-11 и приговорен к высшей мере наказания, расстрелян 9 января 1938 года.
- 27(13) Елена Борисовна (Эля) (1916–?). Родилась и жила в Петербурге (Ленинграде). В 1930-е годы жила в ссылке в г. Бугуруслане вместе с матерью. Вышла замуж за писателя и литературоведа А. С. Могилянского, в 1950-е годы жила в Ленинграде.
- 28(15) Татьяна Андреевна (1928–?), родилась и жила в Москве, строитель. Вышла замуж за Анатолия Евсеевича Шапиро. Эмигрировала с мужем и детьми в Швецию в конце 1970-х годов.

5-е поколение

- 1(1) Олег Александрович (1915–1997), родился в Томске 20 февраля 1915 года. В 1920 году эмигрировал с родителями в г. Харбин (Китай), в 1923 году — в Сан-Франциско США). Окончил Стенфордский университет. Женат на американке Mildred Mary Hartsuck (1913–2007). Имел дочь Елизавету (Elizabeth Mave) и сына Роберта (Robert). В равной степени владел английским и русским. Занимался семейным бизнесом — сдавал внаем жилые площади. В конце 1960-х годов вылетал в Тунис, чтобы увидеться с Николаем Федоровичем Гаттенбергером, но опоздал, тот уже умер, и он встречался только с Алисой — второй женой Николая Федоровича. Дважды был в России туристом. Вместе с дочерью на теплоходе путешествовал от Москвы до Санкт-Петербурга и на поезде Владивосток—Москва. Умер и похоронен в г. Юкайя (США, штат Калифорния).
- 2(1) Нина Александровна (1916 – около 1960). Родилась в Томске. С 1920 года проживала в г. Харбине (Китай), с 1923 года — в Сан-Франциско (США). Замужем за русским эмигрантом из Оренбурга Михаилом Крахвинкелем (Krahwinkel) (1909 года рождения), работала клерком. Имела детей — Гарри (1945 года рождения) и Лидию (1951 года рождения). Умерла и похоронена в Сан-Франциско.
- 3(7) Валентина Борисовна (1918–2002), родилась в г. Ялте. Окончила институт иностранных языков (французское отделение) в г. Москве в 1941 году, была Сталинской стипендиаткой, во время Отечественной войны преподавала в Омске французский и немецкий языки для специалистов военной и дипломатической служб. После войны с организацией языковых спецшкол в конце 1950-х годов была заведующей учебной частью во французской школе им. Ромена Роллана в Москве. Автор трех учебников французского языка для спецшкол. Организатор школьного музея «Нормандия—Неман», бездетная. Умерла в Москве, похоронена на Донском кладбище.
- 1(12) Милица Николаевна (1916–2007) родилась в г. Севастополе. В 1920 году с Черноморской эскадрой эмигрировала в г. Бизерту (Тунис). Окончила педагогическую школу в г. Тунисе, получив степень бакалавра. Преподавала в арабских и французских школах Туниса. В 1940 году вышла замуж за Габриэля Сепе, французского колониста-землевладельца в Тунисе. В 1957 году вместе с мужем и детьми переселилась во Францию, преподавала и заведовала учебной частью в школе д. Бслабр (департамент Эндр). После выхода на пенсию и получения денежной компенсации за потерю недвижимости в Тунисе купила дом в г. Ле Блане, где проживала до своей смерти. Имеет двоих сыновей — Пьера (1946 года рождения), — преподавателя математики Парижского лицея, проживающего в Париже вместе с женой Анни и двумя сыновьями — Оливье и Бенжаменом, а также сына Франсуа

- (1951 года рождения) — фотографа журнала «За безопасность на автодорогах», также проживающего в Париже с женой Николь.
- 5(12) Ирина Николаевна (Ирэн) (1923 года рождения), родилась в г. Бизерте (Тунис). В 1945 году вышла замуж за французского морского офицера Жана Леона Герена. Жила в г. Касабланке (Марокко), с 1974 года — во Франции в г. Канны. Имеет 4-х детей: Эрика (проживает в г. Бордо), Филиппа (проживает в Париже), Элизабет (проживает в г. Сент Мало) и Франсуазу (проживает в Германии) и 6 внуков.
- 6(20) Юрий Петрович (1932 года рождения), родился в Москве, окончил Московский нефтяной институт (геологический факультет), работал на нефтяных месторождениях Татарии, Западной Сибири, Западного Казахстана, а также в Алжире, Ираке, Вьетнаме, Малайзии и Туркменистане, доктор геолого-минералогических наук, профессор, автор более 100 работ по специальности. Женат на Наталье Леонидовне Лихницкой (1932 года рождения), художнице прикладного искусства, члене МОСХа, заслуженном художнике России, имеет детей — Ольгу (1957 года рождения), Алексея (1958 года рождения), Степана (1965 года рождения) и 5 внуков, проживающих в Москве. В настоящее время пенсионер, живет в Москве.
- 7(20) Нина Петровна (1934 года рождения), родилась в Москве, окончила Московский геологоразведочный институт (гидрогеологический факультет), работала на Дальнем Востоке, в Средней Азии, Центральных районах России, кандидат геолого-минералогических наук, автор около 70 работ по специальности. В последние годы занимается исследованием своего генеалогического древа (Гаттенбергеры и Бартеңевы). Замужем за Михаилом Алексеевичем Ахметьевым (1935 года рождения), геологом, доктором геолого-минералогических наук, профессором, членом-корреспондентом РАЕН, главным научным сотрудником Геологического института РАН, автором более 300 работ по специальности. Имеет двух сыновей — Петра (1963 года рождения), доктора физико-математических наук, и Владимира (1969 года рождения), физика. Живет в Москве.
- 8(20) Надежда Петровна (1939 года рождения), родилась в Москве, окончила Московский авиационно-технологический институт, работала в научно-исследовательских институтах с микросхемами, полупроводниками. Замужем за Юрием Борисовичем Полозовым (1929–2007), технологом авиационной промышленности, имеет детей — Бориса (1962 года рождения) и Антона (1968–2000), трагически погибшего в автомобильной катастрофе. Живет в Москве.
- 9(22) Владимир Петрович (Прозоровский-Гаттенбергер) родился в 1950 году в Чили. С 1964 года проживает в США, в Калифорнии, свободно говорит по-русски. Занимается бизнесом. Женат на Наталье Бори-

совне Ивановой (дочери русских эмигрантов из Киева), родившейся в Париже в 1953 году, имеет двух дочерей: Наталью (1979 года рождения), Веру (1981 года рождения) и сына Николая (1984 года рождения).

6-е поколение

- 1(1) Елизавета Олеговна (Elizabeth) (1943 года рождения). Родилась и живет в Сан-Франциско. Училась (но не закончила) в Калифорнийском университете (на искусствоведческом отделении), любит живопись, особенно русскую, неплохо рисует. Участвует с другими членами семьи в общем семейном бизнесе — сдаче внаем недвижимости. Имеет дочь Катрину (Catrine) (1967 года рождения). Муж Dennis Smith погиб в автомобильной катастрофе в 1970 году. В России была трижды. Посещала Ломоносовский фарфоровый завод в Санкт-Петербурге, поездом путешествовала от Москвы до Владивостока и на пароходе от Москвы до Санкт-Петербурга и обратно. Немного владеет русским языком.
- 2(1) Роберт Олегович (Robert) (1948 года рождения). Родился в Сан-Франциско, окончил Калифорнийский университет (животноводческое отделение), владел ранчо. Живет в г. Юкайя (к северу от Сан-Франциско). Участвует в семейном бизнесе — сдаче недвижимости внаем. Холост.
- 3(6) Ольга Юрьевна (1957 года рождения), родилась в Москве, окончила Московский институт тонкой химической технологии, работала в химической лаборатории научно-исследовательского института, сейчас работает в частной фирме. Замужем за Валерием Ефимовичем Шилклопером, музыкантом, имеет детей — Светлану (1977 года рождения) и Сергея (1979 года рождения). Живет и работает в Москве.
- 4(6) Алексей Юрьевич (1958 года рождения), родился в Москве, окончил Московский автодорожный институт, женат на Любви Викторовне Клементьевой (1957 года рождения), детей не имеет, живет и работает в Москве.
- 5(6) Степан Юрьевич (1965 года рождения), родился в Москве, окончил Московский инженерно-строительный институт, работает менеджером в строительной фирме, женат на Елене Сергеевне Зобовой (1962 года рождения), окончившей тот же институт, имеет детей — приемную дочь Елизавету (1984 года рождения, от первого брака жены), Анну (1988 года рождения) и Николая (1991 года рождения), живет и работает в Москве.
- 6(9) Наталья Владимировна (1979 года рождения), родилась в Лос-Анжелесе, окончила Институт искусств в Сан-Франциско, имеет степень бакалавра искусств, занимается моделированием, акриловой и цифровой живописью, проживает в Сан-Матео (Калифорния).

- 7(9) Вера Владимировна (1981 года рождения), родилась в Лос-Анжелесе, имеет среднее техническое образование, проживает в Сан-Матео (Калифорния).
- 8(9) Николай Владимирович (1984 года рождения), родился в г. Лос-Анжелесе, имеет среднее техническое образование, живет и работает в г. Сан-Матео (Калифорния).

7-е поколение

- 1(3) Елизавета Олеговна (1984 года рождения), родилась в Москве, окончила Metallургический институт, работает в туристической фирме г. Москвы.
- 2(3) Анна Степановна (1988 года рождения), родилась в Москве, учится в Инженерно-строительном институте г. Москвы.
- 3(3) Николай Степанович (1991 года рождения), родился в Москве, учится в 11 классе московской общеобразовательной школы.

ЖАН ФРАНСУА КСАВЬЕ ГАТТЕНБЕРГЕР (HATTENBERGER) — ХУДОЖНИК И СКУЛЬПТОР

Жан Франсуа Ксавье (Франц Иванович) Гаттенбергер приехал в Россию из Женевы 24 июня 1780 года через г. Ревель. По сведениям, почерпнутым из литературных источников, он был профессором Женевского университета, специалистом по технологии фарфора. До переезда в Россию преподавал в Страсбурге, работал на фарфоровом заводе в г. Нионе (Nyon), в 30 км от Женевы. С 1784 по 1794 год он работал скульптором в Екатерининском дворце в Лефортово (Москва) «для смотрения и показания производимых в оном скульптурных работ» (ЦГА. Ф. 17. Оп. 102. Д. 691). Дворец строили лучшие мастера того времени — В. С. Яковлев, А. Ринальди, Р. Р. Казаков, с 1780 года — Д. Кваренги, который создал портик со стороны сада и знаменитую многоколонную лоджию на фасаде. Дворец огромный, его протяженность по фасаду — 200 м. Колонны выполнены в коринфском стиле. К 1784 году дворец был построен, во внутренней отделке участвовали Ф. Кампорези и Ф. Гаттенбергер. Известно, что «Познавательный портал» внутри здания, сохранившийся до наших дней, выполнен этими авторами. Екатерина II никогда в нем не останавливалась. Впоследствии во дворце и его пристройках были открыты кадетские корпуса для дворянских детей, где учились 4 правнука Франца Ивановича (в настоящее время здесь расположена Бронетанковая академия).

Франц Иванович Гаттенбергер
(1760–1820)

В 1780–1790-е годы Франц Иванович работал на заводе Ф. Я. Гарднера «как технолог и скульптор малых форм». Завод был основан лесопромышленником англичанином Францем Яковлевичем Гарднером в 1766 году в селе Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии. Технологом-арканистом был немец Иван Федорович Миллер, с 1773 года надзирателем завода был Мейснер, а живописцем Иохим Кестнер (Вербилки..., 2005). Завод был лучшим из

Бюст Екатерины II и барельеф Гарднера
работы Франца Ивановича Гаттенбергера. Примерно 1790 год

частных заводов в России. Он выпускал первоклассную продукцию: чашки, тарелки, сервизы, украшенные миниатюрами и цветочными орнаментами. На заводе были изготовлены большие столовые орденские сервизы для двора — «Георгиевский», «Александровский», «Андреевский» и «Владимирский», являющиеся гордостью завода. Начиная с 1790-х годов стали изготавливать также маленькие скульптуры, например «Пастораль», «Пастушок», «Мальчик-садовник», «Арлекин», «Венера и Амур», «Охотник», «Танцующая пара», «Продавщица ягод и цветов» и др.

Франц Иванович создал на заводе сохранившиеся до настоящего времени бюст Екатерины II и барельеф Ф. Я. Гарднера. Бюст императрицы высотой 20–25 см выполнен из белого фарфора. Екатерина у скульптора — молодая привлекательная женщина с полуулыбкой на лице, не чувствуется никакой напыщенности, величественности. Этот бюст хранится в Эрмитаже, а другой бюст — в Музее керамики (Кусково, Москва). Барельеф Ф. Я. Гарднера был выполнен в последние годы жизни владельца завода и хранится в Музее керамики.

Известно, что в 1793 году Франц Иванович проживал в Москве в собственном доме в приходе Богоявления по Петропавловской улице в доме № 3, квартале № 277, по соседству с ним проживал и Ф. Я. Гарднер: приход Богоявления, Гарднерский переулок, дом № 3, квартал 258. (Указатель Москвы..., 1793). Их связывала и общность религиозных воззрений (оба были протестантами). Соседями Франца Ивановича были Фридрих Гелфердинг — живописный мастер, Иван Яковлевич Голдектер — «лошадиных дел мастер», Данила Федорович Горт — плотничный мастер, Иван Богданович

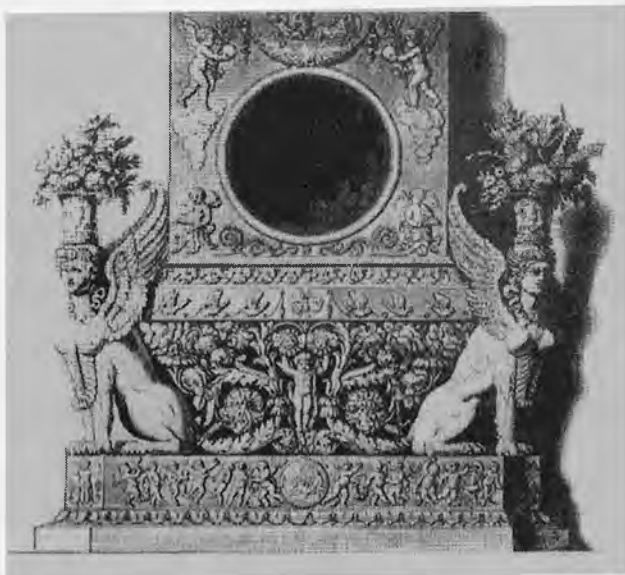
Грэф — издатель книг и другие. В это время у Франца Ивановича было два сына — Франц 1792 года рождения и Иосиф 1793 года рождения. В 1796 году Гаттенбергер запатентовал изобретение — новую печь для обжига фарфора. В 1796 году он стал членом Императорского вольного экономического общества (09.02.1796 г.). Об этом свидетельствует его диплом, фотография которого хранится в музее бывшего Императорского фарфорового завода в Санкт-Петербурге как экспонат за номером 1873 (Вольф, 1906), а также об этом можно прочитать в Трудах Вольного экономического общества за 1796 год.

В 1798 году Ф. И. Гаттенбергер в Жиздринском уезде Калужской губернии на земле помещицы Марии Васильевны Мальцовой основал собственный завод, просуществовавший до 1801 года. Известно, что в 1798 году Франц Иванович подал в мануфактур-коллегию прошение о заведении им собственной фарфоровой фабрики. Он представил в коллегию подробные чертежи всех фабричных зданий и сообщил о пяти механизмах, которые он изобрел. Гаттенбергер просил выдать ему 5 тыс. рублей субсидии или организацию фабрики. Мануфактур-коллегия поддержала его просьбу, но Министерство финансов отказало. На заводе впервые были применены машины для производства кирпича, капселей, фарфоровой и фаянсовой посуды. Однако завод был закрыт, «причина не другая какая, как единое токмо несостояние его в капитале» (Попов, 1980).

В 1796 или 1797 году Франц Иванович продал свой дом в Москве французцу Бургарелю, в 1798 году хозяином дома стал Скворцов. Именно здесь, в семье Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных, снявших этот дом в наем, около года спустя родился наш великий поэт (Романюк, 1980).

Семья Франца Ивановича переселилась в Петербург. В начале века он был управляющим Александровской мануфактурой, а с 1803 по 1806 год был директором Императорского фарфорового завода.

Организатором и первым директором этого завода был Д. И. Виноградов (с 1744 года). После смерти Виноградова в 1758 году им руководил И. Ф. Миллер до 1763 года, уйдя затем к Ф. Я. Гарднеру. С 1765 года завод стал называться Императорским, а до этого был Порцеллановой мануфактурой, работал на привозном сырье, главным образом из Германии. С 1754 года завод начал выпускать сервизы. Известен «Собственный сервиз императрицы Елизаветы Петровны» с рельефными гирляндами цветов на пурпурной сетке. В 1784 году был изготовлен большой нарядный сервиз «Арабеско-ный». Он состоял из 933 предметов на 60 кувертов. Интересен и «Яхтинский сервиз» с эмблемами русского торгового флота. В 1799 году в связи с победой А. В. Суворова в Италии художники фарфорового завода создали сервиз для двоих (дежене) с изображениями крепостей, взятых русскими войсками. При фарфоровом заводе была бронзовая мастерская, где изготавливались, главным образом, каминные часы. С 1760 года начинают изготавливать «бисквит» — белый, непокрытый глазурью фарфор. Сначала это были небольшие вещи — бюсты, фигурки, их выполнял главным образом

Ф. И. Гаттенбергер. Проекты корпуса бронзовых часов. 1809 год

скульптор И. Ксавери. С 1799 года во главе модельмейстерской мастерской становится скульптор Жан Доменик Рашет. Он создал парадные скульптуры Екатерины Великой, модели бисквитных групп — «Диана и Эндимион», «Нимфа с купидонами», «Зефир и Флора», бюсты Аполлона и Ариадны и др.

В 1802 году фарфоровый завод реорганизуется (Вольф, 1906). Князь Д. А. Гурьев, управляющий Кабинетом Его Величества и товарищ министра финансов, задумав реформу завода, поручил надворному советнику Ф. И. Гаттенбергеру, человеку компетентному и в керамической технике, и в вопросах художественной промышленности, осмотреть завод и дать свое заключение о необходимых изменениях как в администрации завода, так и в технической и художественной частях. В мае 1803 года Ф. И. Гаттенбергер составил доклад о состоянии завода, указав на недостатки в работе, а в сентябре этого года представил проект «О новом учреждении фарфорового завода», который лег почти без изменения в основу нового Положения и штата завода на 66 листах рукописного текста (*Itineraire des voyages fait a la fabrique Imperiale de porcelaine par F. X. Hattenberger, 1803*), хранящегося в музее завода. При введении этого Положения он был назначен директором завода и стоял во главе его до декабря 1806 года.

Сделанные Ф. И. Гаттенбергером проекты изделий из фарфора, стекла, камня, серебра собраны в альбомах. Первый альбом (1801) включает 39 акварельных проектов серебряных сливочников. Второй — «Собрание различных фарфоровых и стеклянных столовых приборов, сделанных г. профессором Гаттенбергером» — содержит 43 листа, на которых размещен

61 рисунок. В третьем альбоме «Рисунки различных комнатных украшений, как то ваз, бронзовых столов, зеркал, жирандолей, ламп, составленные г. профессором Гаттенбергером в 1806–1807 гг.» представлен 21 рисунок сепией и акварелью. В 1805 году издана коллекция гравированных раскрашенных рисунков, представляющих общий вид, детали, планы и разрезы машин для выделки фарфора и фаянса с пояснительным текстом. На основании альбома, изданного в 1806 году, проводились расценки изготавливаемой продукции. Сервизные вещи разделялись на несколько категорий по их формам, а каждая категория, в свою очередь, на несколько разрядов (до 8) по живописи, с детальной оценкой всех работ. Например, изготовление чайника первой формы складывалось из работ трех инспекций. Первая инспекция включала работу токаря — 15 коп., гарнировщика — 10 коп., скульптора — 10 коп., масса для изготовления чайника — 2 фунта по 15 коп., всего 65 коп. Вторая инспекция — живописная. Тот же чайник, расписанный живописью 1-го рода — орнамент в две краски и золото, — работа живописца — 10 коп., позолотчика — 5 коп., за краски — 11 коп., золото 5 зерен по 8 коп., всего 66 коп. Третья инспекция — контрольная. Итого — цена первой инспекции 65 коп., второй — 66 коп., всего 1 руб. 31 коп., плюс 100 % накладных расходов. Продажная цена — 2 руб. 62 коп.

В 1804 году на заводе были сделаны две новых капсельных печи. Делались попытки использования подмосковной (гжельской) глины, глин с Урала (екатеринбургских), а также тихвинских и глуховских глин. Наилучшего качества оказалась глуховская глина из Черниговской губернии. Она до последних лет являлась основным материалом для фарфорового завода.

В работах Ф. И. Гаттенбергера как художника получил воплощение стиль ампир, или поздний классицизм. Многие вазы и предметы сервизов приобретают формы античных сосудов, много вызолоченной фарфоровой скульптуры (чаще всего античные мифологические персонажи). Предметы украшаются античным орнаментом. В наши дни в экспозиции музея Ломоносовского фарфорового завода представлены две лейки и ваза. Лейки больше напоминают чайники, изящно орнаментированные женскими фигурами. Изображение других работ, выполненных по рисункам Ф. И. Гаттенбергера, можно видеть на цветной вкладке в книге «Швейцарцы в Петербурге» (с. 400, фиг. 57–64) (статья Т. В. Кудрявцевой), а также в книге Т. В. Кудрявцевой «Русский императорский фарфор» (2003).

На Фарфоровом заводе была выполнена Ф. И. Гаттенбергером скульптура по модели французского скульптора Буазо (1775) — бюст Марии Антуанетты, являющаяся семейной реликвией. Это работа из белого фарфора-бисквита, высотой около 25 см, на фаянсовой подставке. В 1922 году она была выставлена на продажу на Московском художественном рынке. Специалисты считают, что в работе имеется брак — ее несколько «повело» при обжиге, или в самой работе вкралась анатомическая несточность — не совсем симметрична голова, отсутствует один локон на затылке. Но благодаря этому незаметному на первый взгляд дефекту скульптура осталась у

Ф. И. Гаттенбергер.
Бюст Марии Антуанетты.
СПб., 1805 (?) год

потомков Франца Ивановича. Сейчас она находится в семье Юрия Петровича и Натальи Леонидовны Гаттенбергеров, до 1958 года она хранилась в семье Петра Константиновича Гаттенбергера и его дочерей Натальи Петровны и Екатерины Петровны. В настоящее время в Эрмитаже Петербурга экспонируется бюст Марии Антуанетты работы Буазо (подлинник), рядом с бюстом из мрамора Людовика XVI того же автора. Рисунок этой скульптуры имеется на обложке книги С. Цвейга «Мария Антуанетта», однако без ссылки на автора скульптуры.

После 1806 года Франц Иванович Гаттенбергер стал работать в Павловске, где шла реконструкция Павловского дворца и дворцовых построек в парке. В январе 1803 года во дворце произошел пожар, длившийся более суток. В огне погибли многие помещения, пострадали картины, библиотека, мебель, предметы убранства дворца. Восстановительными работами руководил А. Н. Воронихин с помощниками Д. Скотти, П. Гонзаго, К. Росси и други-

ми. Восстановление и переделка дворца длилась в течение многих лет. Вдовствующая императрица Мария Федоровна очень любила Павловск и активно занималась обустройством комнат дворца, строительством новых павильонов, гrotтов, беседок. Парк также претерпел большие изменения. Каждый год Мария Федоровна приезжала в Павловск в апреле-мае и уезжала в октябре. С ее приездом жизнь в городе менялась: устраивались концерты, балы, прогулки по парку, катание на лодках и на лошадях. Надо отметить, что дворцовый парк был всегда открыт для публики. Приблизженные к царской семье лица, сопровождающие Марию Федоровну, жили летом в домах Придворного ведомства. Некоторые обосновывались постоянно, получая участки и строя на них собственные дачи. Не исключено, что Франц Иванович проживал некоторое время в Павловске. Нам только доподлинно известно, что его внуки — Екатерина Николаевна Аршневская и Елена Константиновна Гаттенбергер постоянно жили в Павловске в XIX и начале XX веков.

Франц Иванович в это время создавал рисунки, по которым работали ювелиры. Он являлся художником-консультантом при дворе Его Императорского Величества. В книге А. М. Кучумова «Русское декоративно-прикладное искусство в собрании Павловского дворца-музея» (Кучумов, 1981) приводятся рисунки бронзовых каминных часов и декоративных ваз, датированные 1809 и 1816 годами. Автор книги так пишет о Франце Ивановиче

Гаттенбергер: «Видное место в проектировании бронзовых изделий занимал швейцарец Франц Гаттенбергер, бывший в первом десятилетии XIX века директором Императорского завода. Прскрасный рисовальщик и первоклассный мастер как в области бронзы, так и золотых и серебряных изделий, он создал рисунки для бронзовых каминных часов, ваз, пьедесталов для настольных украшений с орнаментами и скульптурными фигурами. Рисунки Гаттенбергера — блестящие образцы предметов в стиле ампир — предназначались для заказа изделий на казенных фабриках и в частных мастерских. В 1809 году им была выполнена с исключительным мастерством целая серия подобных акварелей».

В июле 1809 года Франц Иванович обратился к Александру I с просьбой отдать ему в содержание Киево-Межигорскую фаянсовую фабрику сроком на 10 лет. Он отбыл в Киев в 1810 году и проработал там до 1814 или 1815 года. В начале XIX века обстоятельства благоприятствовали для развития русского фаянса и фарфора. В 1806 году был запрещен ввоз иностранного очень дорогого фарфора, что способствовало развитию отечественной промышленности. Фабрика была основана в 1798 году. Сырьем для производства служили огнеупорные глины близ Киева, а также белые каолиновые глины из-под г. Глухова Черниговской губернии. Приготовление массы для изготовления качественной продукции было основной проблемой в первые годы. На фабрике работали многие иностранцы, связанные с производством фарфора и фаянса в Западной Европе — из Германии, Франции, Англии. В период 1798–1801 годов на фабрике работал мастером немец Иоганн Христофор Краних (на дочери которого Екатерине Ивановне был женат сын Франца Ивановича Александр).

Главную роль как специалист по фаянсу играл немец Христиан Виммер, работавший до 1803 года в Петербурге, на фарфоровой фабрике своего брата Иоганна Виммера. При нем с помощью талантливых русских мастеров Ильи Ермоленко и его сыновей Ивана и Петра были достигнуты большие успехи (Дулькина, 1986). Продукция отличалась высоким качеством исполнения. Применялась цветная масса — мраморная, красная, шоколадная; глазурь — бесцветная и цветная с ровным тоном и блеском. Впервые здесь были выполнены печатные рисунки. В 1812 году газета «Северная почта» сообщала, что на Киево-Межигорской фабрике «сделан первый опыт печатания на фаянсе» и что императору был поднесен фаянсовый стакан «сим новым способом отделанный». Ассортимент изделий очень велик: столовые, чайные, кофейные сервизы, декоративные вазы на высоких постаментах с лепниной львов, грифонов, рогов изобилия. Выпускались иконы, подсвечники, декоративные пасхальные яйца. Фабрика выполняла заказы для великого князя Николая Павловича, графа Платова, генерала Аракчеева, князя Голицына; известно, что в 1813 году была выполнена посуда для императора Александра I.

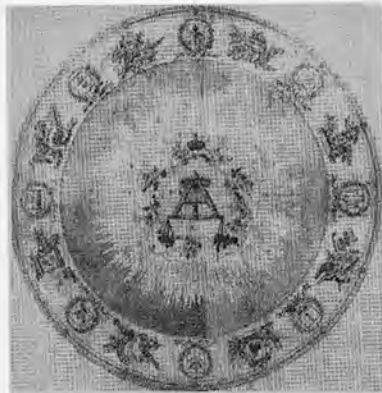
Сохранились письма-предложения Франца Ивановича от 2 и 15 мая 1812 года в Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерств-

ва внутренних дел об изобретении им машин для дробления, перемалывания и смешивания массы для фарфорового производства вместо прежнего способа — месить массу ногами, а затем долго ее мять руками. Другие его предложения — машина для растирания красок, машина для обжига фарфора, нанесения рисунка на фарфор и фаянс до и после глазировки (РГИА Ф. 18. Оп. 2. Д. 34 и 128).

Известно, что с 1815 года Франц Иванович жил и активно работал в Петербурге. Проживал по адресу: Петербург, Моховая улица, дом купца Щербакова.

Ф. И. Гаттенбергер часто выполняет заказы для двора Александра Первого. В архивах Министерства двора в 1911 году находился его альбом с рисунками. Подписи под рисунками на французском языке — консультант двора, художник-профессор де Гаттенбергер. В 1907 году был выпущен альбом Исторической выставки предметов искусства из собраний императорского двора, состоявшейся в 1904 году. Среди многочисленных экспонатов были и предметы, выполненные по рисункам Франца Ивановича:

1. Блюдо из золота, по его краю надпись по-русски — Отъ Санктпетербургскаго купеческаго общества 1814 года. Есть курсив «Dessine par Hattenberger», Рядом имя исполнителя Гедлунда, известного мастера, работавшего в России с 1799 года. На полированной гладкой поверхности блюда нанесен орнамент, в центре которого — вензель «А» в лучах солнца.
2. Золотая солонка с надписью курсивом на французском языке «Com-

pose par Hattenberger», рядом с именем Гаттенбергера стояло имя мастера-исполнителя Tarfer. Это чашка-солонка на спине орла. Орел с распушенными крыльями, в правой его лапе лавровый венок и рог изобилия; в левой — Перун, обе шеи сильно вытянуты, в клюве одной головы — труба и лавровая ветвь, в другом клюве — венок и ветка оливы. Вокруг чашки — барельеф с видами Парижа. (Среди коллекционеров, 1923). Эти вещи погибли после Октябрьской революции, но имя автора осталось.

Ф. И. Гаттенбергер был и миниатюристом, им выполнены многие дипломы и грамоты, в частности виньетка на брачном контракте царевны Екатерины Павловны.

Интересно отметить, что имя Франца Ивановича связано и с русской литографией (Адарюков, 1912; Коростин, 1943). Литография, как известно, широко применялась во Франции. Знаменитыми рисовальщиками по камню были Жерико, Гро, Верне, Марле, Фрагонар, Делакруа и др. Первые литографии в России сделаны Орловским, Гаттенбергером, Свиньным, Адомсом, Молинали, Редаром (Коростин, 1943). Эти авторы выпустили альбом, состоящий из 13 листов. Размер альбома 46 × 31 см, заглавный лист имеет каллиграфическую надпись «Premier essai de la gravure sur pierre faite a St. Petersburg au mois de novembre 1816, escrit et grave par Therese Schneider». В альбоме помещены три литографии Ф. И. Гаттенбергера. На первой — девушка стоит на скале в полный рост, у ее ног разбитый кувшин, ниже виньетки подпись: «Hattenberger-dessine sur Pierre». На двух других литографиях изображены вазы, также подписанные «Compose et dessine sur Pierre par Conseiller de Cour et Professeur d Hattenberger, 1816». Этот альбом хранится в единственном экземпляре в Эрмитаже.

Ф. И. Гаттенбергер. Проект вазы. 1816 год

В 1816 году Ф. И. Гаттенбергер был привлечен к работе по созданию рисунков форм русской армии в связи с предполагаемым ее преобразованием. Были выполнены фигурки солдат и офицеров в раскрашенных формах, коллекция хранилась в здании Арсенала в Царском селе (Бенуа, 1910).

Франц Иванович был весьма энергичным и инициативным человеком. 10 сентября 1815 года он подает прошение о разрешении открыть фаянсовую фабрику на Петербургской стороне между старым и новым Самсоновскими мостами. Он пишет: «Ваше превосходительство! Я хочу организовать небольшую фаянсовую фабрику с производством на современном уровне, с машинами, мною изобретенными, на европейском уровне. Процесс изготовления продукции будет происходить в 50 раз быстрее, чем в настоящее время. Это будет совершенно другая система изготовления продукции, лучше даже, чем в Англии. У меня будет выпускаться фаянс всех цветов, от белого, который имитирует фарфор, до солнечно-желтого и других цветов. Консультант и хранитель двора Его Величества — Гаттенбергер».

10 сентября 1819 года Ф. И. Гаттенбергер пишет его превосходительству министру внутренних дел «Напоминание о создании фабрики».

В Трудах Вольного экономического общества (Труды ВЭО, 1817–1821) на протяжении пяти лет с 1817 по 1821 год ставилась задача, требующая неотложного решения: «кто на пространстве Финляндии и в других окрестностях Санкт-Петербурга отыщет вещество, называемое каолин, способное к составлению фарфора, показав лучший способ его употребления, и удостоверит, что с изящностью оно соединяться будет и та выгода, что оно отыщется в большом количестве там, где к добыванию и доставлению его в Санкт-Петербург не встретится особых препятствий, тот получит золотую медаль в пятьдесят червонных, кои именно на сей предмет назначил его сиятельство граф Николай Петрович Румянцев, необходимо при описании прислать двух родов пробы: одну самого вещества в естественном виде, а другую, представив в Императорский фарфоровый завод для испытания в обращении оно в фарфоровую массу и получив в том свидетельство, препроводить в Вольное экономическое общество». Несомненно, эта задача была поставлена Обществом по рекомендации Ф. И. Гаттенбергера.

Франц Иванович скончался в 1820 году и похоронен, по-видимому, на Фарфоровом кладбище близ Императорского фарфорового завода, которое было ликвидировано в 1933 году.

У Ф. И. Гаттенбергера было 5 сыновей: Франц родился в 1792 году, Иосиф — в 1793 году, Александр — в 1803 году, Константин — в 1804 году и еще сын Николай, даты его жизни неизвестны. По-видимому, у него были и дочери, о которых мы ничего не знаем.

АЛЕКСАНДР ФРАНЦЕВИЧ (1803-1880) — ГЕНЕРАЛ-МАЙОР.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В РОССИИ

Сын Франца Ивановича Гаттенбергера — Александр Францевич (1803—1880) родился и жил в Петербурге. Он пошел по военной линии. Согласно Формулярному списку о службе и достоинстве подполковника Гаттенбергера А., составленному в мае 1843 года (РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 7700), мы знаем, что «он вступил на службу в Выборгский пехотный полк подпрапорщиком 26 августа 1821 г., произведен прапорщиком в Нейшлотский пехотный полк 15 октября 1823 г., из одного переведен в Учебный карабинерский полк, получив звание подпоручика (20 декабря 1826 г.) и поручика (17 января 1827 г.). По распоряжению начальства прикомандирован к Пажескому Его Императорского Величества корпусу для испытания по службе (22 января 1830 г.). С 1833 г. он — штабс-капитан Пажеского корпуса, с 1836 г. — капитан, с 1842 г. — подполковник корпуса. С соизволения Его императорского Высочества утверждён в должности библиотекаря с составлением при настоящей обязанности казначея с окладом 800 руб. в год сверх получаемого им содержания. Из Пажеского корпуса переведен в Дворянский полк 29 апреля 1842 г., а в мае 1843 г. назначен чиновником для особых поручений к Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору». В его Конduitном списке указано, что он на иностранной службе не был, по службе примерно усерден, его способности ума — весьма хорошие. В истории, географии, алгебре, арифметике и геометрии имеет знания, владеет немецким и французским языками. В нравственности — отлично хорош, в хозяйстве — примерно хорош. К этому времени он женат на Катерине Ивановой, урожденной Кроних, детей не имел. В списке указаны также все поощрения и награды по службе. Среди них подарок — бриллиантовый перстень за отлично-усердную работу в 1835 году, Орден Святой Анны 3-й степени за отлично-усердную и ревностную службу в 1838 году и Объявление высочайшего благоволения в 1841 году.

Александр Францевич Гаттенбергер

Согласно адрес-календарю, в 1854 году Александр Францевич работал в Управлении Петербург-Варшавской железной дороги как представитель военного губернатора столицы А. А. Суворова (внука знаменитого полководца) и имел чин полковника. В 1860–1861 годах Александр Францевич полковник, офицер по особым поручениям при военном генерал-губернаторе Санкт-Петербургской губернии генерал-адъютанте П. Н. Игнатьеве, работал по-прежнему в Управлении Петербург-Варшавской железной дороги. При выходе в отставку в 1865 году он получил чин генерал-майора. Александр Францевич проживал в Петербурге, у него был единственный сын Валерий. Александр Францевич умер 17 мая 1880 года и похоронен на католическом кладбище Выборгской стороны в Санкт-Петербурге. Его вдове Екатерине Ивановне (урожденной Краних) была назначена пенсия 1500 руб. в год. Она проживала по адресу: Петербург, Моховая улица, дом № 8.

Строительство железных дорог в России развивалось весьма интенсивно. Первой железной дорогой, построенной в 1837 году, была Царскосельская однопутная дорога (Петербург — Царское Село — Павловск) протяженностью 27 км. Ее открытие превратилось в праздник, все сомнения о целесообразности строительства железных дорог в России были преодолены. Вот как строились дороги:

1837 г.	Царскосельская (Санкт-Петербург—Павловск)	27 км
1845 г.	Варшавско-Венская (Варшава—Рогов)	110 км
1846 г.	Варшавско-Венская (Рогов—Ченстохов)	126 км
1847 г.	Петербург-Московская (Петербург—Колпино)	24 км

1847 г.	Варшавско-Венская (Ченстохов—Зомсковицы)	83 км
1848 г.	Варшавско-Венская (Земсковицы—граница)	13 км
1850 г.	Петербург-Московская (Тверь — Вышний Волочек)	111 км
1851 г.	Петербург-Московская (Колпино — Вышний Волочек)	469 км
1852 г.	Петербург-Московская (Тверь—Москва)	160 км
1854–1858 гг.	Петербург—Варшава	1070 км

Во время Крымской войны 1854–1856 годов строительство железных дорог прекратилось. Россия опоздала со стройкой железной дороги на юг. Возможно, что если бы железная дорога в Крым была бы построена, то исход войны был бы другим. Но подкрепления с севера не поступало, не хватало оружия и продовольствия, Севастополь был изолирован от всей России.

После Крымской войны стали строить железные дороги в нескольких направлениях — прежде всего на юг, затем на восток и запад. В 1861 году в России действовало 8 акционерных обществ по постройке железных дорог с капиталом в 178 млн руб., было построено 1,5 тыс. верст дорог, а уже в 1865 году было построено 3,5 тыс. верст. В строительстве железной дороги Курск—Нежин—Киев (ее проектирование началось в 1852 году) принимал участие Николай Константинович Гаттенбергер (1824–1866), племянник Александра Францевича.

**КОНСТАНТИН ФРАНЦЕВИЧ
(1804-1874) —
СТАТСКИЙ СОВЕТНИК,
ПРАВИТЕЛЬ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЧАСТИ
СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ**

Константин Францевич родился в 1804 году в Санкт-Петербурге в период, когда его отец был директором Императорского фарфорового завода. Два сына — Константин и Александр были дружны и всю жизнь помогали друг другу. Оба были постоянными жителями Петербурга. Их старшие братья — Франц и Иосиф, родившиеся в Москве в 1792 и 1793 годах, возможно, от другой матери, были достаточно далеки от них, так как разница в возрасте была более десяти лет. Семья Франца Ивановича жила в казенной квартире на территории фарфорового завода.

При храме Св. Екатерины (Невский проспект, дом 32/4) была организована так называемая «коллегия» — школа-интернат для детей-иностранцев. В 1815 году она была преобразована в гимназию, имевшую шесть классов. По статусу и качеству получаемых знаний она приблизительно соответствовала русской классической гимназии. Есть все основания полагать, что Константин окончил именно ее. В 1839 году при соборе открылась и женская гимназия.

В 1820 году умер Франц Иванович. Его младшим детям в это время было соответственно 17 и 16 лет. В 1823 году Константин совсем молодым, 19-летним, женился. О его первой жене ничего не известно, кроме того, что в 1824 году она родила сына Николая.

В середине 1830-х годов Константин женился вторично на православной Екатерине Антоновне (1813–30.06.1897). От этого брака родились дети: Елена (1841–1918) — художник-садовод, постоянно проживавшая в г. Павловске, Константин (1844–1893) — профессор полицейского права Харьковского университета, Петр (1846–1916), дослужившийся до тайного совет-

ника, юрист, товарищ (заместитель) председателя городского суда в Плоцке (Польша), Александр (1848–?), Ольга (1852–?).

С 1840 по 1865 год Константин Францевич занимал должность правителя по хозяйственной части Императорского воспитательного общества (Смольного института благородных девиц и Александровского института для девиц мещанского сословия). По крайней мере за 10–15 лет до завершения службы он уже имел чин статского советника. Должность, которую он занимал, была ответственной, почетной, трудоемкой и хорошо оплачиваемой. Его жалованье, как правителя по хозяйству, составляло 800 руб. в год (+ 500 руб. столовых). В его штате, кроме помощника, был бухгалтер и казначей.

В книге В. П. Черепнина «Императорское воспитательное общество (1764–1914)» приводится высочайше утвержденный 15 февраля 1858 года штат Воспитательного общества благородных девиц и Санкт-Петербургского Александровского училища.

Статьи расходов:

1. Жалованье и столовые деньги служащим:

- 1) начальница — 2000 руб. + стол натурою;
- 2) инспектриссы при воспитанницах — по 420 руб. + пища от стола начальницы;
- 3) классные дамы (25 человек) — по 200 руб. + стол натурою;
- 4) учительница рукоделия (старшая) — 450 руб. + пища от стола начальницы;
- 5) младшие учительницы (3 чел.) — по 90 руб., стол классных дам;
- 6) учительницы музыки, 2 старших — по 200 руб. и 10 младших — по 150 руб., стол классных дам;
- 7) учительницы танцев, 1 старшая — 600 руб., 1 младшая — 400 руб., без столовых;
- 8) учитель гимнастики (1) — 200 руб., учитель пения (1) — 300 руб., стол классных дам;
- 9) смотрительницы за бельем (3) — 70 руб., ключница (1) — 165 руб., стол классных дам;
- 10) их помощницы (2) — 80 руб., стол воспитательниц;
- 11) главный доктор (1) — 900 руб. + 300 руб. столовых;
- 12) врач старший (1) — 250 руб. + 250 руб. столовых;
- 13) врач младший (1) — 250 руб. + 200 руб. столовых;
- 14) старший фельдшер при лазарете воспитанниц — 90 руб., ему на экипировку — 35 руб., стол воспитательниц;
- 15) зубной врач — 250 руб. + 200 руб. столовых;
- 16) аптекарь — 300 руб. + 200 руб. столовых;
- 17) помощник аптекаря — 150 руб. + 100 руб.;
- 18) священник — 430 руб.;

- 19) диакон — 345 руб.;
  - 20) псаломщик — 175 руб.;
  - 21) правитель канцелярии — 800 руб. + 400 руб. столовых, ему на разъезды — 500 руб.;
  - 22) его помощник — 250 руб. + 200 руб., журналист (он же архивариус) — 250 руб. + 100 руб.;
  - 23) правитель по хозяйственной части (1) — 800 руб. + 500 руб. столовых;
  - 24) его помощник — 250 руб. + 200 руб.;
  - 25) бухгалтер — 350 руб. + 250 руб.;
  - 26) казначей — 350 руб. + 250 руб.;
  - 27) полицмейстер — 300 руб. + 200 руб.;
  - 28) его помощник — 180 руб. + 120 руб.;
  - 29) архитектор — 180 руб., ему на разъезды — 120 руб.;
  - 30) комиссар — 200 руб. + 120 руб.;
  - 31) смотритель над мастерскими — 160 руб. + 30 руб.;
  - 32) капельмейстер — 90 руб. + 50 руб.;
  - 33) кастелянша — 200 руб., стол классных дам;
  - 34) помощницы (2) — 120 руб., стол воспитательниц;
  - 35) содержание нижних служителей — 247 руб.;
  - 36) содержание нижних служительниц — 230 руб.
2. Пища:
- 1) на 300 штатных воспитанниц и 150 пансионеров (за исключением 16, пользующихся столом начальницы), всего 434 девиц, по 16 коп. в сутки с чаем на каждую, в год по 58 руб. 40 коп. (всего 25 404 руб.);
  - 2) на стол начальнице, 5 инспектриссам, 1 учительнице рукоделия и 15 воспитанницам (всего 22 лицам) по 36 копеек в сутки; в год — 131 руб. 40 коп., всего — 3022 руб. 20 коп. На чай, сахар и завтрак — 1273 руб. 55 коп. четырем инспектриссам Общества и одной инспектриссе Александровского училища — на завтрак по 20 коп. в сутки, каждому в год — 365 руб.;
  - 3) 25 классным дамам, 9 пансионеркам, 10 учителям музыки, 1 учителю пения, 4 учительницам рукоделия, 2 надзирателям лазарета, 1 лазаретной даме по 35 коп. в сутки.
3. На одежду, белье, обувь и постели для 435 воспитанниц по 43 руб. в год, всего 19350 руб. Для больных воспитанниц по 25 руб. на каждую. Итого 1925 руб.
4. Общие расходы:
- на учебные пособия — 5300 руб., на церковные расходы — 300 руб., на медикаменты — 2900 руб., канцелярские — 600 руб., на отопление — 20 000 руб., освещение и свечи — 6350 руб., ремонт мебели, посуды, чистка белья — 3000 руб., ремонт зданий, содержание дворов и садов —

9000 руб., мытье белья — 1200 руб., содержание чистоты в доме — 280 руб., содержание лошадей и экипажей — 4043 руб. 50 коп., разное — 2200 руб.

Таблица учебных занятий в неделю, кроме назначенных для музыки и рукоделия:

1. В классах младшего возраста (VII, VI) — 15 уроков по 1,5 часа, или 22,5 часа.
2. В классах среднего возраста (V, IV) -16 уроков, или 24 часа.
3. В классах старшего возраста (III, II, I) — 20 уроков, или 30 часов.

Число прислуги в Смольном было очень большим. В 1831 году оно составляло вместе с членами их семей 700 человек. К 1 января 1860 года мужской и женской прислуги без членов семей было 477 человек, в том числе 19 музыкантов, 47 мастеровых. Особое привилегированное положение занимали швейцары. Все должностные лица в Смольном носили форменную одежду. Должность эконома, позже переименованного в правителя по хозяйственной части, была ответственной и трудной. Она хорошо оплачивалась и считалась настолько почетной, что давала возможность получения чина действительного статского советника.

Семья Константина Францевича жила на территории Воспитательного общества, занимавшего общую площадь 5,3 га. На этой же площади располагались и основные учебные корпуса Смольного и Александровского институтов, а также дома для служащих, церкви, сады, огороды, конюшни и др. Воспитательному обществу принадлежала и территория на берегу Невы, которую администрация сдавала в аренду речному пароходству. Обществу принадлежали и соседние пустоши, которые в начале XIX века сдавались под пастбища, а в середине века были проданы под застройку.

На счетах общества были значительные накопления, проценты от которых также шли на его нужды. Кроме того, постоянно поступали пожертвования от высочайших особ, отпускались деньги из Государственного казначейства, плата за «своекоштных» воспитанниц. Эта плата за воспитанниц Смольного института составляла 600–650 руб. в год и 300–350 руб. в год за воспитанницу из мещан. При императрице Марии Федоровне, опекавшей Общество, статус воспитателей учреждения очень вырос. Стали все чаще отдавать на воспитание девочек из аристократических (в том числе и царской) и очень богатых семейств. Смольный ежегодно посещали члены царской семьи, дарили подарки на Пасху, на выпускной бал и другие праздники.

Зарплата Константина Францевича в Смольном была ниже только зарплаты его начальницы и главного врача и была эквивалентна зарплате руководителя канцелярии. В сферу его деятельности входило курирование всех подсобных служб Смольного (полицмейстера, архитектора, смотрителя мастерских, капельмейстера и кастелянши, всех служителей низшего звена — от мастеровых до кучеров экипажей и швейцаров. На него были воз-

ложены организация питания и снабжения, включая одежду, белье и обувь. Он был ответственным и за «общие» расходы Смольного, куда входило приобретение учебных пособий, церковные и канцелярские расходы, расходы по отоплению и освещению зданий, всякого рода ремонту (мебели, посуды, стирки белья и пр.), содержанию дворов, садов, экипажей и лошадей, а также уборка помещений и пр.

Благодаря поддержке Константина Францевича Смольный окончили две его дочери — Елена в 1864 году и Ольга в 1870 году, а позже — две его внучки: Варвара (1877) и Ольга (1903). Смольянки получали хорошее образование. Они свободно говорили по-французски и по-немецки, были знакомы с латынью и греческим языком. Им преподавали историю, географию, историю искусств, математику, физику, химию, рисование, пение, музыку (обычно игра на фортепиано) и танцы. Девушки из небогатых дворянских семей становились преподавателями или классными дамами в институтах либо женских гимназиях.

По-видимому, Константин Францевич до конца дней проживал на территории Смольного института. В адресных книгах Петербурга 90-х годов XIX века адрес его вдовы был уже обычным городским, она проживала неподалеку от Смольного.

Константин Францевич умер 25 августа 1874 года и был похоронен на католическом кладбище Выборгской стороны, рядом со своим сыном Николаем, скончавшимся в 1866 году.

Выборгское католическое кладбище в Петербурге, где похоронены Константин Францевич, Александр Францевич, Николай Константинович Гаттенбергеры. Из книги (Шульц, 1994)

НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ (1824–1866) — СТРОИТЕЛЬ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КУРСК—НЕЖИН—КИЕВ И ЕГО ЖЕНА ПРАСКОВЬЯ ПЕТРОВНА (1838–1907)

Николай Константинович Гаттенбергер был старшим сыном в семье Константина Францевича. Кто была его мать, пока выяснить не удалось. По-видимому, она была католичкой, так как ее сын оставался до смерти католиком, несмотря на свой брак с русской православной женщиной. Мать Николая рано умерла, и Константин Францевич женился вторично в 1835 (?) году на православной Екатерине Антоновне (1813–1893), подарившей ему шестерых детей. Все дети от второго брака, сводные братья и сестры Николая, были православными.

Николай Константинович окончил Первый кадетский корпус в Санкт-Петербурге, в службу вступил 6 июня 1837 года прапорщиком со старшинством, в 1856 году — в Финляндский драгунский полк. Согласно записке из Главного штаба от 25 апреля 1869 года, выданной вдове Гаттенбергер Прасковье Петровне, ее муж имел Высшее изображение имени в Бозе почившего Государя-императора Николая Павловича. За его родителями в Новгородской губернии и уезде числилось 2400 десятин лесу. В 1859 году в чине поручика Николай Константинович вышел в отставку по состоянию здоровья. В это время он женился и стал работать в Министерстве путей сообщения. По словам моего отца, Николай Константинович участвовал в строительстве железной дороги Курск—Нежин—Киев. В результате несчастного случая при проведении изыскательских работ в районе г. Нежина Николай Константинович скоропостижно скончался 4 октября 1866 года в возрасте 42 лет. Он похоронен на католическом (Успенском) кладбище Выборгской стороны Санкт-Петербурга.

Николай Константинович был женат на Прасковье Петровне Измайловой (1838–1907), помещице Весьелонского уезда Тверской губернии, дочери

Прасковья Петровна.
1905 год

уездного предводителя дворянства Петра Арсеньевича Измайлова. У них было шестеро детей: Варвара, Александр, Георгий, Петр, Мария и Федор.

По данным Лобанова-Ростовского (1895), род Измайловых ведет свое начало от татарских ханов, от Измаила Прокофьевича, обосновавшегося в Черниговской губернии. В конце XIV века черниговский воевода Иван Иванович переселился в Рязань. В 1492 году Иван Инка Иванов (Измайлов) был начальником войск великого князя Иоанна Васильевича. В 1540 году Яков Никитич Измайлов был воеводой в Рязани. В XVII веке Измайловы владеют землями в Тверской губернии. В Старицких писцовых книгах 1626 года (Чернявский, 1870) значит, что за Степаном Ивановичем (Измайловым) состояло поместье отца

его в Старицком уезде, а в 1643 году по повелению царя Михаила Федоровича ему же, Степану, даны пустоши в сказанном уезде, которые в 1659 году он отдал сыновьям своим Антипу и Василию.

Измайловы были в родстве с Голицыными, Одоевскими, Бутурлиными, Прозоровскими, Волконскими, Гагариными. Евдокия Ивановна Измайлова (прозванная *princesse Nocturne*) была замужем за князем Сергеем Михайловичем Голицыным, действительным тайным советником 1-го класса, Измайлов Александр Ефимович был известным в свое время писателем и баснописцем (Большая советская энциклопедия, 1972), был вице-губернатором Твери.

Родители Прасковьи Петровны — Петр Арсеньевич и Софья Григорьевна — были помещиками «средней руки». Им принадлежали земли в с. Макарове, сельца Юрушково, Егна и Ушово в Весьегонском уезде Тверской губернии. В семье росли дети: Прасковья (1838–1907), Наталья (1842–1895), Мария, Арсений, Вера, Ольга, Алексей, Любовь. Прасковья, выйдя замуж за Николая Константиновича Гаттенбергера, в приданое получила сельца Ушово и Юрушково, в последнем она прожила до конца своих дней. Наталья вышла замуж за Евстафия Игнатьевича Цвиллинского, судью, и навсегда уехала из своего родного гнезда. Семья Цвиллинских проживала в Семипалатинске, Минске, Вильно и других городах. Арсений жил в с. Макарове Весьегонского уезда, по соседству с сестрой Прасковьей, он был уездным предводителем дворянства и земским деятелем. Младшая из детей Любовь окончила Бестужевские курсы в Петербурге, работала врачом в Кутаиси и Астрахани. После смерти сестры Натальи в 1895 году стала жить в семье Цвиллинских, она умерла около 1930 года.

Имение Прасковьи Петровны располагалось в 1 км западнее д. Елейцино, оно насчитывало 124 десятины земли, 2 жилых и 9 хозяйственных

построек. Рядом, в д. Егоново, была усадьба Гронских, где часто жил и работал художник И. Я. Билибин.

Уездный город Весьегонск, откуда была родом Прасковья Петровна, был маленьким уютным городком (Купцов, 1997). В 1851 году в Весьегонске было 478 домов, из них 6 каменных, жителей 3139 человек (дворян 87, духовного звания 57, купцов 124, мещан 2501, военного звания 270, дворовых людей 70, разночинцев 22, почетных граждан 8). В городе 4 церкви, 6 питейных домов, 4 трактира и харчевни, 10 лавок, 2 завода, 1 приходская школа с 56 учащимися. В 1877 году была открыта женская прогимназия. В феврале 1871 года в городе была организована уездная земская почта. Вначале корреспонденция отправлялась раз в неделю. С 1874 года — два раза из Весьегонска по земскому тракту в направлении на город Красный Холм, по двадцати двум волостям. Доставка частной корреспонденции оплачивалась земскими почтовыми марками. Все они имели изображение губернских и уездных гербов. Стоили марки до 10 копеек. Первая марка была выпущена в 1871 году. Затем они выпускались в 1873, 1880, 1883, 1891, 1892, 1895, 1910, 1911 и 1913 годах. Сначала марки издавались литографским способом, а с начала XX века — цветной печатью. Обычно количество одного выпуска составляло около 1000 штук. Развитие Весьегонской почты свидетельствует о том, что уезд был населен грамотными людьми, которые писали письма, получали губернские и центральные газеты, журналы и другую корреспонденцию.

В Весьегонске четыре раза в год проходили ярмарки, из которых Богоявленская была самой значительной в губернии. Торговали мехами, кожами, рыбой, хлебом, лесом, бакалейными и галантерейными товарами.

В книге Б. Купцова (1997) приведены очень интересные для нас документы за 1851 год, в том числе следующий:

«Я, устюженский помещик гвардии штабс-капитан Помпей Батюшков, продал весьегонскому помещику гвардии штабс-капитану Петру Измайлову сельцо Старое (после отца своего) со всеми жителями и угодьями (20 мужиков и 19 женского пола) за 2285 руб. 74 коп (3/7 серебром). Мой Приказ: „Продай я вас весьегонскому помещику гвардии штабс-капитану Петру Арсеньевичу Измайлову, а потому приказываю вам находиться у него в полном повиновении. Оброчную же недоимку за прошедшее время вам от меня прощается. Гвардии штабс-капитан — Помпей Батюшков“».

Прасковья Петровна была полной противоположностью мужа. Это была типичная русская женщина, негорошшивая, улыбчивая, любительница поговорить, принять у себя гостей, да и самой сходить в гости. У нее был деревянный дом с мезонином, всегда полный детей и гостей. За домом была постройка, где жила семья работника. В его ежедневные обязанности входил привоз бочки с водой из речки Юрушки, уход за садом и огородом, а также за животными — лошадьми, коровами, свиньями, заготовка сена и дров. Жена работника была и поварихой, и горничной, и нянькой. В хозяйстве

Анна Петровна, Оля, Прасковья Петровна,
Федор Николаевич, Ваня (?), Роман (?)
Гаттенбергеры. Юрушково, 1905 год

Прасковья Петровна было несколько молочных коров и лошади для выезда и для работы в поле и по хозяйству. В поле сеяли рожь, овес и лен.

Каждое воскресенье семья выезжала в соседнее село Макарово в церковь Покрова Богородицы, построившей Измайловыми в 1792 году. Это была интересная поездка, особенно для детей. После богослужения шли на базар, затем к кому-нибудь в гости. В Макарове жила семья Арсения Петровича Измайлова, ее брата, а также очень интересная женщина — приятельница Прасковьи Петровны — Анна Васильевна Бачманова. Она родилась в 1847 году в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. Получив большое наследство, она переехала в Весьегонский уезд, поселилась в с. Макарове, открыла бесплатную сельскую библиотеку, затем также бесплатную ремесленную школу (одну из первых в России). В школе преподавали переплетное, швейное, столярное и ткацкое дело. Она выписывала журналы «Библиограф», «Вестник Европы», «Вестник воспитания», «Детское чтение», «Досуг и дело», «Русский архив», «Русское богатство», «Русская школа», «Север», «Северный вестник», «Педагогический сборник», «Природа и охота», «Пчеловодный листок», «Труды вольно-экономического общества» и др. По вечерам у нее собирались женщины из окрестных деревень, и за чаепитием они вели длинные разговоры о воспитании детей, о сельском хозяйстве, о здоровье и т. д.

Прасковья Петровна старалась дать хорошее образование детям. Старшие дети учились в Петербурге, Москве, Киеве, а младшие (Мария и Федор) — в гимназиях Весьегонска и Нижнего Новгорода. Много внимания и заботы Прасковья Петровна уделила своим внукам — детям Федора Николаевича. Внучка Катенька жила у нее как родная дочь. Прасковья Петровна умерла 17 марта 1907 года у себя дома в Юрушкове и похоронена в семейном склепе Измайловых в с. Макарове.

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ (1844-1893) — ПРОФЕССОР ПРАВА ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Константин Константинович родился в Петербурге в семье Константина Францевича и Екатерины Антоновны. Он окончил с отличием 1-ю Петербургскую гимназию и поступил в Харьковский университет. Возможно, что выбор Харьковского университета связан с тем, что в это время в Харькове жил его дядя Франц Францевич с дочерьми. Окончив университет, поступил на службу в Харьковскую казенную палату канцелярским служащим с жалованием 17 руб. в месяц. В марте 1868 года выдержал магистерский экзамен, в 1870 году подготовил магистерскую работу «О влиянии российского законодательства на производительность торгового банковского кредита».

В 1872 году защитил диссертацию на степень доктора политической экономии в Киевском университете на тему «Законодательство и биржевая спекуляция». С мая 1873 года он — профессор кафедры полицейского права в Харьковском университете. Уже в 70-х годах знакомил своих слушателей с экономическим учением Карла Маркса, разбирал его позиции. Трезво сопоставлял с другими экономическими доктринами, отделяя его сущность от способа выражения и выяснял его значение в истории науки.

Константин Константинович Гаттенбергер,
профессор полицейского права
в университете Харькова. 1890 год

Есть сведения, что в молодые годы у Константина Константиновича была неразделенная любовь. Это повлияло на всю его жизнь: он никогда не ходил в гости в семьи, где были женщины, игнорировал любое женское общество. Свободное время проводил в мужской кампании за кружкой пива, выкуривая толстые сигары, играл в шахматы, в одиночестве любил играть на виолончели. В личной жизни был «чудаком», холостяком, никогда не афишировавшим свои научные достижения. Летние каникулы обычно проводил в Австрии.

Константин Константинович был весьма колоритной фигурой. Знавшие его близко долго вспоминали профессора уже после его смерти. К. Г. Паустовский в своих автобиографических повестях «Книга о жизни. Далекие годы» (1962) так писал о нем: «Бабушка жила в одной комнате, в другой — старый виолончелист Гаттенбергер. Третью комнату бабушка отвела мне. Гаттенбергер был красивый старик с волнистой седой бородой. По вечерам в саду он играл на виолончели, иногда и собственные сочинения. Бабушка удивлялась мрачной фантазии Гаттенбергера. „У него то смерть, то чума. Не понимаю я этого“, — жаловалась она». Конечно, К. Г. Паустовский описал Гаттенбергера по рассказам близких, сам он никак не мог его видеть. Константин Константинович всегда жил в Харькове, а не в Киеве, и умер он в 49 лет, поэтому он вряд ли был «красивым стариком с волнистой бородой». Кроме того, самому К. Г. Паустовскому (1892–1968) был всего год, когда профессора не стало.

Константин Константинович умер от цирроза печени 19 мая 1893 года и похоронен в Харькове на Усекновенском кладбище. Потомкам он оставил труды, которые в свое время были весьма актуальны. Его имя вошло в Энциклопедию Брокгауза и Эфрона (1898), в Русский биографический словарь (1914) и в энциклопедии, изданные в советские годы.

ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ (1846-1916) — ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК, СУДЬЯ

Петр Константинович был третьим ребенком в семье Константина Францевича и Елены Антоновны. Ему вместе со старшим сводным братом Николаем, имевшим многочисленное потомство, довелось сыграть ключевую роль в будущей истории рода Гаттенбергеров. Служебная деятельность его отца — Константина Францевича на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до кончины, была связана с Институтом благородных девиц в Санкт-Петербурге, хозяйством которого он руководил. Его положение, как финансовое, так и общественное, было достаточно прочным, поэтому своим детям, особенно сыновьям, он смог дать хорошее образование. Петр, так же как и Константин, после окончания в Петербурге 1-й гимназии и Петербургского университета (?) стал специализироваться в юриспруденции. Петр Константинович, работая в судебной системе России, прошел последовательный путь, начав с чина коллежского регистратора (1870), занимая к 1874 году должность судебного следователя 2-го уездного Усманского участка Воронежского округа в чине губернского секретаря, к концу жизни дослужился до тайного советника, завершив службу товарищем председателя суда в Плоцке (Польша). Продвижению Петра Константиновича по служебной лестнице весьма способствовали унаследованные от деда и отца трудолюбие, обязательность, в известной степени, педантизм.

Место работы по мере карьерного роста Петра Константиновича неоднократно менялось. Из Усманского уезда в конце 1870-х годов он перебирается в Воронеж, продолжая по-прежнему служить судебным следователем сначала 3-го участка города (с 1879 по 1886), а в конце 1880-х годов — 1-го участка города. В этой должности в 1889 году он уже имел чин титулярного советника.

Крупный карьерный скачок произошел на рубеже 1880-х и 1890-х годов в связи с переводом в г. Гродно, где два года спустя, в 1891 году, он уже работал в должности члена Гродненского городского суда, получив в 1894 году чин статского советника. В конце XIX века Петра Константиновича переводят по службе на основную территорию Польши — в г. Плоцк,

что, вероятно, связано с необходимостью дальнейшего укрепления кадрами судебной системы этой окраинной территории России. Этот город находится в 100 км ниже по течению Вислы от Варшавы. Сейчас это центр нефтсхимической промышленности Польши, с населением около 100 тыс. человек. По статистическим данным конца XIX столетия в Плоцке насчитывалось 27 тыс. жителей (12 тыс. католиков и 10 тыс. евреев). Однако уже в то время были городской театр, клуб, офицерское собрание, мужская и женская гимназии, еврейское училище, 3 больницы, приют, 7 мельниц и 23 фабрики, пристань судоходства на Висле. От железной дороги город находился в 48 верстах. Расположенный на высоком правом берегу Вислы Плоцк издавна известен в польской истории как центр Мазовецкого княжества, и его сохранившиеся замки и многочисленные костелы можно видеть на снимках панорамы города, снятой с противоположного левого берега Вислы. В Плоцке в 1899 году, как и в Гродно, Петр Константинович остается членом Городского суда, получив к 1906 году чин действительного статского советника. В 1909 году Петр Константинович становится товарищем Председателя Городского суда в Плоцке, получив к концу службы в начале Первой мировой войны, как уже говорилось, чин тайного советника.

В Плоцке семья занимала второй этаж (с эркером и балконом в центре) капитального двухэтажного дома. На первом этаже располагались, судя по вывескам на фотографии, магазины и офисы торговых фирм. Пять окон их квартиры располагались по фасаду. Светлые просторные комнаты с паркетными полами образовывали анфиладу, соединяясь через широкие дверные проемы. На стенах ниспадающие светлые шторы, которые легко узнаются на фотографии фасада дома в оконных проемах. Высокие стены, оклеенные дорогими обоями, увешаны картинами, гравюрами и фотографиями. На столике большого трюмо в подставках также фотографии и традиционные семь слонов «для счастья», которое для семьи Петра Константиновича, увы, оказалось недолгим. Из знакомых мне предметов здесь виден бюст Марии Антуанетты, стоящий на столике трюмо сразу за фигурками слонов, — семейная реликвия рода, а также фотография Бориса Петровича на скакуне, присланная им родителям после очередной победы на конных соревнованиях в 1912 году, а также фотография семейства Карповых в саду их имения под Воронежем.

С началом военных действий на территории Польши осенью 1914 года семья была вынуждена покинуть Плоцк и переехать в Москву. Они поселились в Москве у Красных ворот, где занимали квартиру № 82 в доме За по Садовой-Черногорской. Дом сохранился до наших дней, и автор книги в детстве бывала в этой квартире в гостях у Екатерины Петровны Карповой — младшей дочери Петра Константиновича. Известно, что Петр Константинович с женой в 1915 году некоторое время находились в Ялте, где Петр Константинович проходил курс лечения. Сохранилось несколько их фотографий в саду на фоне цветов. Впрочем, возможно, что эти фотографии были сделаны еще в Плоцке, где за домом, в котором они жили, также располагался сад.

Борис Петрович Гаттенбергер. 1912 год

Женился Петр Константинович на заре служебной карьеры в Усманском уезде под Воронежем. Его жена — Наталья Андреевна Карпова, дочь капитана Андрея Александровича Карпова — небогатого помещика Воронежской губернии. Судя по ее наиболее ранним фотографиям, она была русской красавицей, склонной к полноте, с открытым лицом радушной женщины. За двадцать лет супружеской жизни она родила Петру Константиновичу восемь детей — четверых мальчиков и четверых девочек. Первенцем в семье была Елизавета (Лиля) (1875 — после 1920), затем Георгий (1876–1920), Наталья (Таля) (1877–1952), Владимир (1879–1926 ?), Ольга (1880–1941), Борис (1882–1920), Екатерина (1892–1967) и Андрей (1895–1957).

Представления о внешности, привычках, возможно, и о некоторых особенностях характера всех членов семьи, к сожалению, можно воссоздать только по сохранившемуся далеко не полному семейному фотоархиву и некоторым архивным источникам (послужные списки, информация, почерпнутая из адрес-календаря Российской империи, адресным книгам Петербурга и его окрестностей и пр.)

Петр Константинович на фотографиях предстает человеком несколько выше среднего роста, сухощавым, с длинным «французским» носом, жилистыми крупными руками, с бородой. На одной из фотографий он снят в домашней мастерской у токарного станка, среди токарных и слесарных инструментов, паяльника, колец проволоки, угольников, на другом снимке

Наталья Андреевна Гаттенбергер, Катя и Андрюша. Плоцк, 1912 год

его сфотографировали работающим в саду в Плоцке. На многих снимках он в белоснежных рубашках, с запонками, в хорошо сидящем на нем костюме (тройке), непременно с цепочкой от часов, отходящей из переднего брючного кармана.

Петр Константинович Гаттенбергер. 1916 год

Петр Константинович был основным хранителем реликвий и традиций рода Гаттенбергеров. Несомненно, от него получил основные сведения о деде — Франце Ивановиче Гаттенберgere — барон Н. Б. фон Вольф, опубликовавший монографию в 1906 году по истории Императорского фарфорового завода к 150-летию юбилею последнего (на что ссылается и сам фон Вольф). Наиболее важными для нас являются заметки в примечании к книге об истории рода со времен его изгнания из Бургундии в начале XIV века при короле Филиппе IV Красивом, а также силуэтный профиль Франца Ивановича, и, наконец, фотография фарфорового бюста Марии Антуанетты.

На рубеже прошедших столетий, благодаря инициативе Петра Константиновича и его сестры Елены Константиновны, жившей в Павловске, осуществлялась взаимосвязь между всеми уже отпочковавшимися ветвями рода. Елена Константиновна в Павловске принимала у себя дочь брата Марию и детей его младшего сына — Федора, Олю, Любу и Галю. Ее регулярно навещала и останавливалась у нее племянница Ольга. Вдова Николая Константиновича и его дети опекали, в свою очередь, сына Петра Константиновича Бориса, когда тот учился в Тверском кавалерийском училище, а его жену и детей, спасавшихся от большевиков, мой отец — Петр Федорович — сопровождал с подводой из Ейска в станицу Камышевскую.

ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА УСПЕНСКАЯ (1860-1934) — ГЕНЕРАЛЬША

Варвара Николаевна была первым ребенком в семье Николая Константиновича и Прасковьи Петровны. Она родилась в Петербурге, детство и юность провела в столице. В 1877 году окончила Смольный институт благородных девиц, хорошо знала немецкий и французский языки, подолгу жила во Франции, Австрии, Германии. Она рано вышла замуж за Сергея Николаевича Успенского, генерал-лейтенанта, автора учебника по артиллерии, который в 90-е годы XIX столетия и до конца жизни (умер в 1906 году, похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве) преподавал курс артиллерии в военных училищах Москвы (в Алексеевском и Александровском). Варвара Николаевна овдовела в 46 лет, детей у нее не было, и все свои силы она направила на воспитание племянников, учившихся в Москве. Она жила на улице Остоженке в доме № 6 (дом сохранился до наших дней). Это был пансионат (гостиница), где проживали вдовы офицеров высших чинов Российской армии. Мой отец часто бывал у своей тетушки. Он рассказывал, что Варвара Николаевна жила на третьем этаже. Напротив, через улицу, располагался магазин «Молоко» братьев Чичкиных. По длинной оси дома тянулся коридор, а сбоку, в сторону фасада, располагались комнаты. Они были большими (около 18–20 кв. м.), светлыми, с двумя широкими окнами, выходящими на улицу. Комната Варвары Николаевны была перегороджена легкой перегородкой. В дальней части комнаты жила хозяйка, а ближе к двери стояли две кровати для гостей. В конце коридора всегда стоял горячий самовар, рядом располагалась столовая. Горничная каждый день убирала все комнаты и коридор.

У Варвары Николаевны постоянно бывали в гостях Александр и Всеволод — дети Александра Николаевича, студенты Московского Императорского университета; Николай, Иван и Роман — дети Федора Николаевича, учившиеся во 2-м кадетском корпусе имени императора Николая I. В период с 1908 по 1912 годы у нее постоянно жила Екатерина Федоровна Гаттенбергер, окончившая гимназию в Вельегонске и приехавшая в Москву с целью

Москва, улица Остоженка, дом 6.
Здесь жила Варвара Николаевна Успенская. 1999 год

Варвара Николаевна Успенская. Москва, 1907 год

найти себе хорошего жениха. Мой отец, Петр Федорович, в 1916 и 1917 годах каждое воскресенье, а также зимние каникулы проводил у своей тетушки. Именно здесь в 1916 году Борис Петрович Гаттенбергер (сын Петра Николаевича), капитан лейб-гвардии Эриванского имени царя Михаила Федоровича полка, награжденный Георгиевским оружием за бой 28 ноября 1914 года в Польше, познакомился со своей будущей женой Ольгой Николаевной Голобуто, приехавшей из Ялты для учебы на высших женских курсах Москвы. У Варвары Николаевны бывали и дочери Георгия Николаевича Гаттенбергера — Зина и Наташа, присъзжавшие из Весьегонска.

Варвара Николаевна вела довольно рассеянный образ жизни. У нее не было никакой собственности (пансионат оплачивался военным ведомст-

вом). Она получала пенсию за мужа и жила безбедно. Летом часто уезжала за границу отдыхать (сохранились открытки, написанные ее подругами по-французски, например в пансионат Тироля в 1914 году перед самым началом Первой мировой войны).

После Октябрьской революции ее выселили в крошечную комнатку бывшей мастерской недалеко от ее дома. Мой отец рассказывал, что комнатка была как купе, площадью 4 кв. м, там стояла ее кровать, тумбочка-стол и шкафчик для одежды. Она оказалась в нищете, без всяких средств к существованию. Однако через несколько лет мытарств ей выдали паспорт и продовольственную карточку, оценив деятельность мужа и его учебник по артиллерии полезными, учебником стали пользоваться в советских учебных заведениях. Она умерла в 1934 году (попала под трамвай на улице Пречистенке). Мой отец, живший в это время в Москве, и его двоюродная сестра Зинаида Георгиевна Гаттенбергер похоронили ее на Новодевичьем кладбище рядом с мужем.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (1861-1939) — МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ КОЛЧАКА

Александр Николаевич Гаттенбергер родился 22 апреля 1861 года в сельце Юрушкове Весьегонского уезда Тверской губернии, его крестили 26 апреля в с. Макарове. Крестными были штабс-капитан Петр Арсеньевич и его дочь девица Ольга Петровна Измайловы. Детство провел в Тверской губернии, в с. Юрушкове.

В Весьегонске в это время мужской гимназии не было. Была лишь женская прогимназия, которая в 1904 году преобразовалась в гимназию. Мальчиков из дворянских семей посылали учиться в Петербург, Москву или Тверь. Семейные связи вдовы Прасковьи Петровны с петербургскими родственниками были весьма тесными. Был жив дедушка Александра Николаевича — Константин Францевич, статский советник, большое участие и поддержку семье оказывал и двоюродный дед — Александр Францевич, генерал-майор, занимавшийся вопросами строительства железных дорог как представитель военного губернатора Петербурга. Естественно, он хорошо знал своего племянника, отца Александра — Николая Константиновича, так как тот был также связан со строительством железных дорог по военному ведомству. В Павловске под Петербургом постоянно проживали тетки Александра Николаевича — Екатерина Николаевна Аршневская (урожденная Гаттенбергер) и Елена Константиновна Гаттенбергер, которые неизменно помогали детям и внукам Прасковьи Петровны.

Александр Николаевич учился в гимназии Петербурга и проживал в семье своего деда. Учась в старшем классе, он убежал из дома на Русско-турецкую войну (1877–1878). В военных действиях он не участвовал (ему было только 16 лет), был направлен в Киевское военное училище.

Из послужного списка Александра Николаевича, хранящегося в военно-историческом архиве в Москве (РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 12870) и в Томске (ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 356, 24), известно, что 16 февраля 1878 года он начал службу в 44-м запасном пехотном батальоне на правах вольноопределяющегося третьего разряда. 20 мая 1878 года он был переведен в 39-й резервный пехотный батальон, откуда был откомандирован в Киевское юн-

керское училище. 19 марта 1879 года был переведен в 80-й резервный пехотный батальон, переименованный в 1891 году в Окский. По окончании курса в Киевском юнкерском училище по 2-му разряду в августе 1880 года был произведен в подпрапорщики и отправлен в сентябре 1880 года в 80-й пехотный батальон. 23 марта 1881 года он Высочайшим приказом производится в прапорщики, а спустя полтора года, в ноябре 1882 года, — в подпоручики. 25 апреля 1885 года Александр Николаевич командирован для поступления в Академию Генерального штаба в Петербург, но «по не выдержанию экзамена» возвратился в батальон. На следующий год он вновь поступал в Академию, экзамены все сдал, но не вошел в число 70 принятых человек. В 1887 году он производится в поручики, а в 1890 году — в штабс-капитаны.

Неся службу в 80-м (Окском) резервном батальоне, офицеры в Нижнем Новгороде жили на частных квартирах. Александр Николаевич часто менял место жительства. В 1888 году он проживал по адресу: улица Варварка, дом № 18. В 1889 году, он, будучи заведующим хозяйством батальона, проживал в доме № 8 по улице Ковалиха, а в 1890–1891 годах, вместе с братом Петром Николаевичем, — в доме Кузнецова по улице Мистровская (дом 9). В Нижнем Новгороде в конце XIX века проживало около 100 000 человек. Это был крупный город, в основном двухэтажной застройки. Цокольные этажи домов были каменными, а верхние — деревянными. В дворянском собрании города проходили балы, где офицеры знакомились с девушками. Неженатые офицеры проживали вместе с солдатами в казармах на окраине города. Эти казармы сохранились и до наших дней.

В 1884 году Александр Николаевич женился на Наталье Алексеевне Львовой, уроженке г. Корчева Тверской губернии, дочери статского советника Алексея Ивановича Львова (впоследствии он получил дворянство). 9 ноября 1885 года у них родился первенец — Александр. Его крестили 14 ноября 1885 года в Нижегородской скорбященской тюремной церкви. Крестными были мой дед, гимназист 6 класса Федор Николаевич Гаттенбергер и дочь статского советника Прасковья Алексеевна Львова. Таинство крещения совершили священник Евгений Розов и диакон Арсений Сергиевский (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 319. Д. 284).

24 октября 1887 года родился второй сын — Всеволод. Его крестили 19 ноября 1887 года и восприемниками были: дворянин Арсений Петрович Измайлов и дворянка Екатерина Николаевна Аршневская, поручик Владимир Николаевич Листов и сестра родившей — Прасковья Алексеевна Львова. Совершали таинство крещения тот же священник Евгений Розов и диакон Арсений Сергиевский (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 319. Д. 155).

Согласно послужному списку Александра Николаевича, его жена Наталья Алексеевна тяжело болела с декабря 1889 года, и муж брал отпуск по уходу за больной. В 1890 году она умерла. По-видимому, смерть жены повлияла на решение Александра Николаевича оставить военную службу, так как надо было уделять больше внимания малолетним сыновьям.

Нижний Новгород, улица Мистровская, 9, дом Кузнецова.
Здесь жила семья А. Н. и П. Н. Гаттенбергер в 1890–1891 годах

Нижний Новгород. Военные казармы

С 1891 года Александр Николаевич с детьми живет в Твери. Он коллежский секретарь, владелец 81 десятины земли при сельце Юрушкове стоимостью 3000 рублей. Сохранился документ (ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 356) о том, что 1 июля 1891 года в Кафедральном соборе г. Твери в присутствии губернатора, председателя и чинов Тверского уездного съезда Александр Николаевич Гаттенбергер принял присягу на должность судьи. По информации адрес-календаря по Тверской губернии за 1895 год Александр Николаевич занимал пост земского начальника 3-го участка Тверского уезда.

В 1897 году он переведен в Томский окружной суд, получив должность мирового судьи 3-го участка Мариинской округи и получив чин титуляр-

ного советника. В 1898 году произведен в надворные советники и становится мировым судьей 1-го участка Томской округи. В 1902 году он награжден орденом Святой Анны 3-й степени и произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством.

Когда Александру Николаевичу исполнилось 40 лет (1901), он пишет письмо с просьбой об отставке с военной службы. Сохранилось это письмо на имя царя:

*«Всепресветлейший, Державнейший
Великий Государь,
Император Николай Александрович,
Самодержец Всероссийский,
Государь Всемилостивый!*

*Просит штабс-капитан,
состоящий в запасе армейской пехоты,
Александр Николаевич Гаттенбергер
о нижеследующем.*

Состоя на гражданской службе, не освобождаящей от призыва, и желая быть исключенным из запаса за окончанием обязательного срока состояния в таком с оставлением на гражданской службе, поднося свой запасно-отпускной билет, всеподданейше прошу:

Дабы повелено было исключить меня из запаса с оставлением на гражданской службе.

Город Томск, февраля месяца 16 дня 1901 года.

К подаению надлежит по команде. Сие прошение со слов просителя писал томский мещанин Константин Иванов Сченснович.

*К прошению состоящий в запасе
армейской пехоты штабс-капитан
Александр Николаевич Гаттенбергер
руку приложил.*

н/об.

Прошение это представляя начальнику Омской местной бригады, прошу ходатайства его Превосходительства об увольнении из запаса штабс-капитана армейской пехоты Гаттенбергера.

Основание: от 828 кн. VII с В. Н. 1869 года и циркуляр Главного штаба 1886 года за № 53».

Однако его просьба не была удовлетворена. В связи с началом Русско-японской войны (27 января 1904 года) он был призван в армию 5 июля 1904 года. Александр Николаевич участвовал в военных действиях в Манчжурии, в августе 1905 года награжден орденом Святого Станислава 3-й степени. После окончания войны (23 августа 1905 года) Александр Николаевич вернулся в г. Томск.

2 марта 1906 года он получил звание статского советника, а с 1 июня 1906 года по 10 января 1912 года работал мировым судьей 1-го участка г. Томска. С 10 января 1912 года назначен старшим нотариусом Тобольского городского суда. Однако вскоре он был уволен «по прошению». В последние годы перед революцией Александр Николаевич был инспектором страхового общества «Россия» в Восточной Сибири с местонахождением конторы в г. Владивостоке. Однако большей частью он жил в Томске. Как общественный деятель был хорошо известен в Сибири и России.

В начале XX века Александр Николаевич проживал в Томске в собственном доме по адресу: Офицерская улица, дом 18 (в настоящее время это улица Белинского, дом 18 не сохранился). Его дети учились в Томской гимназии, а затем продолжили учебу в Московском Императорском университете. Оба они учились как своекоштные студенты, проживали на частной квартире по адресу: улица Пречистенка, дом 14, квартира 10 (в доме Купева). Проезд по железной дороге от Томска до Москвы во 2-м классе стоил 200 рублей. Из этого можно заключить, что Александр Николаевич жил в Томске безбедно. В доме Александра Николаевича постоянно жила и вела хозяйство младшая сестра умершей жены и крестная мать Александра и Всеволода Прасковья Алексеевна Львова. В 1902 году у нее родилась дочь Анна, которая воспитывалась в семье как родная дочь (отцом Анны был Александр Николаевич).

г. Томск. Улица Белинского (ранее Офицерская).
Дом, построенный в 1904 году

Общественная жизнь в г. Томске в начале XX века была ключом. В ноябре 1905 года была учреждена губернская организация Партии народной свободы (кадетов). Лидерами ее стали Е. Л. Зубашев, И. А. Малиновский, В. А. Обручев, М. Н. Соболев, А. Н. Гаттенбергер, М. Р. Бейлин, А. А. Жемчужников и др. Александр Николаевич был членом ее губернского комитета. В городской организации партии кадетов участвовали профессора Н. И. Карташев, В. Н. Джонс, В. Л. Некрасов, В. В. Саложников, братья П. И. и А. И. Макушины, В. А. Горохов. Это была партия интеллигенции и студенчества, она насчитывала в городе около 500 человек. Партия РСДРП (российские социал-демократы), куда входили С. М. Костриков (Киров) и В. В. Куйбышев, насчитывала около 200 человек (Дмитриенко, 1999).

В 1906–1907 годах в Томске бурно обсуждались выборы в 1, 2 и 3-ю Государственные Думы. В декабре 1905 года был издан закон о выборах, по которому в них могли участвовать все сословия населения России. В число выборщиков в 1-ю Думу от Томской губернии вошли А. И. Макушин, П. В. Вологодский, Г. Н. Потанин, М. Г. Соболев и В. Л. Некрасов. Во 2-ю Думу — Г. Н. Потанин, П. В. Вологодский, П. М. Головачев, В. Л. Некрасов. В 3-ю Думу входили те же лица.

Александр Николаевич был другом Г. Н. Потанина, он принимал активное участие в работе Потанинского кружка. В период 1907–1915 годов на квартире Г. Н. Потанина собирались томские ученые. Они организовали «Общество изучения Сибири», которое выпустило труды общества — 6 выпусков. В последние годы возглавлял общество В. А. Обручев, геолог, профессор Томского технологического института. В полевых исследованиях Сибирского края принимали участие дети Александра Николаевича — Александр и Всеволод.

Имея опыт работы в земстве г. Твери, Александр Николаевич безусловно придерживался взглядов о предоставлении большей независимости Сибири. Однако, я думаю, что он не был крайне левым сибирским областником, так как его связь с Европейской Россией была очень тесной. Он несколько раз ездил в Европейскую Россию, навещал родных в Москве и Тверской губернии.

В предреволюционные годы Александр Николаевич был активным общественным деятелем. Он был постоянным ходатаем перед томским губернатором Н. Гондатти о переводах ссыльных в местность с более мягким климатом, об оставлении их в Томске для продолжения образования и т. д. К нему шли за материальной помощью и за советом, и не было случая, чтобы человек ушел от него ни с чем. Его дом был открыт для разутой, раздетой и голодной ссылки.

Большая дружба связывала Александра Николаевича с Александром Васильевичем Адриановым — археологом, этнографом, публицистом, уроженцем Тобольской губернии. Он окончил Петербургский университет и с 1879 года был постоянным сотрудником Г. Н. Потанина, участником и организатором ряда этнографических и археологических экспедиций по Си-

бири, Монголии, Алтаю (он встречался с Ульяновым-Лениным в с. Шушенском, неоднократно играл с ним в шахматы). Он был главным редактором «Сибирской газеты» в 1885–1888 годах, а в 1916–1919 годах — главным редактором газеты «Сибирская жизнь», издаваемой в г. Томске. А. В. Адрианов пользовался большим авторитетом, имел репутацию человека достойного, разумного, выдержанного, непримиримого к подлости и несправедливости. Сохранилась часть его дневников с записями о Томске в декабре 1919 года. «17 декабря город был взят большевиками. Накануне выехал губернатор и 1833 подведомственных лица. Улицы опустели, военных не видно. Однако ночью раздавались выстрелы. В доме губернатора, или „Доме свободы“, шло заседание военно-революционного комитета. Телефоны отключены по распоряжению военревкома». 19 декабря А. В. Адрианов пошел навестить Григория Николаевича Потанина в госпитальную клинику, куда он был переведен от Гаттенбергеров 12 декабря. 21 декабря А. В. Адрианов навещает Прасковью Алексеевну Львову (свояченицу Александра Николаевича) и оставляет нам — потомкам — интереснейшие сведения о семье А. Н. Гаттенбергера: «Пошел навестить Прасковью Алексеевну Львову — она живет у С. В. Бражниковой. Ютятся в одной комнате, в большой тесноте, неудобно. Питаются слухами, живут в тревоге обе за своих близких. Рассказывают, что семья Гаттенбергеров уехала из Томска-1 в Тайгу, там жила неделю, ожидая поезда В. Н. Пепеляева, который должен был их подцепить и увезти. Дальше только слышали, что они доехали до Красноярска, но достоверного ничего о них не знают. Посидев у них 2 часа, пошел к Шипицыным — навестить их и узнать о долгах Григория Николаевича (Потанина), чтоб расплатиться».

Александр Васильевич Адрианов не захотел покинуть родной Томск, не чувствуя за собой какой-либо вины, да и возраст у него был уже солидный (67 лет). 21 декабря он выпустил последний номер газеты «Сибирская жизнь», а 22 декабря был арестован, 20 марта 1920 года расстрелян.

Летом 1917 года Временное правительство назначило А. Н. Гаттенбергера Томским губернским комиссаром. Его помощником и другом был Б. М. Михайловский — сын ссыльного поляка, родившийся в г. Бийске в 1892 году (я предполагаю, что последний был братом жены Александра Александровича Гаттенбергера Марии). Широкий общественный резонанс вызвало их участие в прекращении деятельности Сибирской областной Думы. За этот поступок Г. К. Гинс позже назвал А. Н. Гаттенбергера «энергичным и смелым». В октябре 1918 года Томский губернский комиссар и его помощник Б. М. Михайловский проводили совещание представителей администрации Анжерских, Судженских и Ново-Анжерских копей. Участники совещания обсуждали вопрос об охране этих предприятий в условиях участвовавших беспорядков.

Из личного дневника П. В. Вологодского (председателя Совета министров в правительстве А. В. Колчака) можно проследить, как протекала жизнь Александра Николаевича Гаттенбергера в период с мая 1918 года по

1920 год. По сведениям П. В. Вологодского, в г. Томске до мая 1918 года были большевики. Опасно было выходить на улицу, надо было скрываться. 25 мая власть сменилась. Комиссары Сибирского правительства проводили собрания и заседания об организации управления освобожденных от большевиков территорий. 18 ноября к власти пришел А. В. Колчак. Его правительство составили: Ключников, Гаттенбергер, Серебrenников, Михайлов, Зефиров, Старынкевич, Устругов, Сапожников, Шумиловский, Петров, Щукин, Краснов; председателем остался член Директории Вологодский. В связи с назначением Александра Николаевича министром внутренних дел он переселился в столицу Всероссийского государства, в Омск. С декабря 1918 года в Омске жил и его младший сын Всеволод — чиновник по особым поручениям при П. В. Вологодском, а семья старшего сына осталась в Томске.

Верховный правитель А. В. Колчак

Премьер-министр П. В. Вологодский

Последний премьер-министр и министр внутренних дел В. Н. Пепеляев

22 декабря 1918 года в Омске произошло восстание, которое было жестоко подавлено, по приговору военно-полевого суда было расстреляно много людей, в том числе и мирного населения. Действия военных вызвали отрицательную реакцию у многих членов правительства, и особенно у министра внутренних дел. А. Н. Гаттенбергер требовал провести следствие по данному делу и наказать виновных. С этих событий начались размолвки министра внутренних дел и военного министра Н. А. Степанова, которые в конечном счете привели к уходу Александра Николаевича с поста министра 29 мая 1919 года.

Вот что пишет П. В. Вологодский в своем дневнике от 13 февраля 1919 года: «Сегодня А. Н. Гаттенбергер вместе с товарищем министра внутренних дел В. Н. Пепеляевым явился ко мне с заготовленным прошением об отставке. В прошении указывалось, что благодаря отсутствию у него ораторских способностей он на последнем заседании Совета министров не мог убедить в целесообразности предложенных им мер и потерпел фиаско, внутренне будучи глубоко убежден в полезности и даже необходимости проведения в жизнь задуманных им мероприятий и ошибочности мнений Совета, указал также на невозможность работать в контакте с военным министром Степановым, с которым у него до сих пор не налажены личные отношения вследствие столкновения на первых же порах... Указал также на то, что он не встречает поддержки своим мнениям и в других членах Совета министров. Надо сказать, что Гаттенбергер, которого я много лет знал по г. Томску, был всегда человеком мнительным, щепетильным к своей личности и считался человеком, тяжелым для работы в коллегии. Я и на этот раз старался убедить его, что он ошибается в толковании отношения к нему со стороны членов Совета министров вообще и с Н. А. Степановым, что со стороны последнего я не замечал проявления какой-нибудь нетерпимости к нему, А. Н. Гаттенбергеру, что он слишком мнителен и что, по моему мнению, со Степановым, хотя и он большой бюрократ, работать можно — он человек чистый и искренний. Наконец, я указал, что уход его с поста министра внутренних дел в настоящий момент может создать большие затруднения для правительства. Кандидатом на его место и теперь уже выдвигаются: с одной стороны — ген. Иванов-Ринов, с другой — И. А. Михайлов. Назначение на пост министра внутренних дел того или другого кандидата не может не вызвать политических осложнений. Последний мой довод, поддержанный В. Н. Пепеляевым, произвел на А. Н. Г. впечатление, и он взял свое прошение обратно».

Запись от 17 февраля 1919 года: «В этот день управляющий Министерством внутренних дел А. Н. Гаттенбергер заявил через Всеволода Александровича Гаттенбергера, своего сына, состоящего у меня чиновником особых поручений, что он считает себя оскорбленным тоном и содержанием телеграммы на его имя от начальника Главного штаба генерала Марковского... А. Н. Гаттенбергер заявил, что он должен будет подать в отставку, если Марковский не извинится перед ним и не даст контртелеграммы...»

Запись от 3 марта 1919 года: «Явившиеся ко мне министры заявили, что они считают необходимым заменить С. С. Старынкевича на посту министра юстиции как неработоспособного самого по себе и не сумевшего до сих пор организовать около себя работоспособный аппарат (слабость деятельности юрисконсультской части, следственных комиссий и т. п.). Указывалось, что на посту министра юстиции был бы подходящим человеком А. Н. Гаттенбергер, как администратор — мужественный, морально высокий, на посту же министра внутренних дел желательно было бы видеть военного человека, который скорее сумеет организовать деятельность Министерства внутренних дел с военным министром, между которыми теперь больше всего происходят трения. На пост министра внутренних дел явившиеся ко мне министры рекомендовали мне генерала Е. К. Дитерихса. Личное мнение Михайлова — на пост был бы пригоднее всего Г. Г. Тельберг, хотя он принципиально согласен, что лучше всего было бы этот пост поручить человеку военному. ...Назначение министром юстиции А. Н. Гаттенбергера едва ли удовлетворит судебное ведомство, так как Гаттенбергер не имеет высшего образования, а до сих пор все министры юстиции в России имели высшее образование. Затем, служебная карьера Гаттенбергера по Министерству юстиции ограничилась лишь службой в качестве мирового судьи. Если очень нужно заменить Стрынкевича другим лицом, то с большим правом пост министра юстиции мог бы занять Г. Г. Тельберг. ...Мне жаль терять А. Н. Гаттенбергера в качестве министра внутренних дел. Вы сами признаете за ним высокие качества».

28 апреля А. Н. Гаттенбергер вновь подал прошение об отставке, и на следующий день по решению Совета министров оно было принято. Министром внутренних дел стал В. Н. Пепеляев.

8–10 ноября 1919 года произошла эвакуация работников Совета министров правительства А. В. Колчака (с ними были Александр Николаевич и Всеволод Александрович с женой) из г. Омска. Чехи существенной помощи по охране пути не оказывали, они держались лишь близ железнодорожной линии, а вглубь для преследования большевиков идти отказывались. Однако в Красноярске, Нижнеудинске и Иркутске были выставлены почетные караулы. В г. Иркутск поезд прибыл благополучно 18 ноября.

А. В. Колчак вместе с золотым запасом, насчитывающим 414 254 000 золотых рублей (Smele, 2004) покинул Омск в ночь с 13 на 14 ноября, а вечером 14 ноября город был взят красными. Поезд шел медленно, случались стычки с отрядами красных. 24 ноября А. В. Колчак назначил В. Н. Пепеляева главой правительства, оставляя за ним должность министра внутренних дел. 23 декабря произошло назначение Г. М. Семенова главнокомандующим войсками Забайкальского, Приамурского и Иркутского военных округов. 5 января 1920 года правительство А. Н. Колчака пало. Власть перешла к Политическому центру. А. В. Колчак по прибытию в Иркутск 15 января был арестован.

Александр Николаевич Гаттенбергер.
Томск, 1910 год

Александр Николаевич Гаттенбергер.
Сан-Франциско, 1932 год

10 января П. В. Вологодский с семьей, А. Н. Гаттенбергер, Г. К. Гинс, Н. В. Устрялов с женой и Сулима-Самойлович с женой тайно выехали из г. Иркутска в г. Читу в вагоне японской военной миссии, и после недельной задержки в Чите 29 января они прибыли в г. Харбин. Но в Харбине оставаться было опасно, так как большевики требовали выдачи им всех членов правительства Колчака. А. Н. Гаттенбергер уехал в г. Владивосток, а в 1923 году вместе с семьей сына Александра Александровича эмигрировал в США, в Сан-Франциско.

Сохранился «Список пассажиров, отправляющихся в Сан-Франциско пароходом Ракуе Мару (Rekuuo Maru) из Йокोगамы (Yokohama, Japan) 8 августа 1923 г. и прибывающий в Сан-Франциско 1 сентября 1923 г.» Из этого списка мы узнаем, что Александр Николаевич был маленького роста (всего 155 см), имел серые глаза и светло-русые волосы.

Первое время в Сан-Франциско Гаттенбергеры жили бедно — Александр Александрович работал маляром, а его жена Мария шила платья на заказ. Но Александр Николаевич сумел наладить прежние знакомства по своей работе в страховом обществе «Россия», по-видимому с его помощью сын устроился на работу по специальности (он окончил Московский университет, юридический факультет в 1912 году) и семья стала жить лучше. Из газет известно, что в 1935 году Гаттенбергеры пожертвовали деньги на постройку православной церкви в Сан-Франциско. В 1936 году Александр Николаевич совершил дорогостоящее путешествие к своему сыну Всеволоду в Харбин, звал его переселиться в США, но Всеволод отказался. К сожалению, Александр Николаевич не оставил нам дневников или воспоминаний. Он умер 2 мая 1939 года и похоронен на сербском православном кладбище Сан-Франциско.

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ (1862-1920?) — ПОЛКОВНИК

Георгий Николаевич родился в Петербурге 8 марта 1862 года. С 4 лет он жил под г. Вельегонском в имении матери Прасковьи Петровны Гаттенбергер-Измайловой в Юрушкове. С 1871 по 1878 год учился в Московской военной гимназии. В России такого рода гимназии были созданы лишь в 1863 году. Это были общеобразовательные учебные заведения, отличающиеся от классических гимназий отсутствием курсов греческого и латинского языков. Они скорее напоминали реальные училища, где больше внимания уделялось физике, математике и химии. Однако преподавались и военные дисциплины. Учителями были военные. Эти гимназии находились в ведении Военного министерства. В них принимали детей всех сословий по конкурсному экзамену. Ежегодная плата в процессе семилетнего обучения составляла 40 руб. Время занятий в классах — с 8 до 15 часов. Затем дети расходились по домам, занимались приготовлением домашних заданий, на что уходило от 2 до 3 часов. Учебный год начинался 16 августа и заканчивался 5 июня. Экзамены устраивались только по окончании полного курса. Выпускники военных гимназий обычно продолжали учебу в военных училищах: пехотных, инженерных и пр. Некоторые поступали на гражданскую службу. В 1882 году военные гимназии были упразднены, и на их основе были открыты новые кадетские корпуса.

21 февраля 1879 года Георгий Николаевич «вступил в службу на правах вольноопределяющегося» в 96-й Омский пехотный полк. Спустя полгода, 1 сентября того же года, он был откомандирован в Варшавское пехотное юнкерское училище, проучившись два года, был переведен в Петербург, в Павловское юнкерское училище, которое окончил по 2-му разряду. 10 августа 1883 года он был произведен в подпрапорщики. В свой Омский пехотный полк он вернулся 24 августа 1883 года и уже в его составе 10 декабря 1884 года был произведен в подпоручики. С марта 1889 года по сентябрь 1890 года он находился в отставке, работая на гражданской службе в чине коллежского секретаря. Однако вскоре он вновь вернулся на воинскую службу, был определен в прежнем чине подпоручика в 100-й пехотный Островский полк.

В 1900–1901 годах служба Георгия Николаевича была связана со строящейся Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД). В соответствии с русско-китайским договором 1896 года она строилась в 1897–1903 годах, соединив г. Читу (ст. Маньчжурия на границе с Китаем) с г. Харбином, а через него с г. Порт-Артуром. От Харбина железнодорожная ветка отходила и на Владивосток. Российская ветка Дальневосточной железной дороги, соединившая Читу с Владивостоком через Хабаровск, была закончена только к 1912 году. Строительство железной дороги проводилось совместно двумя министерствами — путей сообщения и военным. Георгий Николаевич, находясь в распоряжении Военного министерства, был комендантом войсковых подразделений на различных участках строящейся железной дороги.

В период Русско-японской войны 1904–1905 годов он находился во Владивостоке. Город был на осадном положении. Здесь базировались военные суда: 4 крейсера, 10 миноносцев. Одновременно в городе находились сухопутные части русской армии — около 24 тыс. штыков и сабель при 56 орудиях. С начала войны до августа 1904 года Владивостокский отряд крейсеров вел активные боевые действия, уничтожив 15 неприятельских судов.

По окончании Русско-японской войны Георгия Николаевича переводят служить в Енисейскую губернию, в г. Канск. Снова в отставку он выходит с декабря 1907 года в чине подполковника. Об этом известно из сохранившегося послужного списка, составленного 10 октября 1907 года. К списку приложено и его прошение об отставке.

Послужной список Г. Н. Гаттенбергера, составленный на 10 октября 1907 года

Должность по службе — командующий 2-м батальоном на законном основании.

Ордена и знаки отличия — имеет орден Св. Станислава 3-й степени и медали: светло-бронзовую в память царствования императора Александра III, высочайше установленную за поход в Китай в 1900–1901 годах и темно-бронзовую в память Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Родился 8 марта 1862 года.

Происходит из потомственных дворян Тверской губернии.

Православный.

Окончил военную гимназию и СПб. пехотное юнкерское училище (курс по 2-му разряду).

Получаемое на службе содержание.

Жалованья — 1080 руб.

Столовых — 660 руб.

Квартирных — 162 руб. 96 коп.

Всего — 1902 рубля 96 коп.

В службу вступил рядовым на правах 1-го разряда в 96-й пехотный полк 21.02.1879 года. Откомандирован в Варшавское юнкерское пехотное училище 01.09.1879 года. Прибыл обратно в полк 16.12.1881 года.

Командирован в Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище, куда прибыл и зачислен в старший класс.

Произведен в унтер-офицеры — 14.10.1882 года.

По окончании курса наук по 2-му разряду произведен в подпрапорщики 10.08.1883 года. Прибыл в полк 24.08.1883 года.

Высочайшим приказом произведен в подпоручики 10.12.1884 года.

Высочайшим приказом от 19.03.1889 года уволен от службы для определения к статским делам, с получением чина коллежского секретаря. Исключен из списков 96-го Омского пехотного полка.

Высочайшим приказом от 08.09.1890 года определен на службу прежним чином подпоручика в 100-й Островский пехотный полк со старшинством. Прибыл и зачислен в списки этого полка 03.11.1890 года.

Произведен в поручики 31.03.1891 года.

Получил должность делопроизводителя полкового суда с 30.09.1894 года.

Награжден серебряной медалью на ленте ордена Св. Александра Невского, в память царствования Александра III — 26.02.1896 года.

Командующий 13-й ротой 25.07.1900 года.

По особому распоряжению начальства командирован в г. Читу для занятия должности этапного коменданта на строящихся военных дорогах Дальнего Востока — 15.06.1900 года.

Высочайшим приказом назначен в распоряжение командующего войсками Приамурского военного округа для замещения должности на военных дорогах, с зачислением по армейской пехоте 11.04.1900 года.

Приказом по войскам Забайкальской области назначен комендантом этапа № 3 Мира 18.09.1900 года.

Приказом по войскам Забайкальской области за упразднением этапа Мира назначен комендантом этапа Сегельдеус-Бунак 08.10.1900 года.

Переехал границу Российской империи 12.11.1900 года.

Сдал этап и отправился к месту прежней службы 12.03.1901 года.

Высочайшим приказом переведен на службу в 100-й пехотный Островский полк 18.03.1901 года со званием штабс-капитана 15.04.1901 года, зачислен командующим 2-й ротой 01.05.1901 года, членом полкового суда 01.07.1901 года.

С 01.02.1902 года командующий 8 ротой.

Награжден светло-бронзовой медалью, высочайше установленной за поход в Китай в 1900–1901 годах на ленте, составленной из Владимирской и Александровской 07.04.1902 года.

Назначен хозяином Двинского Крепостного военного собрания с 15.11.1902 года по 01.02.1904 года.

Командующий 10-й ротой с 07.01.1903 года.

Получил чин капитана с 15.04.1903 года.

Командир 10-й роты с 23.09.1903 года.

Высочайшим приказом переведен в 32-й Восточно-Сибирский стрелковый полк с 01.02.1904 года.

Назначен командиром 8-й роты, в феврале 1904 года членом полкового суда.

Приказом Главнокомандующего от 06.06.1905 года награжден орденом Св. Станислава 3-й степени.

Назначен на должность заведующего хозяйством в полку с 01.03.1906 года.

Командирован в г. Хабаровск на одну неделю. По случаю перехода полка от ст. Иман Приамурской области в г. Канск Енисейской губернии отправился с оным 01.07.1906 года.

В Канске был командиром 3-й роты, затем 11-й роты, затем 2-м батальоном с 01.07.1907 года.

Назначен наблюдающим за учебной, туалетной и охотничьей командами.

Высочайшим приказом от декабря 1907 года произведен в подполковники с увольнением со службы.

Недвижимое имущество за родителями — родовое имение сельцо Юрушково Весьегонского уезда Тверской губернии.

В походе был против китайцев с 15.08.1900 года по 12.03.1901 года, а в делах не находился.

Находился при обороне крепости Владивостока, объявленной в осаде с 28.02.1904 года по 10.10.1905 года.

Находился в Приамурском крае по 22.06.1906 года. С 22.06.1906 года прибыл в г. Канск.

Представление о производстве в следующий чин с увольнением со службы с награждением мундиром и пенсией из казны 215 рублей, из эмеритуры — 269 рублей и добавкой до совокупности в размере 514 руб. 40 коп., всего 998 руб. 40 коп. в год.

Штаб Иркутского военного округа: 04.12.1907 года.

Прощение об отставке

*Пресветлейший, Державнейший
Великий Государь
Император Николай Александрович,
Самодержец Всероссийский,
Государь Всемиловивейший!*

*Просит капитан 32-го Восточно-Сибирского стрелкового полка
Георгий Николаевич Гаттенбергер
о нижеследующем.*

Расстроенные домашние обстоятельства лишают меня возможности продолжать службу Вашего Императорского Величества и поэтому всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было уволить меня от службы с производством в следующий чин с мундиром и пансионом.

Город Канск. 09.10.1907 г.

К подаанию подлежит по команде.

*Сие прошение со слов просителя писал
стрелок 32-го Восточно-Сибирского
стрелкового полка Зиновий Гуменнок.*

Георгий Николаевич был женат на дочери отставного генерала девице Зинаиде Антоновне Шишко. У них были дети: Зинаида, родившаяся 2 июня 1900 года, Наталья, родившаяся 6 января 1902 года, Ксения, родившаяся 26 ноября 1906 года, а также сын Глеб 1904 года рождения, который трагически погиб в возрасте двух лет. Старшая дочь Георгия Николаевича Зина, моя тетя, рассказывала, как погиб Глеб. Он ходил по кровати и упал лицом на штырь кроватной спинки, проткнув глазное яблоко и повредив черепную коробку. Мальчик скончался через сутки. Вероятно, в связи с этим событием и ушел в отставку Г. Н. Гаттенбергер.

Семья Георгия Николаевича переехала в г. Вельегонск и обосновалась в имении Юрушково. В 1907 году умерла его мать — Прасковья Петровна, оставив наследство двум сыновьям — Георгию и Федору. Имение было поделено. Юрушково досталось Георгию, а другая половина, под названием Ушово, отошла Федору Николаевичу. Был построен новый дом в Ушове для семьи Федора Николаевича.

Георгий Николаевич вплоть до революции 1917 года работал в Вельегонском земстве.

Дочь Георгия Николаевича, моя тетя Зина имела неплохое образование. Она много читала, знала французский, у нее была склонность к сочинению стихов. Она была неунывающим человеком, работала бухгалтером, изъездила многие города России — жила в Киеве, Москве, Пятигорске, Баку, Симферополе, Ялте, Феодосии. Перед самой смертью переехала в г. Лиду в Белоруссии. Я ее хорошо помню. Она неожиданно появлялась в нашем доме вместе со своим мужем Петечкой Алдадановым, инженером-строителем, с подарками и дорогими игрушками для нас.

Летом 1940 года они подарили мне куклу с закрывающимися глазами, одетую в цыганский наряд. Это был такой восторг! Куклу можно было раздевать и одевать, расчесывать и заплетать ей косы, снимать туфельки. Эта кукла прошла со мной всю войну. А моему брату Юре был подарен заводной танк. Он его тут же стал раскручивать, снимать и надевать колеса, и в результате танк стал подпрыгивать к всеобщему удовольствию ребят. Летом 1950 года мы (мама, моя младшая сестра Надя и я) жили у тети Зины в Ялте. С ней жила и ее мама — худенькая маленькая старушка Зинаида Антоновна. Сколько она могла бы нам рассказать! Но мы были молоды, эгоистичны. С утра мы бежали на пляж, затем шли в парк на водопад Учан-Су. Надо было успеть посмотреть Ливадию, Алушту, Алупку, а вот поговорить

Зинаида Георгиевна Гаттенбергер-Алдаданова. 1933 год

по душам с больной старушкой нам было некогда. Зинаида Антоновна умерла в том же 1950 году осенью и похоронена в Ялте.

Георгий Николаевич жил в Юрушкове безбедно, вел свое хозяйство, присматривал за хозяйством брата Федора, который с 1910 года жил в Ставропольской губернии. Георгий Николаевич сдавал земли под сенокос и выпасы соседним крестьянам. Это было большим подспорьем для многодетной семьи Федора Николаевича.

В ноябре 1917 года Георгия Николаевича с семьей выгнали из собственного дома, отобрав все что можно. Семья поехала на Украину, в Киев, к родственникам Зинаиды Антоновны, затем они жили на Северном Кавказе. Георгий Николаевич и младшая дочь Ксения погибли в вертепе революции. Зина появилась в Москве в 1931 году, свалившись на голову своей тете Варваре Николаевне, жившей на Остоженке. Она нашла семью и своего двоюродного брата — моего отца Петра Федоровича. Вторая дочь Георгия Николаевича — Наташа вышла замуж за Пенко на Украине. У нее была единственная дочь Татьяна, родившаяся в 1922 или в 1923 году. После войны 1941–1945 годов семья Пенко жила в Свердловске (предполагаю, что они были высланы туда в 1929–1930 годах при раскулачивании, так же как и семья другой моей тети — Жени Земник, папиной старшей сестры, выселенной из-под Ейска в г. Свердловск).

Так печально оборвалась нить семьи Георгия Николаевича.

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ (1864-1921) — ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Петр Николаевич был четвертым ребенком в семье Николая Константиновича и Прасковьи Петровны. Он родился 29 ноября 1864 года в Весьегонске, рос в сельце Юрушкове, принадлежащем его матери, в живописной глухой провинции. После окончания гимназии в Москве (?) он на правах вольноопределяющегося был командирован в Варшавское пехотное юнкерское училище, где прошел полный курс с 1 сентября 1882 года по июль 1885 года. Он окончил курс по 2-му разряду (сумма баллов для определения старшинства — 69), получил чин подпрапорщика и был откомандирован в батальон. Из его послужного списка, хранящегося в Военно-историческом архиве (Ф. 409. Оп. 2. Д. 9702), известен его путь прохождения службы.

С июля 1886 года он служил в Окском батальоне под Нижним Новгородом (вместе со старшим братом Александром Николаевичем). В 1887 году был произведен в подпоручики, а в 1891 году — в поручики. В 1893 году был откомандирован в распоряжение Васильсурского уездного воинского начальника. В 1896 году был пожалован серебряной медалью на Александровской ленте в память в Бозе почившего Государя-императора Александра III. В 1898 году Петр Николаевич был произведен в штабс-капитаны и в 1900 году переведен на воинскую службу на Кавказ в Управление Шушинского воинского начальника. В 1902 году стал капитаном. В апреле 1904 года направлен на службу в 78-й Навагинский полк, приняв командование 2-й ротой. В этом же полку позже служил его сын Николай.

В начале Русско-японской войны Петр Николаевич был командирован в г. Мукден в распоряжение командующего Маньчжурской действующей армии. Высочайшим приказом от 5 ноября 1904 года переведен на службу в 140-й Зарайский пехотный полк. Назначается командиром 1-й, затем 4-й роты, временно командующим 4-м и 3-м батальонами. Приказом по войскам 3-й Маньчжурской армии от 5 мая 1905 года за разновременные действия в борьбе с Японией с 17 по 25 февраля 1905 года награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. С февраля 1906 года пере-

веден на службу в 78-й Навагинский пехотный полк, в марте произведен в подполковники со старшинством, в феврале 1907 года награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а в апреле — орденом Св. Станислава 2-й степени.

В 1907 году Петр Николаевич решает выйти в отставку. Он пишет письмо на имя царя.

*«Всепресветлейший Державнейший,
Великий Государь Император
Николай Александрович,
Самодержец Всероссийский, Государь всемилостивый*

*Просит подполковник 78-го пехотного
Навагинского полка Петр Николаевич
Гаттенбергер о нижеследующем*

Расстроенное здоровье лишает меня возможности продолжать службу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, а потому, представляя при сем медицинское свидетельство за № 156, всеподданнейше прошу к сему:

Дабы повелено было уволить меня по болезни от службы с производством в следующий чин и с награждением мундиром и полным пансионом.

Город Ахалкалаки. Сентября 30 дня 1907 года.

*К поданию надлежит по команде.
Сие прошение писал со слов просителя
старший писарь Григорий Иустинович
Федоров.*

*Прошение 78-го пех. Навагинского полка
Подполковник Петр Гаттенбергер руку
приложил».*

Медицинское свидетельство за № 156

«Согласно приказу по Ахалкалакскому гарнизону от 3 сентября с. г. за № 64 мы, нижеподписавшиеся, 6 сентября в Ахалкалакском местном лазарете в присутствии начальника Ахалкалакского гарнизона полковника Солоненко свидетельствовали подполковника 78-го Навагинского пехотного полка Гаттенбергера на предмет увольнения его в отставку по расстроенному здоровью, причем нашли следующее. Подполковник Петр Николаевич Гаттенбергер, 42 лет от роду, младший штаб-офицер, состоящий на службе 25 лет 8 месяцев. Жалуется на головокружение, одышку, постоянную, уси-

ливающуюся при ходьбе и крутых подъемах, колотья в левом боку, давнишний, более или менее постоянный кашель, слабый аппетит, изжоги, тошноты, иногда по утрам сопровождающиеся рвотой, плохой сон и общую слабость, каковые припадки начали давать себя чувствовать в бытность свидетелеваемого на театре Русско-японской войны в Маньчжурии с конца 1905 года. При объективном исследовании обнаружено. Свидетельствуемый выше среднего роста, крепкого сложения, подкожный жир сильно развит, шея короткая, грудная клетка бочкообразной формы, видимые слизистые оболочки нормально окрашены. Пульс 78 ударов в минуту, правильный. При обследовании грудной клетки перкуссией — верхняя граница абсолютной сердечной тупости под нижним краем 4-го левого ребра, правая — у левого края грудины. Края легких при дыхательных экскурсиях слабо подвижны, нижняя граница правого легкого при выдохе у края 7-го ребра по сосковой линии. При выслушивании тоны сердца чисты, но весьма глухи, дыхательный шум везикулярного характера, сопровождающийся сухими хрипами, выдыхательный шум удлинён. Брюшные органы не прощупываются, быть может, вследствие обильного отложения жира в брюшных стенках. Верхняя граница абсолютной тупости печени по сосковой линии с верхнего края 7-го ребра, по аксимиллярной — на высоте 8-го ребра. На основании изложенных субъективных и объективных данных исследования мы заключаем, что свидетельствуемый подполковник Гаттенбергер страдает эмфиземой легких, продолжать службу не может, в постороннем уходе не нуждается. При увольнении в отставку пользуется согласно ст. 187 кн. VIII св. В. П. 1869 г. правами на совокупную пенсию, предусматриваемую по В. В. 1906 г. № 280, п. 7. Лит. А. Что подписями и приложением печати председателя удостоверяется 10 сентября 1907 г. гор. Ахалкалаки.

Младший врач 78-го Навагинского полка,
лекарь Корсаков.

Члены комиссии: Старший врач того же
полка, доктор медицины коллежский
советник Кабаков.

Председатель комиссии, старший врач
Ахалцикского местного лазарета коллежский
советник Просвириин.

При освидетельствовании присутствовал
начальник Ахалкалакского гарнизона
полковник Солоненко.

С мнением врачей согласен. Дивизионный врач 20-й пехотной дивизии, статский советник Никольский.

15 сентября 1907 года, № 136, г. Тифлис».

Послужной список
Подполковника 78-го пехотного
Навагинского полка Петра Гаттенбергера

Составлен 13 сентября 1907 года.

Подполковник Петр Николаевич Гаттенбергер.

Младший штаб-офицер.

Имеет ордена: Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й степени с мечами, серебряную медаль на Александровской ленте в память в Бозе почившего государя Александра III и светло-бронзовую медаль в память Русско-японской войны.

Родился 1864 года, ноября 29.

Православного вероисповедания.

Из дворян Тверской губернии.

Окончил курс в Варшавском пехотном юнкерском училище по 2-му разряду.

Жалования 1344 рубля в год. Столовых 360 рублей.

Женат первым законным браком на купеческой девице Анне Игнатьевне Новиковой, уроженке Нижегородской губернии.

Имеет сыновей: Бориса, род. 19 ноября 1892 г., Николая, род. 26 июля 1894 г., Евгения, род. 2 марта 1900 г., и дочь Софью, род. 4 мая 1896 г. Жена и дети исповедания православного.

Не имеет недвижимого имущества, родового или благоприобретенного за ним, за женою и родителями.

Наказаниям и взысканиям по службе не подвергался.

Участник Русско-японской войны.

Участвовал в боях с японцами под Мукденом с 17 по 25 февраля 1905 г.

В службе сего штаб-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия безупречной службы или отдаляющих срок выслуги по оному.

Командир полка
полковник Демьяненко.
Полковой адъютант,
штабс-капитан Ваптович.

Читал: подполковник Гаттенбергер (подпись) 30 сентября 1907 г.

Отставному подполковнику Гаттенбергеру была назначена пенсия:

1) из эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства по двести шестьдесят девять рублей с 28 декабря 1907 года и 2) добавочная из сумм пре-

дельного бюджета военного министерства по четыреста восемьдесят восемь рублей 34 копейки в год. О производстве вышеупомянутой пенсии из Тифлисского казначейства, той же казенной палаты канцеляриею военного министерства сообщено в департамент государственного казначейства от 19 января 1908 года за № 1127:

«При выдаче эмеритальной пенсии, с названного на основании ст. 584, кн. VII, С.В.П. 1869 г. 2 изд., будет удержано _____ руб.

Помощник дежурного генерала
Начальник отдела Штабс-капитан Иванов».

Петр Николаевич с семьей проживал в г. Кутаиси. С началом Первой мировой войны была объявлена всеобщая мобилизация. Петр Николаевич в возрасте 50 лет пошел на войну. По словам моего отца, он командовал 3-м корпусом на Кавказе, получив звание генерал-майора.

В военных действиях этот корпус участия не принимал. Известно, что еще в предвоенные годы он был расквартирован на границе Дагестана и Чечни, в районе Гудермеса и Урус-Мартана, неся охранную функцию, блокируя возможные вылазки со стороны чеченцев. Подобная блокировка была необходима с началом войны, так как чеченцы были потенциальными союзниками турок, с которыми Россия вела активные боевые действия. После революции в разгар Гражданской войны Петр Николаевич с женой и дочерью оставался в Закавказье, в г. Поти (?). После окончательного поражения белых, потеряв своих сыновей и не видя выхода из создавшейся ситуации, Петр Николаевич и его 25-летняя дочь Софья покончили с собой, отравившись большой дозой морфия. Вместе с ними уходила из жизни и жена Анна Игнатьевна, однако она чудом осталась жива. Дело в том, что она страдала мигренями и часто принимала морфий. Принятая доза морфия на этот раз оказалась для нее недостаточной, и она выжила. В 1927 году она приезжала в Ялту навестить свою единственную внучку Валечку (дочь Бориса Петровича). По приезде домой в г. Кутаиси она отравилась.

В 1916 году мой отец в гостях у Варвары Николаевны Успенской встретился с сыновьями Петра Николаевича — Борисом и Николаем. Борис Петрович в это время был капитаном, награжденным Орденом Святого Владимира и Георгиевским оружием, а Николай учился в Алексеевском пехотном юнкерском училище в Москве.

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА (1866-1918) — АНАРХИСТКА

Мария Николаевна была пятым ребенком в семье Николая Константиновича и Прасковьи Петровны. Она родилась и выросла в Весьегонске. По словам моего отца Петра Федоровича, она не закончила Весьегонскую гимназию и в семье считалась «непутевой» девицей. Она была одинокая, жила то в Твери, то в Павловске, иногда появлялась в Москве у своей тети Варвары Николаевны Успенской. По сведениям, почерпнутым из Адресных книг Петербурга на рубеже XIX и XX веков, она проживала в Павловске в доме Аршневских (хозяйка дома Екатерина Николаевна Аршневская, урожденная Гаттенбергер) по адресу: Главная аллея, дом 7. Многие годы она жила также по соседству у Елены Константиновны Гаттенбергер, владелицы магазина «Садоводство» по адресу: улица Круглого пруда, дом 1.

В 1915 году она приезжала к своему брату Федору Николаевичу в с. Медвежье Ставропольской губернии. Прожила около недели, оставив о себе тягостные воспоминания. Она была худой, всегда с папиросой в зубах, плохо и неряшливо одетой. Ее высказывания о людях, особенно о царской семье, были резкими, недоброжелательными. Федор Николаевич постарался выпроводить сестру из дома.

Мария Николаевна была связана с анархистами, участвовала в их выступлениях. Бесследно исчезла в годы Гражданской войны, в 1918 году (?).

ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ (1867-1917) — НЕБОГАТЫЙ РУССКИЙ ПОМЕЩИК

Федор Николаевич родился в с. Юрушкове 30 апреля 1867 года и был последним ребенком в семье. Большую половину жизни он провел в тихом уютном сельце Юрушкове, имении матери. У Феди было плохое здоровье и с малых лет слабое зрение. В связи с этим военная карьера старших братьев была не для него. Гимназию он окончил в Нижнем Новгороде, так как в родном Весьегонске ее еще не было. В Нижнем Новгороде в 1880–1890-х годах жили его старшие братья — Александр и Петр. Возможно, Федор жил в семье старшего из братьев — Александра. В 1885 году он становится крестным отцом своего племянника — Александра Александровича. Крещение происходило в Скорбященской тюремной церкви Нижнего Новгорода. В том, что Федор Николаевич учился в Нижнем Новгороде, нет ничего удивительного. Сообщение между Нижним Новгородом и Весьегонском было хорошо налажено, и жители последнего часто пользовались водным транспортом. Железная дорога в Весьегонск была проведена только в конце века — в 1898 году.

Окончив гимназию, Федор Николаевич стал работать телеграфистом на Весьегонской городской почте. Был он всегда-навсегда коллежским регистратором — ниже чина в российской иерархии государственных служащих не было. В 21 год он женился на Анне Петровне Ванчаковой (18.02.1867–22.05.1920) — дочери дьякона Богоявленского собора Весьегонска. В семье дьякона Петра Ивановича и его жены Марии Ивановны, урожденной Страховой, были еще дочери — Павла и Серафима, и сыновья — Сергей и Юрий. Анна была старшей из детей. Она окончила восемь классов весьегонской гимназии, получив диплом домашней учительницы. Она учительствовала в младших классах до своего замужества, а после переезда в 1910 году семьи на Ставрополье — в 1912–1917 годах в селе Медвежьем. Сохранилось девичье фото Анны Петровны, когда ей было 19 лет, сделанное в Петербургском фотоателье. Это скромная русская девушка со светлыми волосами и голубыми глазами

В семье Федора Николаевича родилось 11 детей: Екатерина (14.06.1890–01.07.1971), Николай (23.09.1891–23.04.1967), Евгения (15.09.1892–1974), Иван (08.04.1894–27.12.1917), Ольга (07.07.1895–1976), Роман (13.01.1897 – январь 1919), Любовь (05.03.1899–1976), Галина (14.03.1901–1978), Нина (23.02.1903–23.12.1919), Петр (15.05.1906–02.01.2002), Варвара (1907 – умерла в возрасте 2 месяцев).

Семья жила скромно. Заработок Федора Николаевича составлял около 400 руб. в год, имение Юрушково приносило небольшой доход. В хозяйстве держали от 5 до 8 коров, несколько лошадей, свиней, кур. Из 100 десятин земли, которые принадлежали Федору Николаевичу, 17 десятин засеивались озимой рожью и овсом, остальные земли были заняты лесами и лугами. Бабушка Прасковья Петровна взяла на воспитание старшую дочь Катю, которая жила у нее до ее смерти в 1907 году. Воспитанию внуков бабушка отдавала все силы, особенно Катеньке, которая в Весьегонской гимназии окончила 8 классов и получила диплом домашней учительницы.

В адрес-календаре Тверской губернии за 1904 год с перечнем всех находящихся на государственной службе чиновников Федор Николаевич числится коллежским регистратором и заседателем в Дворянской опеке. После смерти Прасковьи Петровны имение было поделено между ее сыновьями — Георгием и Федором. Федору было выделено имение Ушово рядом с Юрушково. Начали строить новый дом и тут же влезли в долги. В 1909 году Федор Николаевич решает в корне изменить жизнь и в возрасте 42 лет с семьей переезжает на Северный Кавказ, получив должность пристава в уездном селе Медвежье Ставропольской губернии. Имение Ушово в Тверской губернии было оставлено на попечение брата Георгия Николаевича Гаттенбергера, земского начальника Весьегонского уезда, подполковника в отставке, оно сдавалось в аренду.

Федор Николаевич уехал в г. Ставрополь один через Москву, а Анна Петровна с младшими детьми Ниной и Петей отправились в длинное путешествие по рекам. Сначала плыли по реке Мологе, затем по Волге до г. Царицына. В Царицыне обнаружилось, что багаж застрял где-то по пути. Он был найден в Казани, пришлось его ждать двое суток. Наконец семья села в поезд, идущий на Ростов. На станции Тихорецкой снова пересадка на Ставрополь. Сохранилась чудесная фотография Нины и Пети, сделанная в Ставрополе. Мой отец четырех лет в костюме горца и Ниночка семи лет сидит рядом, такая хорошенькая, в белой меховой шапочке, в руках

Анна Петровна, жена Федора Николаевича Гаттенбергера. Петербург, 1886 год

Нина и Петя Гаттенбергеры.
Ставрополь, 1910 год

муфта, на губах полуулыбка. Из Ставрополя все вместе поехали на поезде до станции Ново-Александровская, затем на лошадях 50 км до села Медвежье.

Медвежье было уездным центром Ставропольской губернии. В селе было 3 церкви, уездный суд, тюрьма, школа, больница с койками, почта (с телеграфом), библиотека, баня, спиртной завод, несколько мельниц. Село было заложено, по-видимому, во времена Екатерины II, как форпост против горцев. Название ничего общего не имеет с медведями. Их там никогда не было. В этих местах издавна собирали мед с вежей травы, отсюда и произошло название — «мед вежий», впоследствии превратившееся в «Медвежье». Семья Гаттенбергеров жила на казенной квартире в центре села, рядом с квартирой судьи Любомудрова. В доме было четыре комнаты, обстановка про-

стая, удобная — венские гнутые стулья, на окнах в больших горшках фикусы, на стене ковер (сохранилась фотография квартиры). Во дворе — небольшой домик, приемная Федора Николаевича. Позади дома, в пристройке, жила семья работника, тут же жила и кухарка. В доме были кошки, держали кур, перед домом был разбит небольшой цветник.

Серьезной проблемой, незнакомой для жителей Средней России, была нехватка пресной питьевой воды. Воду собирали в большие емкости с железной крыши дома. Иногда воды не хватало, и тогда надо было ее привозить из глубокого колодца, расположенного на краю села, в нескольких верстах от дома. В 1914 году в село провели электричество. В доме появился телефон, а в селе стали показывать кино. У Гаттенбергеров была небольшая библиотека, выписывали журнал «Огонек» и еженедельную газету «Русское слово».

В 1915 году в доме появился австриец-военнопленный в качестве работника. С ним Анна Петровна ходила на рынок, покупая провизию на неделю — мясо, масло, творог, овощи и фрукты. Хлеб покупали в пекарне на центральной улице. В это время в селе было много турок-военнопленных. Они, главным образом, работали на постройке или ремонте дорог.

Главой села был уездный начальник, подчиняющийся губернатору. У него была большая семья, человек пять мальчишек, с которыми играл отец, и несколько девочек, дети учились в гимназии в Ставрополе. У начальника в подчинении было 5 приставов, работавших по волостям. Федор Николаевич был приставом по Медвежьинской волости. За выслугу лет он

был награжден орденом Святой Анны. В 1917 году он стал судебным приставом, перейдя в подчинение к председателю суда Любомудрову. Он со своим отрядом полицейских в 30 человек арестовывал преступников, иногда целые дни проводил верхом на лошади. У него всегда с собой был маленький револьвер. Судебный пристав имел право бесплатно пользоваться тачанкой (парной или одиночной). На парной тачанке ехало 3–4 пассажира, кучер сидел впереди на отдельном сиденье. Расстояние в 50 км от села Медвежье до ближайшей железнодорожной станции Песчанокопской тачанка проходила за 2,5–3 часа, смена лошадей происходила 4–5 раз в попутных селах. Дорога на Песчанокопскую была магистральная, в хорошем состоянии, ее ремонтировали каждую весну.

Земским начальником в с. Медвежьем был муж Екатерины Федоровны Гаттенбергер — Алексей Васильевич Горшков. Его контора располагалась в центре села в отдельном доме. Там всегда толпился народ. При продаже земли, каких-либо земельных спорах всегда надо было обращаться к земскому начальнику.

Екатерина Федоровна и Алексей Васильевич Горшковы.
Медвежье, 1916 год

Уважаемыми людьми в селе были купцы Луневы, Лебедевы и Демины. Луневы владели промтоварным магазином, товары привозились по железной дороге из Ставрополя, Ростова, Москвы. Это были модные наряды для женщин, молодежи, детей. За сына хозяина магазина Володю Лунева в 1916 году вышла замуж Женя, сестра моего отца. Лебедевы разводили овец и коз, пряли нитки. Женщины-работницы вязали платки, ша-ли, кофты и др. Наиболее богатыми купцами были Демины. Они владели двумя спиртными заводами, снабжающими водкой весь Медвежьинский уезд. У них было много земли, на которой выращивался хлеб, была вальцовая мельница и даже трактор, привезенный из Германии.

В центре села был разбит тенистый парк с декоративными деревьями, цветниками и аллеями. В 1911 году в парке был торжественно заложен памятник царю — освободителю от крепостного права Александру II. В 1913 году в честь 300-летия дома Романовых на центральной площади села состоялся парад, играла музыка, казаки в своих красочных костюмах демонстрировали мощь Российской империи.

Праздник в селе Медвежьем.
Среди людей Гаттенбергеры — Екатерина Федоровна,
Ольга Федоровна, Роман Федорович, Любовь Федоровна,
Петр Федорович, Федор Николаевич. 1915 год.

В селе каждую осень устраивались лошадиные бега. Парни в белых рубахах с яркими кушаками, в сапогах и синих галифе лихо пронеслись на конях. Девушки и молодые женщины в белых накрахмаленных кофтах, широких ярких юбках, пестрых платках подбадривали соревнующихся. Затем поздравляли победителей, шли в парк, пели казачьи песни.

В газетах и журналах за 1913 год печатались патриотические стихи. Среди казачества очень любили стихотворения о заслугах казаков — Ермаке, Платове, Иловайских и др. Мой отец помнил одно из них (о Ермаке), напечатанное в журнале «Огонек» за 1913 год, до глубокой старости. Он его выучил наизусть в 7 лет, не умея еще хорошо читать. В свои 90 лет он мне его прочел:

За Уральским хребтом,
 За рекой Иртышом,
 На далеких отрогах Алтая
 Стоит холм, а на нем
 Под кедровым шатром
 Есть могила, совсем забытая.
 Вкруг нее ни куста,
 Вся окрестность пуста,
 И кругом нет ни звука, ни шума.
 Дикая зверь не бежит,
 Хищный вран не летит,
 В этом месте, здесь кроется диво.
 300 лет, говорят,
 Это было назад,
 Рыбаки в Иртыше неводили.
 И в затоне одной,
 Там на берег крутой
 Вместо рыб мертвеца притащили.
 Был в кольчуге стальной,
 Был в броне боевой,
 Росту страшного
 Пойманный в сети.
 И дивились ему, великану тому
 Рыбаки простодушные эти.
 И не зная, как быть,
 Как покойника сбить,
 Чтоб на грех не затеять бы дело,
 Порешили все скрыть
 И скорее зарыть
 Это мертвое, страшное тело.
 И с тех пор, только день
 Перейдет в ночь и тень,
 Из могилы покойник выходит.
 И всю ночь напролет

*Он и взад, и вперед
С тихим стоном по берегу бродит.
Говорят, что слова
Иногда можно слышать
«Я донской был казак,
По прозванию Ермак,
О покое моем помолитесь».*

Семья Гаттенбергеров жила спокойно и скромно. Основное внимание уделялось детям, им старались дать хорошее образование. Анна Петровна работала сначала в сельской школе, а с 1915 года, когда была открыта гимназия, она стала там преподавать русский язык. Вместе с ней с 1915 года стала работать и ее старшая дочь Катя. Оля, Люба и Галя учились в Петербурге в Институте благородных девиц. Коля в 1912 году окончил Морской корпус в Петербурге и в чине мичмана был направлен на Черноморский флот, в Севастополь. Женя окончила гимназию в г. Весьегонске, приехала в 1913 году в с. Медвежье и, получив назначение в с. Летнинское (в 25 км от Медвежьего), стала там работать учительницей в начальной местной школе. Мой отец жил у Жени и учился в подготовительном классе осень 1914 – весну 1915 года.

Ваня Гаттенбергер, закончив 2-й Кадетский корпус имени Николая Первого в Москве в 1910 году, учился в юнкерском пехотном училище в Петербурге, изредка приезжая домой. Роман учился во 2-м кадетском корпусе в Москве и тоже приезжал домой только на каникулы.

С приходом красных в декабре 1917 года началась расправа с уездным начальством. Федор Николаевич был убит вместе с приехавшим домой сыном Иваном и его товарищем на третий день Рождества (27 декабря 1917 года по старому стилю) на пороге своего дома разбушевавшимися мужиками (забит камнями и палками). Судья и некоторые члены земства тоже погибли. Катя с мужем Алексеем Васильевичем Горшковым, увидев бесчинства мужиков, убежали на тачанке в с. Ладовская Балка, где скрывались у своих знакомых в течение нескольких месяцев. Анна Петровна с Любой и Галей после похорон близких навсегда уехала из Медвежьего в г. Ейск. В Ейске в это время жила Оля. Она окончила Смольный институт в 1917 году и стала работать учителем рисования в Ейской гимназии. Нина в это время училась в гимназии г. Ставрополя. Петя учился в 3-м Кадетском корпусе в Москве.

Анна Петровна скончалась в г. Ейске 22 мая 1920 года, похоронена на военном кладбище.

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ (1876–1920) — ГЕНЕРАЛ-МАЙОР, ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Георгий Петрович родился 11 марта 1876 года в г. Усмани Воронежской губернии. Он был вторым ребенком в семье, его отец Петр Константинович был в то время титулярным советником. По данным Военно-исторического архива (Ф. 16180. Оп. 1. Д. 467), он окончил реальное училище в г. Елабуге Вятской губернии и московское Алексеевское пехотное училище. По окончании училища в 1901 году выпущен подпоручиком в 1-й Владивостокский укрепбатальон. В 1902 году полк был переформирован в 29-й Восточно-Сибирский строевой полк. В 1903 году Георгий Петрович был переведен в чине поручика в 31-й Восточно-Сибирский строевой полк. Во время Русско-японской войны он находился в осажденном Владивостоке. В 1907 году переведен в чине штабс-капитана в 33-й Восточно-Сибирский строевой полк. С 24 августа 1907 года он в чине капитана был прикомандирован к Хабаровскому графа Муравьева-Амурского кадетскому корпусу. 6 декабря 1913 года был произведен в подполковники и командирован в Петербург на воспитательные курсы, которые закончил 1 мая 1914 года. 15 сентября 1914 года по высочайшему повелению был переведен из корпуса в строй и причислен в штат Минского военного округа, откуда получил назначение в 331-й пехотный Орский полк.

Здание Кадетского корпуса им. Муравьева-Амурского. Хабаровск, 2003 год

Статуя Муравьева-Амурского на смотровой площадке
Амурского утеса. Хабаровск, 1998 год

За боевые заслуги Георгий Петрович был награжден многими орденами: Святой Анны 4-й, 3-й и 2-й степени, Станислава 3-й степени и Станислава 2-й степени с мечами и бантом, Святого Владимира 4-й и 3-й степени, Георгиевским оружием, в 1916 году был награжден высшим военным орденом — Георгиевским крестом. Высочайшим приказом от 23 июля 1916 года назначен командиром 331-го пехотного полка, получив чин полковника. В 1917 году становится начальником 53-й пехотной дивизии с производством в генерал-майоры. В августе 1917 года попал в плен к немцам, откуда вернулся весной 1918 года.

Сохранилось описание подвига, совершенного Георгием Петровичем, (записка Г. П. Гаттенбергера, хранящаяся в РГВИА (Ф. 16180. Оп. 1. Д. 467)):

Георгий Петрович
Гаттенбергер

Бузулукского полка и 1 рота 34-й Курской дружины. Под Опатовым, в мае 1915 г. мы занимали укрепленные позиции, взятые нами в бою под Властовым. Здесь мы потеснили противника верст на 15. В течение 6 дней мы подвергались сильнейшему огню тяжелой артиллерии противника, старавшегося выбить нас из занятых и укрепленных позиций. Со своей стороны противник укрепился на опушке леса, вырыв окопы, укрепив их и сделав 6 рядов проволочных заграждений, впереди коих на расстоянии 10 сажень друг от друга были заложены в один ряд самовзрывающиеся фугасы в количестве около 40 штук. Стрельбу свою противник корректировал из двух привязных воздушных шаров (кол-

бас) и аэропланов, безустанно летающих над нами и бросающих бомбы-стрелы, и почти не переставая освещал наши позиции из четырех больших прожекторов. В течение первых четырех дней противник обстреливал наш тыл из тяжелых орудий, не допуская подвоза ни снарядов, ни патронов, ни пищи для солдат, производя стрельбу непрерывно и днем и ночью. На 5-й и 6-й день он начал производить стрельбу из легких орудий по окопам, так же непрерывно, все время пробуя наступать большими частями (ротами), но каждый раз отбивался нашим пулеметным и ружейным огнем. В ночь шестого дня противник начал общее наступление всем фронтом, но был отбит нами, когда подошел шагов на 400, с большими потерями. После этого на 7-й день было некоторое затишье. Пользуясь этим, в 5 часов дня я повел свой батальон и роту дружин в наступление. Подойдя к проволочным заграждениям, мы подверглись сильнейшему пулеметному и ружейному огню венгров и австрийцев. Несколько человек нарвались на фугасы, но никто убит не был, были только раненые. Командир 2-й роты поручик Лампадзе первым прорвался через проволочные заграждения, у разорвавшегося фугаса ворвался в окоп, и здесь началась общая штыковая схватка с противником. Результатом этого наступления было взятие Пляшавицкой роши, выбитие противника из окопов и обращение в бегство. Преследуя убегающих через всю рошу на противоположную опушку, мы взяли в плен 600 человек при 7 офицерах и закрепились, здесь пробыли до приказа отступить».

За этот подвиг Георгий Петрович получил Георгиевское оружие по высочайшему приказу от 16 августа 1916 года.

Другой подвиг, за который Георгий Петрович получил Георгиевский крест, описан в том же документе (РГВИА. Ф. 16180. Оп. 1. Д. 467) весьма скромно и немногословно: «Начальником участка в это время был генерал-майор Хондаков. К нему явились ротмистр Данишевский 3-го Новороссийского драгунского полка, ротмистр (фамилия не указана)... шести партизанских отрядов и просили разрешения команды разведчиков 331-го Орского полка провести их в дер. Невель. Подполковник Гаттенбергер, командуя временно этим полком, дал свою команду разведке и сам пошел с ними. В 5 часов вечера выступила команда разведчиков, осветили местность, был проведен 1-й отряд партизан, а затем и остальные. Часам к 11 вечера все собрались к Невелю, который был окружен заставами Орского полка. В 11 часов вечера партизаны ворвались в деревню и господский двор, бросили в окна ручные гранаты, произвели переполох и минут в 15–20 захватили спящими 2-х генералов, штаб 82-й германской дивизии и офицеров 282-го пехотного полка. Во время схватки большинство было перебито, а живыми были взяты 2 генерала (инспектор артиллерии и начальник дивизии), один из них по дороге умер от ран, а другой был эвакуирован внутрь России».

В 1918 году А. В. Колчак назначает Георгия Петровича командиром одного из корпусов для борьбы против большевиков. Однако в мае 1918 го-

да Гаттенбергер был направлен на юг России для комплектования офицерского воинского соединения из сибиряков, которое затем можно было бы использовать в военных действиях против большевиков к востоку от Урала. В 1919 году он с разрешения А. И. Деникина сформировал в Таганроге Отдельный Сибирский офицерский батальон (4 роты и пулеметная команда). В октябре 1919 года предполагалось направить этот батальон во Владивосток на пароходе «Херсон», но ввиду неудач на фронте отправка была отменена. В ноябре 1919 года батальон был переброшен в Новороссийск, где нес караульную службу и вел борьбу с зелеными в направлении Кабардинка—Геленджик—Абрау-Дюрсо. 9 марта 1920 года Отдельный Сибирский офицерский батальон был влит во 2-й Марковский полк, где составил 3-й батальон этого полка. А в июне 1920 года в Крыму Врангель приказал Гаттенбергеру вступить в командование 2-м Марковским полком. 29 июля 1920 года в тяжелом бою с частями 2-й конной армии Городовикова под Большим Токмаком, в Северной Таврии, генерал Георгий Петрович Гаттенбергер был смертельно ранен в живот и скончался в этот же день. 31 июля он был похоронен в г. Мелитополе. Подробное описание боя приводится в журнале «Первопоходник» № 18 за 1974 год (издание Лос-Анжелеса).

Георгий Петрович был женат на Марии Васильевне (кто она, из какого сословия, мне не известно), у них было трое сыновей: Петр (1906 года рождения), Владимир (1908 года рождения) и Георгий (1909 года рождения).

Генерал Георгий Петрович
Гаттенбергер. 1920 год

Мария Васильевна, жена Георгия
Петровича Гаттенбергера. 1916 (?) год

В книге «Хабаровский имени графа Муравьева-Амурского кадетский корпус 1888–1978» (Гаттенбергер, 1978), выпущенной под редакцией его старшего сына Петра Георгиевича Гаттенбергера, описана жизнь кадетов и преподавателей корпуса, в котором Георгий Петрович работал воспитателем в чине капитана с 1907 по 1914 год. В этой публикации приводятся сведения о личном составе преподавателей, списки кадет по выпускам и классам, расписание уроков, много фотографий. Корпус был преобразован в 1900 году из военной гимназии. Стоимость за обучение и содержания одного учащегося в год в 1900 году составляла 345 рублей, в 1905 году — 913 рублей, а в 1912 году — 774 рубля.

7 августа 1917 года корпус был вновь переформирован в Хабаровскую гимназию военного ведомства. А 9 марта 1918 года по приказу Военного комиссара Л. Б. Троцкого был распущен. Кадеты, у которых не было родителей в городе, были помещены в Хабаровский городской приют на Красной речке. Имущество корпуса расхищалось. 1 сентября 1918 года Хабаровск был взят атаманом Калмыковым, и с 8 сентября были восстановлены занятия в корпусе. 20 декабря 1919 года состоялся последний 16-й выпуск кадетского корпуса с вручением аттестатов. В связи с постоянно меняющейся политической обстановкой на Дальнем Востоке было решено перевести корпус во Владивосток. Там кадеты жили на Русском острове в казармах, оставленных чехами. Пережили холодную и голодную зиму 1920–1921 года. Многие ребята убежали из корпуса, некоторые попали к атаманам Семенову, Калмыкову, в Сибирскую флотилию адмирала Старка. Оставшиеся кадеты, в том числе и три сына Георгия Петровича, а также его жена Мария Васильевна (всего несколько сот человек) были вывезены на судах адмирала Старка за границу. 25 октября 1922 года суда вошли в бухту Посъет, далее г. Кенсон (Сеул). 30 декабря 1922 года кадеты добрались до Шанхая. Одно из судов — «Лейтенант Дыдымов» с 300 пассажирами, включая 17 кадетов, затонуло во время шторма недалеко от Шанхая.

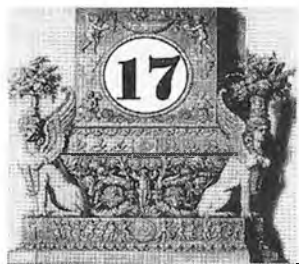
НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (1877-1952) — ХУДОЖНИК ПО ФАРФОРУ

Наталья Петровна родилась в Воронеже 30 июня 1877 года и крещена в Кафедральном Троицком соборе 10 июля; ее крестным отцом был капитан Андрей Александрович Карпов (дедушка с материнской стороны) а крестной матерью — Мария Андреевна Гарденина, жена поручика Петра Михайловича (сестра ее матери). В 1896 году окончила Казанский Радионовский институт благородных девиц с отличными оценками. Удостоена звания домашней наставницы с правом преподавания в женских учебных заведениях. В 1900 году поступила в Строгановское училище ваяния и зодчества в Москве. Некоторое время работала с М. А. Врубелем. После окончания учебы была оставлена при училище, с 1920 года работала преподавателем живописи по фарфору на керамическом факультете во ВХУТЕМАСе, с 1943 года — член МОСХа, автор многих работ по росписи декоративных блюд, панно (РГАЛИ Ф. 674. Оп. 1. Ед. хр. 956. Л. 6, 11, 13, 14, 18). У автора книги сохранились две ее работы: «Орлиный залетъ, 1912 г.» (к 100-летию юбилею Бородинской битвы) и «Две дамы в саду». Проживала в Москве по адресу: улица Садовая Черногрязская, дом 3а, квартира 82; незамужем, похоронена на Немецком (Введенском) кладбище в Москве.

Наталья Петровна
Гаттенбергер

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1885-1970) — ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ

Александр Александрович родился 9 ноября 1885 года в Нижнем Новгороде, окончил в 1905 году Томскую гимназию, затем Московский университет (юридический факультет) весной 1912 года (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 319. Д. 284). 15 января 1912 года в Москве, получив разрешение от ректора Университета, женился на Марии Михайловской (?), дочери польского ссыльного, родившейся 25 марта 1891 года в г. Бийске. Супруги жили в Томске отдельно от отца. 20 февраля 1915 года у них родился сын Олег, и 22 апреля 1916 года — дочь Нина. Александр Александрович работал в Томске присяжным поверенным. Известно, что в 1918 году он владел мельницей под Томском. У него было опытное сельскохозяйственное дело.

Мария
Михайловская-Гаттенбергер,
Томск, 1910 год

Александр Александрович
Гаттенбергер, выпускник Томской
гимназии. Томск, 1 июня 1905 года

После Октябрьской революции семья Александра Александровича выехала из Томска поездом в ноябре 1919 года. На станции Тайга поезд стоял около недели. Здесь их ограбили — отобрали добро и семейную реликвию — икону Богоматери-Троеручицы. Эта икона была хранительницей домашнего очага, приданым его умершей матери Натальи Алексеевны Львовой. Стояли морозы, мучила неизвестность, ждали поезда из Омска, который должен был подцепить их вагон к своему составу. В Иркутск беженцы прибыли в середине января, затем Чита и Харбин. По рассказам Елизаветы Олеговны (внучки Александра Александровича), пересечение русско-китайской границы происходило как в приключенческом фильме — Александр Николаевич нанял тройку лошадей, запряженных в сани, у одного торговца-еврея с китайской стороны, который согласился вывезти семью Александра Александровича под покровом ночи; но беглецы были обнаружены, состоялась погоня, которая к счастью закончилась удачно для Гаттенбергеров.

Три с половиной года семья Александра Александровича прожила в Харбине. Решили уехать в США, чтобы дать детям — Олегу и Нине — хорошее образование. 1 сентября 1923 года семья Александра Александровича приехала вместе с Александром Николаевичем на японском судне «*Rekuyo Maru*» в Сан-Франциско.

В первые годы Александр Александрович работал маляром, его жена Мария шила платья на заказ. Однако вскоре глава семьи нашел работу юриста, главным образом среди русского населения Калифорнии, так как английский язык он знал плохо (и не любил его).

Сохранились декларации (*Declaration of intention*), составленные 11 сентября 1939 года и 4 апреля 1951 года для получения *Green card* на Александра Александровича, Марию и Нину Гаттенбергер. Александр Николаевич к этому времени уже умер, а Олег Александрович получил гражданство США в 1937 году при женитьбе на американке *Helene*.

Александр Александрович был основателем семейного бизнеса — сдавал внаем апартаменты и жил на доходы. Семейный бизнес весьма успешно продолжили его сын, внуки и правнучка. Умер он в 1970 году во Фремонте (Калифорния), похоронен на сербском православном кладбище вместе с отцом, в Сан-Франциско.

Олег и Нина Гаттенбергеры.
Харбин, 1921–1923 годы

ВСЕВОЛОД АЛЕКСАНДРОВИЧ (1887–ПОСЛЕ 1939) — ПРИСЯЖНЫЙ ПОВЕРЕННЫЙ НА КВЖД

Всеволод Александрович родился 24 октября 1887 года в Нижнем Новгороде. В 1906 году он окончил мужскую Томскую гимназию и поступил в Томский университет на юридический факультет. Через год он перешел в Московский университет на юридический факультет, где учился его старший брат. Он окончил Московский университет весной 1910 года и вернулся в Томск, где стал работать помощником присяжного поверенного при городском суде. В 1911 году он женился на Олимпиаде Игнатъевне Гирей, польке, католичке, уроженке местечка Лужки Виленской губернии. Она родилась 11 февраля 1887 года в обедневшей дворянской семье, ее отец занимался подрядами, окончила 5 классов Виленской гимназии в 1902 году, жила с отцом, а в 1911 году приехала в Томск для поступления на службу. В 1912 году Всеволод Александрович работал помощником присяжного поверенного в г. Чите Забайкальской области (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 322. Д. 382). В 1918–1919 годах он был чиновником по особым поручениям при премьер-министре правительства А. В. Колчака П. В. Вологодском.

5 января 1920 года правительство А. В. Колчака пало. Глава правительства и премьер-министр В. Н. Пепеляев были расстреляны 20 февраля, министры и замминистры заключены в тюрьму, а сотрудники низших эшелонов власти были предоставлены самим себе. В январе-августе 1920 года Всеволод Александрович служил делопроизводителем Иркутского губернского Совета народного хозяйства. В августе перешел на работу юрисконсультom Министерства юстиции Дальневосточной республики в г. Верхнеудинске. В начале 1921 года переехал в Читу, где служил юрисконсультom Экономического совета Дальневосточной республики. В марте 1921 года выехал в Харбин, в июне — во Владивосток, поступив на работу юрисконсультom Дальневосточного механического завода и начальником канцелярии до июня

1923 года. С 1 июля проживал в Харбине, работая на КВЖД конторщиком службы пути городского участка, проживал по адресу: Харбин, Новоторговая улица, дом 11.

Служба на КВЖД была наиболее высокооплачиваемой по сравнению с другими (преподавателей, продавцов, мелких предпринимателей, клерков и др.), где работали русские эмигранты.

В марте 2007 года я была в Китае, в гг. Чаньчуне и Харбине. В библиотеке Гиринского университета я нашла адресную книгу жителей г. Харбина за 1924 год. Там указано, что В. А. Гаттенбергер, присяжный поверенный на КВЖД и заведующий ПЧ (паспортной частью), проживает вместе с женой Олимпией Игнадьевной по улице Гиринской в доме № 34. Этот дом сохранился до наших дней.

г. Харбин. улица Гиринская. Март 2007 года

Харбин, улица Гоголя, где жили Гаттенбергеры в 1925 году. Март 2007 года

На набережной р. Сунгары. Нина и Миша Ахметьевы.
Харбин, март 2007 года

Харбин — чудесный город. Центральная улица (бывшая Китайская) теперь пешеходная, дома 2-х и 3-х этажные с большими окнами, с металлическими балконами, на крышах купола в виде опрокинутой рюмки или полулуковицы. Эта часть города похожа на арбатские переулки или улицу Остоженку в Москве. Правда, деревья здесь не московские — акация, мелколистные клены, вязы, пихта. Красива р. Сунгары, на ее правом берегу — прибрежный парк, на левом (на стороне Затона) — песчаные пляжи, коттеджи, кафе, стоят прогулочные лодки.

Очень хорош Софийский собор, построенный в 1932 году. Сейчас в нем музей истории города. В музее много старых фотографий, можно представить себе, каким был город в начале XX века, когда в нем проживало около 30 тысяч русских. Вывески магазинов — на русском языке, среди жителей города мало китайцев, в основном русские, одетые по моде тех времен; вот бородатые извозчики, ожидающие седоков; трамваи на улицах, русские дети, играющие перед школой, и др. В городе много православных церквей. Сейчас большинство из них закрыто. Только в Покровском соборе теплится жизнь: прихожане (всего около 20 человек) каждое воскресенье собираются в соборе, читают молитвы, зажигают свечи, поддерживают чистоту и порядок. Священника в храме нет. Прихожане жалуются, что после смерти священника прошло уже 3 года, они просят прислать из России им батюшку, но пока результата нет. Сейчас русских жителей в Харбине практически нет. Есть православные китайцы, дети и внуки от смешанных браков русских с китайцами. Большинство из них плохо говорит по-русски.

Харбин. Церковь Святой Софии. Март 2007 года

Харбин. Православная церковь Девы Марии.
Март 2007 года

Харбин. Раньше здесь было русское кладбище. Март 2007 года

Близ храма в центре города было 2 православных кладбища. В 1957–1958 годах их снесли, а новое православное кладбище было открыто в 1958 году в Хуаншане, в 30 км южнее г. Харбина. К настоящему времени там насчитывается около 3 тыс. могил. Многие из них заброшенные, неухоженные, документация часто отсутствует.

Но в 20–30-е годы прошлого столетия город Харбин жил активно. Не случайно Всеволод Александрович не поехал с отцом и семьей брата Александра в Америку в 1923 году и остался в Харбине. В 1925 году супруги Гаттенбергеры стали подданными СССР и получили советские паспорта. С 1927 по 1929 год Всеволод Александрович был членом профсоюза КВЖД. В 1927 году он был переведен в Управление КВЖД счетоводом. В 1929 году назначен контролером Управления, а затем на станции Джалатунь. В 1930 году переведен на станцию Мулин, вскоре был уволен с работы в связи со службой на железной дороге во время советско-китайского конфликта 1929 года.

С 1 марта 1930 года Всеволод Александрович стал безработным, проживающим в Харбине в бедном районе города: Частный Затон, улица Дян Пин, дом 32. Супруги снимали одну комнату с кухней, платили 9 иен в месяц. Жили на сбережения и на случайные заработки.

В 1932 году мой отец, Петр Федорович Гаттенбергер, работая в Сибирской секции Географического общества СССР, прочел в одной из харбинских газет, выходившей на русском языке, о том, что какой-то Гаттенбергер

(инициалы не были указаны) организовал под Харбином земледельческое общество. В газете были опубликованы условия приема в это общество. Сейчас я понимаю, что это был Всеволод Александрович, пытавшийся найти для себя работу.

В 1935 году КВЖД была продана Китаю. В связи с этим все советские подданные, работавшие на железной дороге, могли вернуться на Родину. В Китае была проведена массовая эвакуация советских граждан в СССР, но много русских уехало в Шанхай. Всеволод Александрович остался в Харбине. Этот поступок он объяснял тем, что в 1936 году к нему приехал отец из США и его жена, страдающая почечной болезнью, лечилась на курорте в г. Циндао.

В мае 1937 года Всеволод Александрович возбудил ходатайство в харбинском советском консульстве о выдаче ему и его жене визы на въезд в СССР. По решению Президиума Верховного Совета от 25 августа 1938 года они были лишены советского гражданства, у них были отобраны советские паспорта.

После окончания Второй мировой войны советские органы КГБ вывезли в СССР из Харбина все документы на русских эмигрантов. В 2006 году я получила ответ на свой запрос из Государственных архивов Хабаровского края. Это документы «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи» на Всеволода Александровича и Олимпию Игнатьевну Гаттенбергер, составленные 11 мая 1939 года в Харбине (ГАХР. Ф. 830. Оп. 3. Ед. хр. 9537). Из них я узнала достаточно подробно о том, где работал и жил Всеволод Александрович. Еще я узнала очень важную для меня информацию о том, что у них не было детей. Значит, веточка харбинских Гаттенбергеров увяла. Какова их дальнейшая судьба, мне неизвестно. Может быть, они эмигрировали в Австралию, но они не въезжали в СССР. Я писала в русский православный центр г. Сиднея, спрашивала о Гаттенбергерах. Получила ответ, что среди русских прихожан в Австралии таких не было.

Всеволод Александрович и Олимпиада Игнатьевна Гаттенбергеры.
Харбин, 1939 год

Андрей Петрович Гаттенбергер. 1955 год

На мой запрос в ФСБ России я получила ответы: 2 человека с такой фамилией расстреляны в 1938 и 1939 годах (это Николай Петрович, 1894 года рождения, и Всеволод Борисович, 1916 года рождения); Андрей Петрович, 1895 года рождения, был арестован в 1947 году после возвращения из немецкого плена, осужден на 10 лет исправительных лагерей и умер в 1957 году от туберкулеза. Всеволода Александровича и Олимпиады Игнатьевны Гаттенбергер среди осужденных нет.

В 2007 году в газете «На сопках Маньчжурии» (№ 194) было помещено объявление — «Откликнитесь, кто знал В. А. и О. И. Гаттенбергеров, проживавших в Харбине». Пока никаких известий нет.

Сейчас в Харбине живет энтузиаст, русский патриот Николай Николаевич Заика. Он ведет благородную работу по восстановлению русского кладбища в Хуаншане, восстановлению списков захороненных. Он привлекает к этому делу русских бизнесменов и всех заинтересованных лиц. Пожелаем ему успехов!

БОРИС ПЕТРОВИЧ (1892-1919) — ГЕОРГИЕВСКИЙ КАВАЛЕР

Борис Петрович родился 19 ноября 1892 года в Нижнем Новгороде. Он окончил Симбирский кадетский корпус в 1911 году и Павловское пехотное училище в Пестербурге в 1913 году. Был выпущен портупей-юнкером в 13-й лейб-гренадерский Эриванский царя Михаила Федоровича полк. В июле 1914 года он, младший офицер 6-й роты, выступил с полком в поход из Манглиса на западный фронт. В книгах К. Попова «Воспоминания кавказского гренадера» и «Лейб-Эриванцы в Великой войне» (Попов, 1925, 1959) не раз упоминается имя Бориса Гаттенбергера. Он отличался необыкновенной храбростью, был награжден практически всеми орденами, которые присваивались офицерам от поручика до полковника Русской армии. Он был награжден также Георгиевским оружием за бой 28 ноября 1914 года у д. Пржевиче. Газета «Русский инвалид» так писала о его награждении: «В бою у д. Пржевиче, увидев, что немцы заходят во фланг соседней с ним роты, бросился на них с полуротой в штыки, но потеряв в этой штыковой атаке почти всех людей, принужден был с другой полуротой пробиваться через окружившего его численно превосходящими силами противника, что и выполнил и присоединился с уцелевшими людьми к своему полку».

После развала фронта в 1918 году капитан Борис Петрович пробрался в Крым к своей семье и вскоре стал формировать из офицеров-добровольцев Ялтинскую роту. В это же самое время в Симферополе начал формироваться Симферопольский офицерский полк, послуживший основой 4-й пехотной дивизии Добровольческой армии. Ялтинская рота влилась в этот полк. В. Альмендингер (Военная быль, 1962) так описывает свою встречу с Борисом Петровичем: «Сейчас, спустя более 40 лет, я ясно вспоминаю мою первую встречу с капитаном Гаттенбергером, когда он с ротами представлялся в Симферополе командиру полка. Невольно встает передо мною образ молодого офицера невысокого роста с капитанскими гренадерскими

Ольга Николаевна Гаттенбергер с дочерью Вале́й.
Ялта, 1923 (?) год

Борис Петрович Гаттенбергер с молодой женой
Ольгой Николаевной и тещей Л. Голобуто. 1917 год

погонами, с энергичным лицом, скромного и располагающего к себе. Сам капитан и его роты произвели как на командира полка полковника Морилова, так и на всех остальных офицеров самое лучшее впечатление. Роты пришли уже сколоченные дисциплиной и хорошим духом. Видна была работа их командира. Роты были зачислены в полк как 5-я и 6-я, и сам он был назначен командиром 2-го батальона».

В феврале 1919 года большевики стали угрожать Крыму, и 2 марта 2-й батальон был двинут на Перекоп. Вскоре красные перешли к активным действиям, и батальон принял участие в обороне Перекопа, в бою под Юшунью, на Акмалинских позициях. На 31 июля было намечено общее наступление за Днепр, и капитан Гаттенбергер был назначен в состав колонны генерала Ангуладзе, командира полка 13-й пехотной дивизии. 31 июля рано утром полк перешел р. Днепр и, преследуя красных, отходивших за р. Южный Буг, достиг реки и там занял позицию. Армия Махно рвалась на Екатеринославщину, шли кровопролитные бои. 14 сентября 1919 года при прорыве войск Махно геройски погиб Борис Петрович Гаттенбергер.

У Бориса Петровича и его жены Ольги Николаевны была единственная дочь Валентина (1918–2002). Девочка росла без отца, когда она стала подрастать, мама ей сказала, что ее отец был ветеринаром и что он умер от чумы. Лишь в 1984 году, незадолго до своей смерти, Ольга Николаевна достала и отдала дочери фотографию, где был ее отец в военной форме капитана с орденом Св. Владимира на груди.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ (1891-1967) — СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Николай Федорович прожил полную лишений, но в то же время интересную жизнь, попал в круговорот русской истории начала XX века. Он родился 10 сентября 1891 года в Весьегонске Тверской губернии в семье небогатого помещика. Родителями его были Федор Николаевич и Анна Петровна Гаттенбергеры. Назван он был в честь своего деда Николая, скончавшегося в 42-летнем возрасте и похороненного в Петербурге в 1866 году. Николай был вторым ребенком в семье, в детстве получил много внимания и ласки. В десять лет, в 1901 году, он поступил во 2-й Московский кадетский корпус имени Николая I. Корпус был основан в 1849 году в царствование Николая I, располагался в Лефортово, занимая правое крыло Екатерининского дворца, а в самом дворце помещался 1-й Кадетский корпус имени Екатерины II. Во 2-м корпусе учились главным образом дворянские дети из провинции, тогда как в 1-м корпусе обучались дети наиболее богатых и родовитых столичных семейств России. Коля провел в корпусе 7 лет, учился хорошо, летние и зимние каникулы проводил дома. В кадетском корпусе мальчикам давали хорошее образование. В аттестат зрелости по окончании корпуса выносились оценки по следующим предметам (по 12-балльной системе): Закон Божий, теория словесности, русский язык, французский язык, немецкий язык, арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия, начала анализа, физика, химия, естествознание, космография, география, история, законоведение, рисование. По всем предметам определялся средний балл, который являлся показателем успеваемости ученика. После окончания кадетского корпуса в 1909 году Коля по конкурсу аттестатов поступил в Морской корпус в Петербурге.

Морской корпус — старейшее учебное заведение, основанное Петром I в 1701 году. Он располагался на набережной Невы (сейчас — набережная Лейтенанта Шмидта) в большом просторном помещении, где были кар-

Лефортово, Екатерининский дворец,
бывший 1-й и 2-й Кадетские корпуса,
ныне Бронетанковая академия

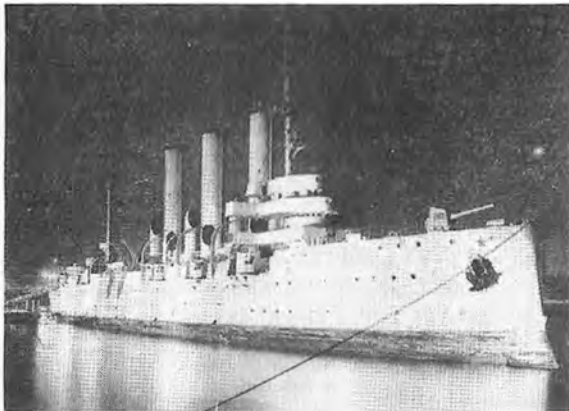
Морской корпус. Санкт-Петербург

тинная галерея, морской музей, церковь и огромный столовый зал, где проходили приемы, балы и собрания. Директором корпуса во время обучения в нем Коли был адмирал А. И. Русин, который стал вице-адмиралом в 1912 году после посещения корпуса Николаем II.

В Морском корпусе учились лучшие представители русского флота — П. С. Нахимов (1815–1818), Г. И. Бутаков (1831–1837), Г. А. Спиридонов

(1725–1732), Ф. Ф. Ушаков (1761–1766), А. Н. Крылов (1878–1884), а также В. И. Даль, Ю. М. Шокальский, А. Ф. Можайский. Их имена выбиты на мраморных досках у входа в бывший Морской корпус. На набережной напротив основного корпуса стоит памятник И. Ф. Крузенштерну, совершившему кругосветное путешествие в 1803–1806 годах. После Колиного выпуска в 1912 году из стен корпуса вышли еще пять выпусков. 2-го февраля 1918 года по приказу военно-морского министра Л. Д. Троцкого корпус был закрыт. В настоящее время здесь находится Военно-морская академия. Сейчас лучшие традиции морского корпуса восстанавливаются, но... как легко сломать и как трудно заново построить. Потребуется годы и годы, чтобы восстановить традиции, придать высокий статус школе и ее ученикам.

Учащимся корпуса преподавалось 32 предмета. Большое внимание уделялось строевым занятиям, были и уроки плавания два раза в неделю в большом бассейне корпуса — первом бассейне Петербурга. Каждый год после окончания занятий в классах была практика — плавание на учебных морских судах по Балтийскому морю. В 1909 году с 1 июня по 9 августа Коля ходил на судне «Рында» под командой капитана 2-го ранга Хоменко. В 1910 году с 9 мая по 8 июня — на учебном судне «Воин» под командой капитана 2-го ранга Фролова, гардемаринном во внутреннем плавании. С 9 июня по 8 августа — на крейсере «Аврора» под командой капитана 1-го ранга Лескова, гардемаринном во внутреннем плавании. В 1911 году с 10 мая по 23 июня — на описной барже под командой капитана 1-го ранга Беспятого. С 23 июня по 9 августа — на крейсере «Богатырь» под командой капитана 1-го ранга Петрова-Чернышина, гардемаринном во внутреннем и заграничном плаваниях. В 1912 году с 26 мая по 5 октября — на линейном корабле «Император Павел I» под командой капитана 1-го ранга Небольсина корабельным гардемаринном в плавании по Балтийскому морю и за границей. Эти сведения из послужного списка Н. Ф. Гаттенбергера передал мне в Париже А. В. Плотто, занимающийся историей русского флота.

Крейсер «Аврора»

Только 5 октября 1912 года после экзаменов выпускники Морского корпуса получили звание мичмана. Коля, как и другие, одел белую морскую форму, за которую его отец заплатил 120 рублей, что по тем временам было очень дорого. Об этом Федор Николаевич сообщает в письме старшей дочери Кате (письма находится в архиве автора). Выпуск 1912 года состоял из 120 человек. Много выпускников погибло в Первую мировую войну. Многие оказались в эмиграции, и Коля в их числе. Оставшиеся после революции в России погибли в лагерях или были расстреляны. Своей же смертью умерли не более 2–3 человек. В 1962 году в 50-ю годовщину окончания Морского корпуса в Парижском журнале «Морские записки» был опубликован список выпускников, составленный Николаем Федоровичем Гаттенбергером.

Прочтите внимательно этот список. Может быть, Вы найдете здесь дорогое вам имя.

«Проживают в эмиграции: В. С. Макаров, К. М. Иванов, М. А. Стадницкий-Колендо, А. Г. Никольский, Д. С. Трубчашипов, В. А. Штальгорн, С. Б. Рязанов, К. Л. Кох, Б. А. Борисов, М. А. Крыгин, Н. Н. Дамаскин, А. А. Краев, Н. Н. Солодков, Н. Ф. Гаттенбергер, В. О. Дружинин, А. Ф. Ульянов, А. И. Штехер, Б. К. Кравченко, П. А. Эмеретли, И. Барташевич, В. М. Костенко, Б. Н. Степанов, В. А. Алексеев, Г. П. Унмут, В. Ю. Фон Гагенмейстер, М. Е. Давыдов, Е. В. Рамушкевич, Г. А. Савицкий, Б. В. Мешаев, барон Э. Н. Рауш фон Траубенберг. Всего 30 человек.

Скончавшиеся к 1962 году: Т. Н. Агапеев, А. П. Холодняк, Э. К. Шванк, В. В. Стаценко, Ю. Ф. Ралль, Г. Ф. Кондратенко, барон Дистерло, Л. К. Филатов, Н. В. Яцук, В. Г. Керн, П. П. Ежов, В. А. Николаев, Г. В. Лохтин, А. Языков, Б. А. Каменский, Г. Н. Кузьминский, А. Г. Хребтович, В. С. Краевский, М. П. Гейденрейх, М. А. Лазарев, Р. Э. Вирен, барон Пфейлицер фон Франк, А. Е. Ващенко, Б. С. Безсмертный, Б. В. фон Брискорн, К. И. Татарский, Б. С. Ланковский, Г. И. Скальский, К. А. Мандрыка, А. Е. Князев, С. П. Туркул, М. Н. Маслов, М. А. Мурзин, Н. А. Монастырев, С. С. Гарнет, И. И. Алферов, А. Михайлов. Всего 36 человек.

Погибли в войну 1914–1918 годов: И. М. Де Кампо-Сцитион, Н. В. Викторов, В. А. Кузьмин-Караваяев, П. М. Воейков, барон В. Н. Гойнинген-Гюне, В. В. Загорянский, М. Н. Россетер, В. В. Гарковенко, В. М. Поликарпов, В. В. Стаценко, В. И. Погожев, Х. К. Бугураев, Алеамбаров, П. Н. Иванов, В. И. Бородихин, А. Ю. Сипайло, В. М. Кудрявцев, Тимашев, К. Смирнов, В. Баулин, Н. П. Гылысыров, М. М. Остроградский, А. А. Томашевич, С. Н. Богданов, Н. С. Паиков, С. И. Цветков, В. В. Биттенбиндер. Всего 28 человек.

Судьба неизвестна: А. С. Семенов, Д. Н. Прозоров, Е. Н. Салмин, князь И. Г. Гагарин, В. Д. Орлов, Б. К. Писемский, Б. Ф. Винтер, М. М. Комелов, А. А. Леонтьев, А. Я. Иванов, Б. И. Смирнов, Ф. Н. Павинский, В. П. Гаврилов, Н. А. Коль, В. Н. Фытдотов, Н. И. Авраамов, С. Н. Николаев, В. А. Хвоцинский, Г. А. Шельтинга, Н. В. Верещагин, В. В. Блашков, Ю. П. Богов-

ской, Н. Д. Мельницкий, П. М. Попов, Б. К. Эленбоген, А. П. Кузьмин. Сообщил дополнительно В. М. Костенко: А. Н. Богданенко-Товстолес, А. Д. Языков, А. М. Покровский, Н. М. Таранцев, Л. И. Бурхарт».

Высочайшим приказом по морскому ведомству за № 1133 Гаттенбергер Н. Ф. произведен по экзамену мичманом, 5 октября 1912 года циркуляром Главного морского штаба за № 332 зачислен в Черноморский флотский экипаж, приказом по морским силам и портам Черного моря за № 1106 назначен на линейный корабль «Святой Евстафий» с 12 октября 1912 года.

Итак, Николаю Федоровичу 21 год. Это красивый, жизнерадостный молодой человек, с рыжеватой бородкой, голубыми глазами, с румянцем на щеках, физически крепкий и всегда в хорошем настроении. Он служит в прекрасном Севастополе на одном из лучших линейных кораблей «Святой Евстафий» — флагмане Черноморского флота. У него масса друзей. Молодые люди гуляют по набережным Севастополя, знакомятся с местными барышнями. Весной 1913 года он пожалован светло-бронзовой медалью в память 100-летия Отечественной войны 1812 года. На одной стороне медали — барельеф Александра Первого, на обратной — мудрое изречение «Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги. 1812–1912». Николая наградили также медалью в честь 300-летия дома Романовых. В письме к сестре он пишет: «Милая Катюша, у меня новость — получил большое повышение по службе. Большое жалованье и видное положение. Дел очень много, еле справляюсь».

22 марта 1915 года Николай женился на Надежде Людвиговне Ге, дочери французского консула Guy Luis Antoine в Севастополе. Ге прожил в России около 30 лет, был награжден орденом Святой Анны 2-й степени и Святого Станислава 2-й степени. Он любил Севастополь, русское общество, хорошо говорил по-русски. Одной из задач его в Севастополе как консула был присмотр за могилами соотечественников, павших в Крымскую войну. Именно ему Севастополь обязан возвращением церковных колоколов города, которые были вывезены французами в 1856 году. Мать Надин была тоже француженкой из Северной Франции. После рождения единственной дочери в 1891 году в Севастополе она скончалась. Надин получила образование во Франции, в пансионате Экуан под Парижем, где учились девочки, родители которых были офицерами, награжденными орденом Почетного легиона (во Франции были и другие пансионаты, например Сен-Дени для генеральских детей и несколько пансионатов для детей низшего офицерского звания). В 1911 году Надин окончила учебу и приехала в Севастополь к отцу. Надин хорошо говорила по-русски, она была жизнерадостной, избалованной девушкой, которую обожал отец и разрешал ей все, что она хотела. Отец Надин скоропостижно умер 28 февраля 1915 года в возрасте 64 лет. Он похоронен на французском военном кладбище в Севастополе.

Летом 1915 года молодожены в сопровождении «толстой седой женщины» (это слова моего 10-летнего отца, брата Николая Федоровича) приезжали

Николай Федорович и Надежда Людвиговна Гаттенбергеры.
Севастополь, март 1915 года

в село Медвежье Ставропольской губернии знакомиться с родителями. Мой отец так рассказывал об этом событии. «Мы с Колей пошли по селу, я ему показывал наш храм, памятник Александру Второму, парк, место купания в реке Егорлык. Женщины остались дома. Толстая седая женщина все время хлопотала по хозяйству, накрывала на стол, что-то рассказывала маме, а молодая девушка ничего не делала, все время молчала и смотрела в окно». Через пару дней гости уехали.

4 сентября (по старому стилю) 1916 года в Севастополе у Надин и Николая родилась дочь Милица. Семья жила в доме «на набережной, близ мраморной лестницы, спускавшейся к морю. Посредине комнаты стоял огромный черный рояль, окна были занавешаны тяжелыми шелковыми гардинами», — это то, что запомнила 4-летняя Милица о своей жизни в Севастополе.

Первую мировую войну Николай Федорович встретил полный энтузиазма и патриотизма. Он по-прежнему служил на «Святом Евстафий». 16 октября 1914 года турецкая эскадра под германским флагом генерала Сушона вышла в Черное море и без объявления войны обстреляла Одессу, Севастополь, Ялту, Феодосию и Новороссийск. Были разрушены некоторые портовые склады, набережные, несколько домов.

4 ноября 1914 года произошло боевое крещение Николая Федоровича. «Святой Евстафий» встретился с турецким крейсером «Гебен» (самым круп-

ным крейсером того времени) у мыса Сарыч (юго-восточная часть Крыма), где произошел морской бой. Севастопольская газета так описывает это событие: «Присутствующий на крейсере „Евстафий“ адмирал А. А. Эбергард лично приказал старшему артиллеристу не ожидать сигнала централизованной стрельбы с „Златоуста“, а самому открыть огонь. Артиллерист дал залп из носовой башни, командиром которой состоял мичман Гаттенбергер, который без пристрелки сразу „влепил“ „Гебену“ пару 12-дюймовых, как выяснилось со временем, причинив ему очень большие повреждения и потери в людях. „Евстафий“ получил пять 11-дюймовых попаданий, потерял убитыми шесть офицеров, в том числе лейтенанта Мязговского, мичманов Семенова и Гнылосырова, 36 человек команды. На гафеле „Евстафия“ приспустили флаг — корабль был в бою, есть убитые. Проходим Камышовую, Стрелецкую бухты, Собор Херсонеса. Севастополь все более и более ясно виден. Смотрю в мой „Цейс“. Боже! Что происходит! Огромная толпа... и вот на расстоянии чувствую, что вся она переживает что-то необычайное. Подходим ближе и вдруг доносится с берега „Ура!“ и звуки нашего гимна» (Князь Сергей Романовский).

В первые месяцы войны 1914–1918 годов военные действия на Черном море развивались достаточно успешно. Вот что писала в те годы газета «Русский инвалид»:

5 января 1915 года. Русские миноносцы, войдя в Синопскую бухту, потопили пароход «Меоргес» и три парусных судна. В январе 1915 года на Черном море безраздельно господствует русский флот. От Синопа до Холы уничтожаются турецкие суда, обстреливают с моря турецкие войска, появляющиеся на берегу. «Гебен», еле передвигающийся от полученных повреждений, дойдя до Сан-Стефано (на левом берегу Босфора. — Прим. авт.) стрельбой из своих крупного калибра пушек разрушил православный храм, построенный на костях русских воинов, павших во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

15 февраля 1915 года. В Севастополе опубликовано следующее сообщение командующего Черноморским флотом адмирала А. А. Эбергарда. «По истечении трех месяцев войны с Турцией я с глубоким удовлетворением должен отметить огромную и тяжелую, хотя малозаметную и малопонятную со стороны работу, которую в этот период выполнил Черноморский флот. С устаревшими тихоходными судами он нес блокадную службу в суровое зимнее время преимущественно у неприятельских берегов. В бою с вошедшими в Босфор накануне войны современными быстроходными крейсерами, являющимися последним словом корабельного искусства, он очистил себе возможность такой блокады. Доблестью своего личного состава он сделал врагу небезопасными подходы и стоянки в собственных портах. Флот несет успешно свою боевую службу, не только обеспечивающую безопасность южных границ России от высадки на них неприятельского десанта, но и преграждающую подвоз подкреплений и снабжения турецкой Анатолийской армии. Рассчитывая в начале войны на Анатолийскую армию, Турция теперь вынуждена удерживать круп-

ные силы у Константинополя для защиты его от нашего удара и подвозить подкрепления к Эрзеруму долгим, трудным сухопутным путем».

20 февраля 1915 года. В Дарданеллах идут военные действия — разрушения фортов англичанами и французами. Турецкий порт Загулдаг разрушен судами Черноморского флота, подвоз угля в Константинополь прерван.

7 марта 1915 года. «Гебен» не удается починить, так как нет соответствующего дока для починки. Единственные боевые единицы у Турции — миноносцы и контрминоносцы. Наш Черноморский флот подходил к Босфору, что вызвало сильное волнение в Константинополе.

15 марта 1915 года. Черноморский флот начал бомбардировки укреплений Босфора. Это начало второго периода борьбы с Турцией, начало наступления сухопутных войск в глубь страны.

Конец марта 1915 года. Торговые суда из Констанцы в Константинополь прекратили курсирование. «Гебен» вышел в море в конце марта, совершил набег на Одессу. Там турецкие суда попали на минное поле. «Маджидие» был поврежден, затем наткнулся на мину и затонул. Позднее судно было поднято и отремонтировано русскими моряками. Разгром турок под Сарыкамышем и Караурганом. Продвижение наших войск вдоль побережья к югу от Батуми, контролируемое судами Черноморского флота.

Апрель 1915 года. 14 апреля Николай II посетил Одессу, провел смотр войск. 15 апреля он в Николаеве осматривал заводы по постройке военных судов. 17 апреля он в Севастополе в сопровождении морского министра, генерал-адъютанта Григоровича и флаг-капитана, его величества генерал-адъютанта Нилова. На одном из военных судов он принял доклад от командующего морскими силами Черноморского флота адмирала А. А. Эбергарда. Государь произвел смотр одной из прославившихся воинских боевых частей, лично вручил боевые награды, в том числе и георгиевские кресты нижним чинам. 18 апреля царь посетил адмиралтейский собор Святого Николая, затем произвел смотр войскам. Государь сфотографировался в группе с морскими офицерами, отбыл в императорский поезд, где состоялся завтрак с приглашенными лицами. Вечером император отбыл из Севастополя.

27 апреля произошел второй бой с «Гебеном». Наши суда обстреливали форты у Босфора. Вдруг они увидели «Гебена» с моря. Русские суда повернули навстречу. Впереди всех шел «Святой Евстафий» (Николай Федорович Гаттенбергер был на нем), затем «Иоанн Златоуст». Бой длился 20 минут. «Гебен» выпустил около двухсот снарядов, ни один из которых не попал в цель. Из наших снарядов в цель попало четыре, причинив тяжёлые повреждения. Пользуясь преимуществом в скорости, «Гебен» оторвался от преследования русских броненосцев, увлек их в море, а затем проскользнул в Босфор.

15 мая 1915 года. Русские высадили десант на турецком берегу. 27 мая два турецких быстроходных миноносца подошли к Севастополю, где были встречены нашим миноносцем «Лейтенант Пуцин», от боя уклонились и ушли в море.

Русские подводные лодки активно выполняют свое предназначение — потопление турецких судов у берегов Турции и у Босфора. Особенно активно действуют «Морж», «Нерпа» и «Тюлень».

20 июня 1915 года. Наш флот продолжает нести службу по наблюдению за турецкими берегами и не дает возможности исправить повреждения различных портовых сооружений. За июнь русские миноносцы потопили несколько пароходов с военным грузом. Произошел бой с «Бреслау» у Босфора, в результате чего «Бреслау» получил несколько пробоин и надолго теперь прикован к доку близ Константинополя. У берегов Румынии и Болгарии потоплено несколько судов с бензином и керосином.

30 июня 1915 года. В Севастополь пришел новый русский дредноут «Императрица Мария», оборудованный по последнему слову техники и построенный русскими кораблестроителями в Николаеве.

В июле 1915 года английские подводные лодки стали «беспокоить» Константинополь. Его бомбили и русские аэропланы.

6 августа 1915 года. Морской министр И. К. Григорович награжден орденом Благоверного Великого князя Александра Невского.

Однако война на море и на суше затягивалась. Русский флот действовал не столь активно, как в начале войны. Сухопутная граница России с Германией протянулась на тысячи километров. Начались затяжные оборонительные бои. 23 августа 1915 года вышел приказ по армии и флоту: «Сего числа я принял на себя предводительствование всеми морскими и сухопутными вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. Великий князь Николай Николаевич назначается заместителем на Кавказе, главнокомандующим. Николай II».

25 августа 1915 года. На Черном море наши миноносцы «Пронзительный» и «Быстрый» под командой капитана 1-го ранга князя Трубецкого близ Зангулдака вступили в бой с крейсером «Гимидие» и двумя турецкими миноносцами. После двухчасового боя, получивший повреждения неприятель бежал к Босфору, 4 парохода с углем, конвоированные «Гимидие» потоплены.

Сентябрь 1915 года. Положение Константинополя со дня на день ухудшается. Не хватает продовольствия, топлива, город погружен во мрак, большинство заводов не действует.

2 октября 1915 года. «Гебен» появился у Варны. Наши линейные суда и гидропланы бомбардировали Варну, были разрушены болгарские батареи, портовые сооружения, железная дорога и военные здания.

В июне 1916 года «Гебен» и «Бреслау» появились перед Туапсе и Сочи, обстреляли города и потопили грузовой пароход и баржу. У Анатолийских берегов было затоплено наше госпитальное судно «Вперед».

25 июля 1916 года. Николай II освободил от занимаемой должности адмирала Черноморского флота А. А. Эбергарда, назначив новым командующим 42-летнего адмирала А. В. Колчака.

7 октября 1916 года. Самый крупный современный русский дредноут «Императрица Мария» был взорван на рейде в Севастополе. Это был сильный удар по Черноморскому флоту.

Адмирал А. В. Колчак начал активно использовать на Черном море технические новинки. Впервые в практике минного дела подводный минный заградитель «Краб» скрытно выставил 40 мин непосредственно у северного входа в Босфор. За 11 месяцев пребывания Колчака командующим Черноморским флотом было выставлено до 2000 мин заграждения. Колчак поставил под российский контроль все коммуникации внутри Черного моря. В итоге полностью прекратилось снабжение Турции углем по морю из района его добычи Зонгулдак. Затем А. В. Колчак приступил к планированию следующей задачи — силами флота взять под контроль Босфор и Дарданеллы. Детально отработывая план грандиозной десантной операции, адмирал учел опыт англичан и французов, безуспешно штурмовавших Дарданеллы только флотом, без поддержки войск с плацдармов на берегу. По замыслу Колчака, русскому десанту надлежало захватить и подавить береговые батареи турок. Только потом в операцию должны были включиться черноморские линкоры.

Надвигалось смутное время Февральской, а за ней и Октябрьской революции. После отречения царя от престола и победы Февральской революции началось массовое убийство офицеров на флоте, их изгнание с кораблей, замена команд новыми, плохо обученными людьми из рабочих и крестьян. Беспорядок царил везде. Черноморские суда совершали отдельные выходы в море, выполняя главным образом сторожевые функции.

В марте 1918 года советское правительство заключило сепаратный Брестский мир с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Согласно этому миру Россия обязалась очистить от русских войск провинции Восточной Анатолии, округа Ардагана, Карса, Батума, т. е. практически все завоевания России были утеряны.

В апреле 1918 года германские войска в нарушение Брестского мира захватили Крым. Черноморская эскадра ушла в Новороссийск.

Согласно послужному списку Николай Федорович был награжден орденами

Николай Федорович Гаттенбергер
(с нашивками «временное прав.»).
1917 год

Святой Анны 3-й и 4-й степсни, медалями Бородинской, Романовской и Гангутской. Он первое время служил на «Святом Евстафии», с 18 мая по 7 октября 1916 года — на линейном корабле «Императрица Мария» под командою капитана 1-го ранга князя Трубецкого артиллерийским офицером. После гибели «Императрицы Марии» Николай Федорович переведен на линейный корабль «Александр III». В 1917 году и до октября 1918 года он остается на том же корабле, переименованном в «Волю». В октябре 1918 года он зачислен в Добровольческую армию. В ноябре 1918 года прибывшие в Севастополь союзники стали забирать себе русские суда в уплату долга Правительства Юга России (Деникина). Русские офицеры и моряки стали оказывать сопротивление. Особенно отличилась команда подводной лодки «Тюлень», где в это время служил Николай Федорович (командир Н. А. Монастырев). Она так мужественно воевала за сохранение своей лодки, практически своего дома, что французам пришлось отказаться от ее конфискации.

В письме от 18 декабря 1918 года Анна Петровна (мама Николая Федоровича) пишет своей дочери Кате: «Коля все еще служит в Керчи, а семья живет в Севастополе. „Волю“ и три хороших миноносца англичане взяли себе, а у нас остались лишь старые калоши». После службы на «Воле» Николай Федорович служит на подводной лодке «Тюлень». Весной 1919 года он на ней участвует в операциях против большевиков в Азовском море, поддерживает Добровольческую армию с правого фланга на Арабатской стрелке. С мая 1919 года он на миноносце «Беспокойный». 30 июля он представлен к званию старшего лейтенанта. В письме от 18 августа 1919 года Анна Петровна сообщает, что Коля участвовал в бою при взятии красными Одессы. В 1920 году Николай Федорович продолжает служить на миноносце «Беспокойный», входящем в 5-й дивизион эсминцев Черноморского флота.

На подлодке «Тюлень» — посередине Нестор Александрович Монастырев, справа Николай Федорович Гаттенбергер. 1919 год

Сохранилась записка Николая Федоровича в Севастополь своему начальнику от 1 октября 1920 года (передана мне А. В. Плотто):

Дорогой Лев Митрофанович!

Обращаюсь к Вам с конкретнейшей просьбой — у нас в Севастополе оставлен поручик Шевченко, попросите Виктора Ивановича (Виктор Иванович Лебедев — капитан 1-го ранга, командир эсминцев Черноморского флота «Гневный», «Живой», начальник 5-го дивизиона эсминцев Черноморского флота. — Прим. авт.) выдать ему авансом некоторую сумму для раздачи семьям нашим, кондукторам, офицерам и матросам. Они голодают, и у нас мужья в панике. Деньги по слухам у Виктора Ивановича есть наши, полученные от продажи провизии, которую привезли наши два матроса. Второе — у нас получен от Вас запрос о рабочем платье. Принято было в 20-м году 20 пар для машинной команды, недополучено 40 пар для машинной команды и 68 — для строевой.

Если можно, вышлите приказы с 1 сентября. Через несколько дней прибудет в Севастополь наш ревизор за деньгами, провизией и обмундированием. Ради Бога, окажите ему помощь, в особенности в обмундировке. Обстановка очень тяжелая. Провизии нет, живем впроголодь.

Крепко жму Вашу руку, Уважающий Вас Н. Гаттенбергер.

28 октября 1920 года вышел приказ по флоту об эвакуации Крыма. Эвакуация прошла организованно, в отличие от эвакуации из Новороссийска в марте 1920 года. На пароходы были взяты практически все желающие — офицеры с семьями, кадеты Севастопольского морского корпуса, раненые, гражданское население. Надежда Людвиговна Гаттенбергер (жена Николая Федоровича) с 4-летней Милицей отбыли из Севастополя на линейном корабле «Георгий Победоносец». Милица рассказывала мне впоследствии, что в плавании она спала на плетеном чемодане, стоявшем между двух кроватей, питались они преимущественно яйцами всмятку и лепешками, запивая водой.

Крым покинули около 150 тысяч человек на 130 судах. Из Константинополя «Георгий Победоносец» был направлен в Галлиполи, где простоял около месяца. Только 14 февраля 1921 года он под командой капитана 2-го ранга Савича прибыл в г. Бизерту. По пути в Эгейском море он попал в сильный шторм, во время которого утонуло сопровождающее эскадру французское судно «Бар ле Дюк». Несколько судов получили повреждения. Николай Федорович приплыл в Бизерту на «Беспокойном» в конце декабря 1920 года. Всего в Бизерту пришло 33 корабля

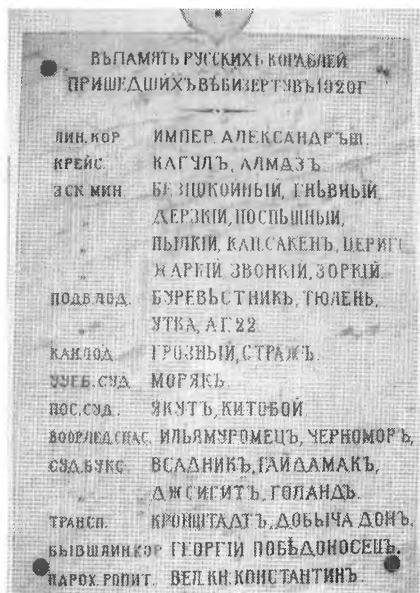

Милица Николаевна.
Бизерта, 1922 год

с шестью тысячами беженцев. Из них около тысячи офицеров и кадетов, 4 тысячи матросов, тысяча женщин и детей, 90 докторов и фельдшеров, 13 священников.

Первые годы беженцы жили на кораблях. Особенно много народу было на «Георгии Победоносце». Он стоял на причале Большого канала, почти в центре города. Со временем пароходы пустели, люди находили себе работу на берегу и переселялись в город. Жизнь на кораблях прекрасно описана в книге А. А. Ширинской «Бизерта. Последняя стоянка». (Ширинская, 1999).

Семья Гаттенбергеров прожила на корабле совсем недолго. Надежда Людвиговна нашла работу в мэрии города в должности переводчика. Она стала кормильцем семьи. Николай Федорович оставался на «Беспокойном» до

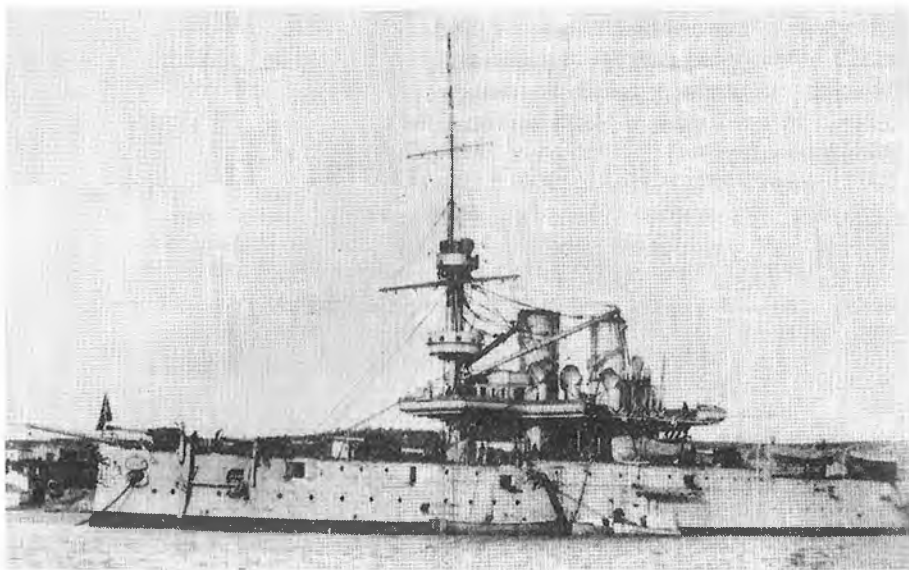

Бизерта. В православной церкви.
Май 2007 года

Высший офицерский состав русской эскадры
в Бизерте на крейсере «Генерал Корнилов»

1 ряд (слева направо): генерал Твердый, адмирал Ворожейкин, адмирал Герасимов, адмирал Беренс, адмирал Тихменев, генерал Подушкин, генерал Завалишин;
2 ряд (в центре): капитан 1 ранга Мордвинов, капитан 1 ранга Трухачев, капитан 1 ранга Гутан; справа — над генералом Завалишиным — Николай Гаттенбергер (в штатском платье, с бородой). Бизерта, 1922 год

«Георгий Победоносец». 1914 год

марта 1921 года, затем был командиром на миноносце «Зоркий» до октября 1923 года. 7 августа 1923 года у супругов Гаттенбергеров родилась вторая дочь Ирина, которую звали часто на французский манер Ирэн. Она была крещена как католичка. В 10 лет Милица также перешла в католичество (как их мать), но Николай Федорович до конца жизни оставался православным.

Моя двоюродная сестра Милица была подругой Анастасии Ширинской, а также ее сестер Оли и Люши. Крепкая дружба сохранялась между Милицей и ее сестрой Ирэн, Александром Владимировичем и Натальей Владимировной Плотто, прожившими в Бизерте долгие предвоенные годы. Александр Владимирович помог мне при написании этого раздела, предоставив документы из послужного списка Николая Федоровича. Из бесед с ним, его сестрой Наташей, а также моими двоюродными сестрами я почерпнула много интересного, прониклась духом русской колонии в Бизерте и очарована той преданностью и любовью к России, которую эти люди сохранили на всю жизнь. Милица бережно хранила всю жизнь медали и ордена своего отца, его саблю, погоны, даже ленточку с его форменной фуражки, а Александр Владимирович на-

Милица и Ирэн Гаттенбергер.
Тунис, 1927 год

писал и издал в Париже книгу о русском морском флоте (Au service du pavillon de Saint — Andre dans la marine imperiale russc. Paris, 1998). Его отец, зять, дед и прадед служили высшими морскими офицерами на русском флоте, были преданы флоту и не мыслили свою жизнь без него. Сейчас сын Наталии Владимировны Плотто — Этьен Руссо, учитель истории в городе Биариц, каждый свой отпуск проводит в России, собирая материалы о семействах Кульстрем и Плотто, служивших на русском флоте, в архивах и музеях Петербурга, Кронштадта, Москвы.

Александр Владимирович Плотто передал мне шуточные стихи о жизни русских в Бизерте, написанные в 1922 году (автор неизвестен).

*Под напором вечным ветра
Городок стоит Бизерта.
Там арабы и французы,
Змеи, кактусы, медузы.*

*Пальмы там растут высоко,
Дует мерзкое сирокко,
Всех вгоняет в жар и пот.
Ничего там не растет,
Скучно, голо, безотрадно,
Лишь на дне одном прохладно.*

*Так жила Бизерта тихо,
Все копили франки лихо,
Не заботясь ни о чем,
Как нежданно грянул гром.*

*Флот российский славный, тихо
Пробираясь по волнам,
Вдруг приехал в гости к нам.
Броненосцы, миноносцы,
Даже просто «бабоносцы»
Появились на водах,
Всех вгоняя в дрожь и страх.*

*Русских долго мыли, брили,
Все болезни им привили.
И над ними суд творя,
Ничего не говоря,
Отделили справедливо
Командиров и их дам
От нижайших по чинам.
Мы о них не говорим,
Лучше в «сферы» поглядим.*

*Старый русский броненосец,
Славный «Жорж Победоносец».*

*А теперь — увы и ах!
 Дам призрел в своих бортах.
 Там красавиц целый рой.
 Их без злобы, чередой,
 Мы опишем справедливо
 Всем другим на страх и диво.*

*Все мужья на славу флота,
 Служат честно и охотно.
 Но с эскадры каждый день
 Мчат на «Жорж», в родную сень.
 Во главе, как некий сфинкс,
 Славный Беренс, гордость флота¹,
 Все читает, водку пьет,
 И на всех на нас плюет,
 Видя очень справедливо,
 Что ни день, то все сильней
 Ржавят кили кораблей.*

*Рядом с ним Тихменев Саша²,
 Наша общая мамаша,
 Раздает блага всем нам,
 Яйца, молоко для дам.
 Помогает и жениться,
 И на божий свет родиться.*

*Тихий, скромный, молчаливый,
 (злые говорят, ленивый)
 Юный «каперанг»³ с женой,
 Тестем, мамой, сестрой
 Заполняет своим родом,
 Пол-Георгия народом.*

*Там все режут, платья шьют,
 Любят карты, водку пьют.
 Во главе же неизменно
 Коля⁴ — спящая царевна,
 Командир он хоть куда!
 Спать лишь любит — вот беда!
 Богом данная супруга
 И прекрасная подруга,
 Держит в страхе и в струне,
 Им командует вполне.*

¹ Беренс Михаил Андреевич.

² Тихменев Александр Иванович.

³ Гутан Николай Рудольфович.

⁴ Краснопольский Николай Александрович.

*Есть нам помощь, всем бедам,
Всем болезням врач и срам,
Доктор¹ - женищина живет.
Кто к ней только не придет,
Всяк со страхом убегает,
Скорой смерти ожидает,
Но лекарствами точь-в-точь
Может всем она помочь.*

*Трухачев² — гроза морей
И всех русских кораблей,
Самым славным и красивым
Он назначен командиром.
Под командой же его,
Дамы — больше ничего.*

*И красотки и уроды,
Разной масти и породы,
По каютам все живут,
Примуса все время жгут.*

*Три красавицы морей
И в Бизерте и во всей
Тунизии, славясь лихо,
Живут скромно — но не тихо.
Номер первый, лучшие всех,
Всех вгоняет в скорый грех.*

*Катя³ — русская Венера,
Ножки-ручки, вся манера
На погибель всех людей
Богом даны с детства ей.
Но напрасно сохнут в муке
Деды, юноши и внуки.
Даже некие мужья,
Позабыв, что их семья
С укоризной смотрит оком,
Бродят вокруг с глубоким вздохом.*

*Номер два — другого тона.
Белотелая Юнона⁴
На «Георгии» живет,
Раскрасавицей слывет,*

¹ Карапцова Наталия Александровна.

² Трухачев Сергей Львович.

³ Шулепникова Катя.

⁴ Жена Н. А. Краснопольского.

И мальчишек целый рой
 У дверей ее гурьбой
 Все толпятся ночью, днем
 Кто с букетом, кто — с вином.
 Порученья исполняют
 И в награду получают
 Слово ласки, нежный взгляд.
 Люди злые говорят,
 Что теперь уж не они,
 А французы лишь одни,
 Их успешно заменяют
 И улыбки получают.

Третьим номером — Полина¹.
 В рифму просится ей Фрина,
 Но, увы — судьба не та
 Для Полины суждена.
 Будем ждать, что за терпенье
 Бог пошлет ей награждение,
 И под сению «орла»²
 Успокоится она.

Рядом — новое явление
 Всем кругам на удивленье,
 Гор Кавказских славна дочь.
 Всех растрепанней Марго³,
 Но ей это ничего,
 И французики по ней
 Сохнут, думая, что в ней
 Всех страстей вулкан таится
 И не прочь воспламениться.
 Муж ее — славнейший врач,
 Черен, как весенний грач.
 Видно, что он с давних пор
 Порешил, что мыло — вздор.

Тут же сонм девиц живет,
 Во все стороны их прет,
 Замуж им пора давно,
 Но, увы, — не суждено,
 Желших хороших нет
 И грозит им много бед.

¹ Полина Ивановна Рыкова.

² «Орел» на адмиральских погонах. Она ухаживала за адмиралом Николая.

³ Маргарита Михайловна Кораблева.

*Знаменит en medicine
 Доктор Pierre de Gagarine.
 Убежден, конечно, он,
 Что сложен как Аполлон.
 Все болезни лечит смело.
 Позабыв Россию-мать,
 Иностранцем хочет стать.*

*Всем на зависть, удивленье,
 А иным на разоренье
 Бравый ротмистр от флота¹
 Дом построил на песке
 И торгует на лотке.
 У него одна забота —
 Пирожки вкуснее спечь,
 Покупателей завлечь.*

*Описать мне всех нетрудно,
 Но боюсь, что выйдет нудно,
 И, пожалуй, на сей раз
 Я окончу свой рассказ.
 Вот поэма номер два,
 Не обидьтесь, господа!
 Успех первой опьянил,
 Снова рифмы настрочил.*

*Вы больны. О да, увы!
 Докторесса² из Москвы
 Вам поможет в тот же час
 И лекарство вспышет в Вас.
 Недда³ вместе с ней живет,
 «Морской сборник» издает.
 Он стариннейшего рода,
 И почти что воевода.
 Только жаль, Grand Duc Кирилл
 Уж его опередил!*

*Очень скромный и счастливый,
 Только чуточку ревнивый
 Соловьев⁴ на пользу всем
 В «Бейронте» погиб совсем.
 Мужу в помощь и подруга
 Его нежная супруга.*

¹ Тихменев Константин Иванович (брат адмирала).

² Монастырева Людмила Сергеевна.

³ Монастырев Нестор Александрович.

⁴ Соловьев Петр Иванович.

Очень жалко нашу Нину¹,
 Рекламируя машину,
 К огорчению друзей
 Все становится худей.

Дядя есть у них трухач
 (Ну, ей-ей, совсем трухач).
 Он все знает, понимает,
 Даже лекции читает!
 Спортом службу заменяя,
 Мирно Сологуб живет.
 Всех умней себя ведет.
 По какой такой причине
 Сорок лет все в том же чине.

Лучше участи не зная,
 Днем и ночью все играя,
 Дети с бабушкой, то внуки,
 А кругом все звуки, звуки...
 Мама Плотто² все бледнеет,
 Всех быстрее играть умеет.
 Муж³ смычком все водит-водит
 И тоску на всех наводит.

Постирать, полы помыть,
 Снова дыры починить,
 Дочку⁴ вовремя снабдить,
 Внуку⁵ сказку рассказать —
 Так живет судьбы раба
 Адмиральская вдова⁶.

Затемняя солнца свет,
 Надев яркий туалет,
 Словно модная картина
 Появляется Надина⁷.
 Муж⁸ в тени ее живет,
 Бородой своей трясет.

Вот старушек целый рой,
 Все одетые «сестрой».

¹ Нина Николаевна (умерла в возрасте 30 лет в Бизерте).

² Евгения Сергеевна Плотто (урожденная Кульстрем).

³ Владимир Александрович Плотто.

⁴ Евгения Сергеевна Плотто.

⁵ Александр Владимирович Плотто.

⁶ Мария Апполоновна Кульстрем (урожденная Поликарпова).

⁷ Надежда Людвиговна Гаттенбергер.

⁸ Николай Федорович Гаттенбергер.

*Их бы лучше избегать.
Но приходится встречать.
Отнесем к тому же кругу
Позднякова и супругу.
Злые языки плетут
(Может быть они и врут),
Что характер у него
Дрянь — и больше ничего,
Но не смея утверждать,
Предпочту пока смолчать.
Вот и все. Пока прощайте!
Но того не забывайте,
Что лишь только что найду
Тотчас всем и расскажу!!!*

Настал 1924 год. Франция признала Советский Союз, начались переговоры о возвращении эскадры в СССР. 29 октября 1924 года Андреевский флаг с русских кораблей в Бизерте был спущен навсегда. Надо было покинуть корабли, искать работу, переселяться на берег. Устроиться на работу было очень трудно. Русских не брали на флот даже матросами, отдавая все места тунисцам. Русским предлагали выполнять «общественные» работы на всей территории Туниса, часто вдали от города. Это была работа землемера, прораба по постройке дорог, водоводов, работа лесника. Николай Федорович работал в течение 15 лет (с 1924 по 1939 год) на таких работах, в том числе на строительстве водовода от поселка Загуан до города Туниса. Надин с девочками жила в Загуане и работала в местной школе.

Николай Федорович, Надин и Ирэн Гаттенбергеры.
Слева — слуги-арабы. Тунис, 1932 год

Милица начала учиться в Бизерте в закрытом пансионате для девочек — *monastaire Notre Dame de Sion*, затем в г. Тунисе в школе для учителей. В 1935 году она сдала экзамены на бакалавра наук и получила диплом учителя младших классов. В 1937 году Николай Федорович с Милицей были в Париже на Всемирной выставке. Николай Федорович с большим вниманием рассматривал экспонаты советского павильона. Он был поражен огромной скульптурой В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница». Скульптура стояла у советского павильона напротив Эйфелевой башни и обращала на себя внимание всех посетителей.

Войну с немцами семья Гаттенбергеров встретила в Бизерте, куда они переехали из Загуана в 1939 году в связи с тем, что Николай Федорович получил работу в порту. Немецко-итальянские войска оккупировали Бизерту в 1942 году, при бомбежке города дом Николая Федоровича был разрушен, и семья во второй раз потеряла все свое имущество. Англо-американские войска освободили Тунис в мае 1943 года, подписав документ о капитуляции немецко-итальянских войск на полуострове Бон, близ города Туниса. Милица с мужем в военные годы жила близ города Туниса, во время бомбежек 1942–1943 годов она потеряла своего первого сына. Второй сын Пьер родился в 1945 году в г. Тунисе, а в 1951 году родился третий сын Франсуа, также в г. Тунисе.

В декабре 1945 году Ирэн вышла замуж за французского морского офицера Леона Жана Герена и уехала в Марокко в порт Касабланку.

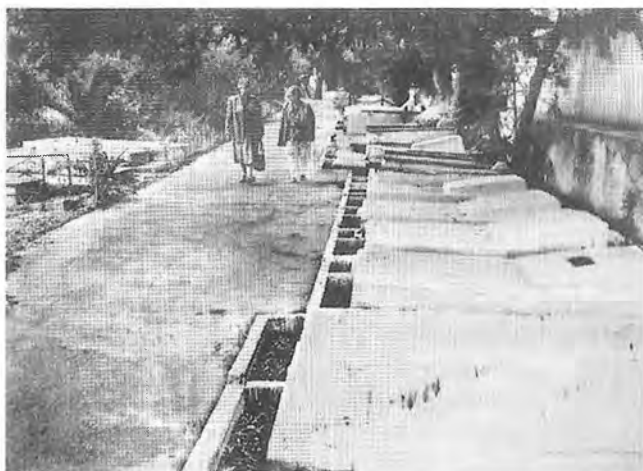
Ирина Николаевна с детьми — Эриком, Филиппом, Лизой и Франсуазой.
Касабланка, 1958 год

В 1949 году скончалась Надежда Людвиговна, она похоронена на русском кладбище в Бизерте. Николай Федорович по-прежнему работал в Бизертском порту. В 1956 году он вышел в отставку, получил пенсию от морского министерства Франции, жил небогато, но все же безбедно.

В последние годы жизни он жил со своей второй женой Алисой Тихменсвой, вдовой своего товарища Константина Ивановича Тихменева, на даче, в 8 км от города Туниса. Каждое воскресенье супруги отправлялись на автобусе в церковь Воскресения Христова и святого Киприана Карфагенского. Летние жаркие месяцы они проводили обычно во Франции у Милицы Сена, куда переехала семья после получения независимости Туниса в 1956 году, или в Касабланке у Ирэн Герен.

Надежда Людвиговна
Гаттенбергер (Ге).
Бизерта, 1947 год

Бизерта. На кладбище
у русских могил.
Май 2007 года

Николай Федорович и Алиса
Гаттенбергеры, с внучками Лизой
и Франзузой. Марокко, 1958 год

Часто старые «бизертяне» собирались вместе, отмечали праздники, вспоминали прошлое. Сохранилось стихотворение, посвященное Николаю Федоровичу, написанное его однокашником Евгением Васильевичем Рамушкевичем.

*Потомкам в наиздание
Сей сказ о первом выстреле
В бою под мысом Сарычем
Нам надо сохранить.
И за здоровье мичмана,
Что ныне председателем,
Старлейтом в списках числится,
Всем надо чарку пить.
Да здравствует воитель,
Теперь тунисский житель,
Желаю в праздник флота
Ему да здоровым быть!*

В 1966 году Николай Федорович нашел контакт с Россией, стал переписываться со своей сестрой Катей. Он присылал фотографии своих дочерей, внуков, писал по-русски, вставляя иногда французские слова (См. Приложение 3).

Он скончался 23 апреля 1967 года, похоронен на русском православном кладбище в Мегрине близ г. Туниса. Его жена скончалась в 1975 (?) году и похоронена рядом.

В мае 2007 года я была в г. Бизерте, в гостях у Анастасии Александровны Манштейн-Ширинской, единственной русской жительницы города, приехавшей сюда в 1920 году. Анастасии Александровне 96 лет, она живет в небольшой квартире рядом с русским православным храмом Александра Невского, построенным русскими в 1939 году. Небольшая площадь перед храмом теперь называется ее именем. Анастасия Александровна уважаемый человек в городе, часто к ней приезжают журналисты, писатели, знакомые. Ее опекает Клуб российских моряков из Санкт-Петербурга, помогает и российское посольство в Тунисе. Благодаря их помощи реставрировано русское кладбище в Бизерте, поставлен памятник русским морякам. Церковь Александра Невского также отремонтирована, она смотрится как игрушечка, как чудесный уголок России. По праздникам в церкви проводится богослужение (приезжает священник из г. Туниса), в остальные дни церковь закрыта, и ключи от нее хранятся у Анастасии Александровны. Сейчас решается вопрос — быть или не быть музею в Бизерте, посвященному русской эскадре. В наши дни в Тунис приезжает много русских. Они наслаждаются природой, историей страны и им, конечно, было бы интересно посетить музей русского черноморского флота, базирующегося в Тунисе с 1920 по 1924 год.

Елена Сергеевна Гаттенбергер, Анастасия Александровна Ширинская,
Анна Степановна Гаттенбергер, Степан Юрьевич Гаттенбергер.
Бизерта, август 2007 года

Храм-памятник русской эскадры в Бизерте
после войны и перестройки части,
разрушенной бомбардировками

Алтарь в храме-памятнике русской эскадры в Бизерте. 1939 год

Крест русских
военных моряков

Памятник русским,
усопшим на тунисской земле.
Бизерта, май 2007 года

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ (1906-2002) — ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЙ ПРОДОЛЖАТЕЛЬ РОДА ГАТТЕНБЕРГЕРОВ В РОССИИ

Детство

Мой отец Петр Федорович родился дома, в родовом гнезде Юрушко-ве, Весьегонского уезда Тверской губернии, 2 мая 1906 года (по старому стилю). Стояла прекрасная погода, уже расцветала сирень. По святам его должны были назвать Борисом, но мама, Анна Петровна, сказала — пусть у мальчонки будет в году два праздника: день рождения и именины. Мальчика назвали Петром, в честь деда — отца Анны Петровны, который стал его крестным отцом, а крестной матерью стала сестра Женя, много сделавшая доброго для отца на протяжении всей его жизни. Крестили новорожденного в церкви села Макарово. Он был в семье десятым ребенком. После него была еще Варенька, которая умерла вскоре после рождения.

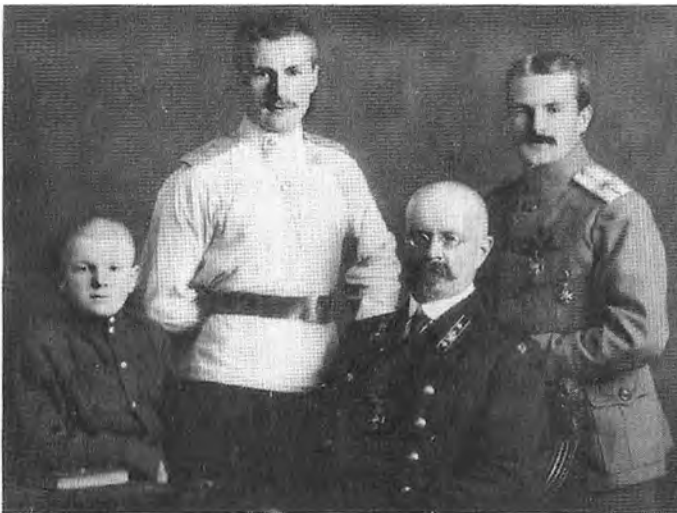
Первые воспоминания детства отца — он сидит на бочке с водой, которую ежедневно привозил в дом работник. Петя рос среди девочек, своих сестер Любы, Гали и Нины. Во всем он подражал им — отказывался носить штаны и требовал, чтобы ему одели платье, как у Ниночки, играл с ними в куклы.

В 1907 году умерла бабушка Прасковья Петровна. Имение было поделено между двумя братьями. Юрушково отошло Георгию Николаевичу, а Ушово — Федору Николаевичу. В хозяйстве Федора Николаевича было несколько молочных коров, лошади для выезда и для сельскохозяйственных работ, куры. Доход от хозяйства был небольшим. Федор Николаевич работал телеграфистом на почте, а также в земстве дворянским заседателем по опеке.

В 1910 году Ф. Н. Гаттенбергер получил назначение на Северный Кавказ в село Медвежье на должность станového пристава, получив три звездочки на погонах. В 1915 году он получил орден Святой Анны и стал работать судебным приставом. Имение Ушово было отдано в аренду крестьянам под надзором Георгия Николаевича. Анна Петровна с младшими детьми — Ниной и Петей, отправились в долгий путь летом 1910 года. Сначала плыли по реке Мологе, затем по Волге до Царицына, там пересели на поезд, идущий на Ростов. На станции Тихорецкая снова пересадка на Ставрополь. Федор Николаевич ждал их в городе. Все вместе поехали в село Медвежье, в 160 верстах северо-западнее Ставрополя.

Село Медвежье расположено на р. Егорлык, где можно было купаться. Петя сдружился с мальчиками уездного начальника. Они играли вместе — расставляли рядами оловянных солдатиков и расстреливали их пуговицами или камушками. Собирались или у Пети дома, или в большом богатом доме начальника. Ребятам угощали чаем с пирогами, печеньем, но конфет практически не было. Очень любил Петя поездки по волости с отцом верхом или на тачанке. В семье Федора Николаевича активно обсуждались политические и общественные события страны. Отец помнит, как семья обсуждала смерть Л. Н. Толстого, 100-летие Бородинской битвы, 300-летие дома Романовых, начало Первой мировой войны.

В 1914 году Петя учился в начальной школе села Летнинское, где преподавала его сестра Женя. В классе было 10–12 мальчиков и девочек. Женя жила при школе, строго воспитывала своего крестника, учила его игре на фортепиано. На каникулы и в праздники она с Петей приезжала домой в Медвежье.

Федор Николаевич Гаттенбергер с сыновьями (слева направо):
Петя, Роман, Иван. Москва, 1916 год

Учебный сезон 1915–1916 годов Петя учился в Медвежьинской гимназии, где преподавали мама Анна Петровна и сестра Катя. Однако родители Пети решили дать ему хорошее образование и по семейной традиции определили его в 3-й Московский кадетский корпус. Старшие братья Николай, Иван и Роман уже закончили 2-й кадетский корпус. Осенью 1916 года Федор Николаевич вместе с Петей и Романом, поступившим в Тверское кавалерийское училище, приехали в Москву. Остановились, как всегда, у Варвары Николаевны Успенской. Сохранилась фотография Федора Николаевича с сыновьями Петей, Романом и Ваней, приехавшим с фронта. Ваня был в это время в чине штабс-капитана 135 Керчь-Еникальского полка, был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Учеба в 3-м кадетском корпусе в Москве и Донском кадетском корпусе в Новочеркасске

В сентябре 1916 года десятилетний Петя поступил в 3-й Кадетский корпус имени Александра II в Москве. Корпус находился в Лефортове, занимая большое 2-х этажное здание рядом с 1-м Кадетским корпусом, размещившемся в Екатерининском дворце. Неподалеку был и 2-й Кадетский корпус. 3-й Кадетский корпус был открыт вскоре после гибели Александра II в 1881 году и предназначался главным образом для мальчиков из провинции.

3-й Кадетский корпус. Москва

Представьте себе просторный коридор, по обе стороны которого находились обширные классные комнаты, где размещалось по 30–32 учащихся. За партами сидели парами. Парты образовывали 4 ряда, и такое же количество парт было в каждом из них. Между рядами — широкие проходы, на внешней стене — 4 больших окна. У передней стены — черная доска, в углу справа — шкаф, в котором хранились дневники и тетради учеников, классные журналы и тетради учителей с записями и замечаниями.

Распорядок дня был обычным для военных школ. Будили в 7 часов утра. После обязательной зарядки в 8 часов — завтрак. Обычно — каша, хлеб с маслом и чай. Занятия начинались в 9 часов. После первых трех уроков — второй завтрак и перерыв в занятиях до 13 часов. Этот завтрак был более сытным. Давали котлеты, мясо, птицу или рыбу с гарниром, запивалось все это чаем или холодным напитком. Кофе и какао в меню не было. Затем вновь занятия до 16 часов. После — обед из трех блюд и прогулка — часовая или полуторачасовая. Гуляли во дворе, где были высажена деревья, или ходили в Лефортовский парк, расположенный поблизости, позади 1-го Кадетского корпуса. Зимой катались на коньках или на лыжах. В 18 часов начинались вечерние занятия, подготовка уроков в той же классной комнате. После 8 часов вечера преподаватель читал детям вслух произведения Пушкина, Лермонтова, других русских классиков. Иногда давались лекции на военно-исторические темы. Чтение продолжалось около часа. Затем шли на ужин. В 9 часов — отбой. Спальная комната, рассчитанная на целую роту, вмещала около 100 человек. Спали на железных кроватях. Около каждой из них — тумбочка, куда на ночь складывалась одежда — брюки и рубашка. В ногах кровати — табуретка, на нее ставили обувь — ботинки или короткие сапоги. Спали в рубашке с длинными рукавами. Теплая рубашка (верхняя) была коричневая, из плотного материала. На нее нашивались погоны с царским вензелем «А II». Такие же вензеля были на шинели, фуражке и пряжке ремня. Под цвет рубашки — коричневые брюки. Их носили поверх обуви. Теплая суконная черная шинель выдавалась на весь учебный год. В основном здании корпуса находилась и баня, в ней мылись раз в неделю. Практически же она топилась каждый день, так как в кадетском корпусе было семь классов.

Несколько слов о расписании занятий. Начинались уроки всегда с гимна «Боже, царя храни» (после отречения царя от престола этот гимн уже не пели). Ежедневные утренние уроки — русский и немецкий языки, арифметика. Занятия вторым языком — французским — были также обязательными, но в расписании он был реже. После полудня — рисование, гимнастика в гимнастическом зале, с параллельными брусьями, турником, конем, матами. Затем обязательный Закон Божий. Преподавали также танцы и пение. Урок танцев проводил специальный учитель. Он показывал

фигуры вальса, наклоны, присядку. На уроке пения разучивали молитвы. Пели в своей церкви, расположенной в том же здании.

Каждую субботу те, кто не уезжал домой к родным, после завтрака посещали церковь, затем — свободное время. Петя после субботнего похода в церковь уезжал к тете Варе на Остоженку, а в воскресенье вечером возвращался в корпус.

В кадетском корпусе наиболее переполненными были младшие классы. Петя поступил в 7-й класс третьего отделения. Окончив его, он перешел в шестой, того же отделения. В каждом из трех младших классов обучалось по тридцать человек. Всего же в корпусе их было около 500. Отметки ставились по пятибалльной системе. В других учебных заведениях была двенадцатибалльная система. Высшим баллом была пятерка. При получении единицы ученика исключали из корпуса. Учился Петя на четверки и пятерки. При поступлении сдавал экзамены: русский язык, арифметику, французский язык. По русскому языку писали диктант, требовалось чтение незнакомого текста, декламация стихотворения. На экзамене по арифметике предлагалось решить задачу, продемонстрировать знание таблицы умножения и владение счетом.

В первые зимние и летние каникулы Петя ездил домой вместе со старшей сестрой Олей, возвращавшейся из Смольного института в Петербурге. Осенью 1917 года Петя в Москву ехал один. По дороге в поезде у него украли корзину с продуктами, и он почти двое суток ничего не ел. Петя приехал на Большую Спасскую улицу, где жила в это время его крестная — сестра Женя, вышедшая замуж за Владимира Ефимовича Лунева. У них только что родилась Оленька. У Жени Петя оставался два дня, а затем уехал в кадетский корпус.

С 28 октября 1917 года в Москве в течение недели был обстрел. Слышалась канонада. С Воробьевых гор пушки стреляли по Кремлю и военным училищам, юнкера которых оказывали сопротивление большевикам. Алексеевское юнкерское училище располагалось в одном дворе с 3-м Кадетским корпусом, поэтому снаряды рвались около корпуса. Один из них влетел через окно второго этажа в класс, где учился Петя. Но детей в классе не было. Их перевели в подвальное помещение. Занятия в корпусе продолжались и при советской власти. Ребята-кадеты были изолированы от жизни Москвы. Теперь их не всегда отпускали по домам в воскресные дни. В Москве начался голод, массовые аресты и убийства, особенно офицеров, прямо на улицах или на квартирах. Отец вспоминал, что несмотря на это детей продолжали регулярно и неплохо кормить. Занятия не отменялись. Только перестали преподавать Закон Божий, танцы и пение. Ребята по-прежнему носили ту же форму с эмблемой корпуса «А II». Но теперь, приветствуя директора корпуса, они громко произносили: «Здравия жслаем, господин генерал» (вместо прежнего «Ваше превосходительство»). На воскресенье отец стал чаще ездить к тете Симе — Серафиме

Петровне Смирновой, маминой сестре. Она работала фельдшером в терапевтической клинике Савельева (на Новодевичьем поле), прошла всю войну 1914—1917 годов, работая фельдшером, осталась вдовой. В 1918 году она жила в отдельной комнате на 2 этаже основного здания клиники. Вход в жилые помещения сотрудников клиники располагался с задней стороны здания, со стороны больничного сада. Ей было легче, чем тете Варе, накормить племянника. В мае 1918 года закончились занятия в кадетском корпусе, и Пете выдали справку об окончании двух классов с перечислением пройденных предметов. Его также снабдили справкой и для приобретения льготного железнодорожного билета до станции Песчанокопская. Объяснили, что корпус летом закрывается, и чтобы осенью он не приезжал в Москву.

Домой Петя ехал с тетей Симой. Она решила уехать из голодной, неспокойной Москвы навсегда и поселиться в г. Ейске поближе к сестре Ане. У нее был маленький чемоданчик с личными вещами. Это было все ее богатство. По пути кто-то посоветовал снять погоны с вензелем «А II» у мальчишки, а то «как бы чего не вышло!». Погоны сняли и выбросили. Доехали до Воронежа, дальше поезд не шел — впереди стояли казаки Войска Донского. Пересели на другой поезд, поехали на Царицын, а потом на товарном поезде добрались до станции Сосыка. От Сосыки уже на пригородном поезде, который ходил раз в сутки, приехали в Ейск.

Образование Петя продолжил осенью 1918 года в Донском кадетском корпусе в Новочеркасске. В этот город он приехал с мамой. От Ейска до Ростова плыли на пароходе, а затем пересели в поезд Ростов—Новочеркасск. В Ростове у Пети состоялась первая встреча с немцами-интервентами. Они были корректны, вежливы, некоторые говорили по-русски. Поезда ходили по расписанию, и в городе был относительный порядок. В Новочеркасске остановились у тети Пани — младшей маминой сестры, неподалеку от вокзала. Она была бездетной и жила в собственном доме с мужем Иваном Маканом, преподавателем геодезии в землемерном училище. Училище выпускало землемеров — специалистов, так необходимых пореформенной России. Тетя Пани дала маме согласие брать Петю по воскресеньям из корпуса к себе домой.

На следующий день после приезда Петя с мамой отправились в кадетский корпус, попутно осматривая город. Новочеркасск произвел на них большое впечатление. Город строился в середине XIX века по определенному плану, вблизи от станицы Старочеркасской, раскинувшейся на берегу Дона. В нем было много учебных заведений. Кроме землемерного училища в городе были открыты политехнический и ветеринарный институты, Атаманское техническое училище, кадетский корпус, институт благородных девиц. В городе работали два театра, несколько кинотеатров. Город располагался на горе и ее склоне, обращенном к левому берегу Аксая — притока Дона. Много зелени, садов, в пойме реки — огороды. Выращива-

ли яблоки, груши, вишни. В центре города поражал своим величием кафедральный Вознесенский собор, а также литые из металла памятники Ермаку и казачьему атаману Платову — герою войны с Наполеоном, вошедшему с казаками в Париж. Особенно выделялся размерами памятник Ермаку. Он лишь чуть-чуть уступал по высоте самому храму. Проспект, который начинался от памятника, и сейчас называется Ермаковским. В начале 20-х годов памятник Ермаку решили снести. Накинули веревку на шею, пара быков ее дернула, но веревка оборвалась, а памятник стоит и по сей день. Атаману Платову, основателю города, не повезло. В 1923 году памятник ему снесли.

Донской кадетский корпус был расположен в северо-западной части города, носил имя императора Александра III. Здание было построено в 1883 году специально для размещения в нем кадетского корпуса. Оно было трехэтажным, образующим в плане квадрат, внутри которого находились двор и хозяйственные постройки. Для учебного процесса были созданы все удобства, учащиеся могли, не выходя из здания, попасть во все классы, столовую, спальню, церковь, танцевальный и физкультурный залы и даже баню. На первом этаже размещались администрация и хозяйственные заведения, на втором — классы. Они выходили в широкий длинный коридор, проходящий по всему периметру здания. На третьем этаже были гимнастические и рисовальные классы, а также танцевальный зал. Здесь же находилась и церковь. Общения между классами почти не происходило, у каждого была своя территория. В каждом классе был свой воспитатель, свой порядок, отдельное расписание занятий и отдыха. Кормили детей хорошо, несмотря на военное время, давали молоко, много мяса, разные сорта хлеба. Осенью было много фруктов. Кофе и какао не было, только сладкий чай. Распорядок дня был почти таким же, как и в кадетском корпусе в Москве, только учебников не хватало. Вечерние беседы проводились в основном на военные темы — по истории войн, о русских царях, о героях, их победах. С художественными произведениями иностранных писателей вообще не знакомили.

Петю зачислили без экзаменов в третий класс. В программе были занятия по алгебре, геометрии, физике, русскому языку. Обязательными были пение и музыка, курс фортепиано. Преподаватель играл для учащихся различные музыкальные пьесы, дети учились игре на инструменте. Преподавался французский язык, латыни не было. Обязательными предметами были также история, география, рисование, Закон Божий, танцы. На уроках танцев разучивали вальс и мазурку. Недалеко от кадетского корпуса находился институт благородных девиц (Донской Смольный институт). Иногда с девочками устраивались совместные праздники, представления, танцы. У кадетов была форма — синие брюки с красными лампасами, белая парусиновая рубашка, фуражка с красным околышем с эмблемой «А III». На пряжке ремня и погонах та же эмблема. Ученики в основном

были местные, поступившие в кадетский корпус из школ и гимназий города. Но были учащиеся и из окрестных станиц и несколько человек — беженцы из Москвы и Петербурга.

В 1917 году Донской кадетский корпус был распущен, но с приходом белых летом 1918 года его восстановили и стали срочно набирать учеников. Жизнь в Донском кадетском корпусе несколько отличалась от московской. Первое, с чем столкнулся Петя, это было пренебрежительное отношение местных учеников — детей казаков — к русским, особенно к беженцам из Москвы и Петербурга. В параллельном третьем классе корпуса учился Борис Богаевский, сын генерал-майора А. П. Богаевского, избранного после П. Н. Краснова Донским атаманом в феврале 1919 года. Атаман Богаевский неоднократно приезжал в корпус на автомобиле, где его всегда торжественно встречали. В одном классе с Петей учился А. Иловайский, из известного рода донских казаков, давших героев войны 1812 года. Помнил отец Ваню Семенова из станицы близ Новочеркасска. Дети казаков первое время относились к Пете с недоверием, но он хорошо учился и, главное, умел обращаться с лошадьми и неплохо на них ездил, а это в казачьей среде высоко ценилось. Со временем к нему стали относиться лучше, однако настоящих друзей у него не было.

Большое значение в корпусе уделялось верховой езде. В Москве таких уроков не было ни в младших, ни в старших классах. В Новочеркасске мальчиков старались сделать физически крепкими и выносливыми, настоящими воинами. Большое внимание уделялось патриотическому воспитанию кадетов. На уроках ученики разучивали патриотические

Кадет Донского кадетского корпуса им. Александра III
П. Ф. Гаттенбергер. Новочеркасск, осень 1918 года

песни. Отец в свои 95 лет хорошо помнил «Гимн Всевеликого войска Донского»:

*Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
Постоянно отзывался
На призыв царей всех он!
Зеленеет степь родная,
Золотятся волны шив,
И с простора долетая,
Вольный слышится призыв.*

Пели и гимн кубанских казаков, его текст отец также помнил. Этот гимн был сложен в Первую мировую войну, когда казачьи эскадроны вышли к реке Евфрату:

*Эх, Кубань, ты наша Родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, широкая,
Разлилась ты вдаль и вишьрь!
Из далеких стран полуденных,
Из турецкой стороны
Шлют привет тебе, родимая,
Твои верные сыны.
О тебе здесь вспоминаючи,
Песню дружно мы споем,
Про твои станицы вольные,
Про родной отцовский дом.*

Наиболее ярким событием в Новочеркасске был приезд осенью 1918 года представителей союзнических армий: капитана Отена, лейтенантов Дрепре и Фора с десятью французскими матросами, а также капитана Бонда, лейтенантов Блумфельда и Монро с десятью английскими матросами. Празднично одетый народ заполнил улицы. У всех в руках цветы. Каждый глубоко верил, что приезд союзников приближает свободу, конец страшной братоубийственной войны. Автомобили с почетными гостями медленно двигались по Крещенскому бульвару под звуки Донского гимна. По одну сторону бульвара стояли войска, по другую — дети и молодежь из учебных заведений, за ними — толпа народа, кричащая «Ура!» и бросающая цветы. Слышался перезвон колоколов Вознесенского собора. Духовенство в золотых рясах ожидало гостей. Союзники вошли в собор на молебен, затем архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан сказал короткое приветствие, и перед гостями торжественным строем прошли войска молодой армии, одетые в новенькую зимнюю форму. Вечером в большом зале Атаманского дворца был дан обед на сто персон.

Играли музыканты, певчие войскового хора пели донские казачьи песни. Атаман П. Н. Краснов произнес свою речь по-французски. Все ожидали помощи от союзников.

Донское казачество в Новочеркасске начиная с весны 1918 года жило в ожидании благоприятных перемен. Такое настроение создавалось благодаря победам Донской армии над большевиками. Этому весьма способствовала кипучая деятельность выбранного в мае 1918 года атаманом П. Н. Краснова. В Новочеркасске наводились дисциплина и порядок. Над Атаманским дворцом был поднят «новый» сине-желто-красный флаг. Печатались собственные деньги, уставы, тиражировалась литература по истории Донского казачества. В городе строго преследовались пьянство и драки. От офицеров требовали полного соблюдения воинской дисциплины и порядка. Форменная одежда казаков должна была быть безукоризненной, насколько позволяли обстоятельства. Войско Донское представляло собой в это время особое отдельное государство с пятимиллионным населением, со своими законами, министерствами, судом, гербом, гимном и флагом. Много внимания уделялось воспитанию молодого поколения. Были восстановлены все распущенные гимназии, реальные училища, кадетский корпус, казачье юнкерское училище, институт благородных девиц. В сентябре 1918 года повсеместно возобновились занятия. Относительный порядок во всем сохранялся и в первой половине 1919 года.

Занятия в Донском кадетском корпусе продолжались до декабря 1919 года. Под натиском красных, угрожавших Новочеркасску, корпус был распущен. Город охватила паника, и началось массовое бегство в Екатеринодар и Новороссийск. Петя вернулся домой в Ейск, а ребята-кадеты, которым ехать было некуда, были эвакуированы через Новороссийск сначала в Константинополь, а потом в Египет, Болгарию, Чехию и Сербию.

В 1923 году в школьном сочинении кадет А. Балашевич из параллельного Петиному класса так описывал эвакуацию Донского кадетского корпуса (Дети русской эмиграции, 1997):

«Еще помню, как выступали из Донского кадетского корпуса. Грустно было прощаться, но ничего не поделаешь, пришлось. За неделю до выступления собрали все свои вещи, запаковали и начали ждать дня выступления. И вот, наконец, настал этот день, а именно 21 декабря 1919 года. Собранные вещи сложили на подводы, пошли в церковь, отслужили молебен, батюшка нас всех благословил, и в 12 часов ночи построились и отправились в путь. На следующий день пришли до другой станции, отдохнули, поели там и опять пошли дальше и на четвертый день после выступления пришли в станцию Кагальницкую, как раз под Рождество. Хотя очень плохо, но справили его и пошли дальше. Когда подходили к Кубанской области, то не дай Господи кому-нибудь испытать такой страх. Мне тогда еще было 12 лет, и я шел по колено в грязи. И еще случалось так: идешь-идешь, нечаянно ступишь в какую-нибудь лужу, и, значит, са-

пог останется там, а ногу с большими усилиями кое-как вытянешь. Тут морозу градусов пятнадцать, а ты идешь босиком по грязи. Наконец добрались до какой-то станции, сели в вагоны, в которых, по-видимому, раньше возили коней, и выехали под Екатеринодар. На одной из станций по дороге к Екатеринодару с песнями встретили Новый год, и приехали в Екатеринодар. В городе немного оправились, привели себя в надлежащий вид и, побывши там недели две-три, поехали уже на более лучших вагонах в Новороссийск. По дороге в него было довольно интересно. Проезжали через туннели между больших гор и т. п. В Новороссийске опять-таки оправились, привели себя в надлежащий вид и ждали парохода, который бы ехал в Египет.

В Новороссийске произошло много перемен. Несколько человек кадет, сам директор Г. М. Чеботарев и два офицера от простуды, которую получили в Кубанской области, умерли. Через некоторое время к нам приехал другой директор — Черячукин. Наконец пришел пароход, который должен идти в Египет, мы сели на него и поехали. Многие на пароходе заболели, в число которых попал и я. Приехали мы в Александрию, в ней я лежал в английском госпитале, а потом присоединился к своим... Хорошо прожили там три года, купались в Суэцком канале, кушали финики, один из кадетов застрелился, и еще два ученика и офицер умерли, случилось несколько пожаров, но в общем провели эти три года очень хорошо. Как не хотелось, но все же таки пришлось уезжать из Египта. Из Египта я поехал в Константинополь, прожил в нем две недели, ввиду плохих обстоятельств я поехал в Болгарию. В Болгарии я прожил 6 месяцев, но очень и очень плохо, отношения между болгарам и русскими были весьма враждебные, кушанье было плохое, приходилось работать при холоде на постройках, чтобы заработать кусок хлеба.

Ввиду того что в Болгарии было много большевиков, то они не хотели, чтобы название нашей школы было „Донской кадетский корпус“, и их представители настояли на том, чтобы расформировали наш корпус, и тогда наш директор генерал Черячукин начал всюду рассылать письма, во всякие учебные заведения, нет ли где мест, чтобы послать туда кого-нибудь из нас. И вот я попал в гимназию Всероссийского союза городов в Моравской Тржебове».

Остатки 3-го Московского кадетского корпуса нашли приют в Сербии.

Революция и гражданская война на Северном Кавказе

После смерти Федора Николаевича Анна Петровна поселилась в г. Ейске на Таганрогской улице в доме 23, занимая две маленькие комнаты. Жили бедно, ведь большинство школ, где могла бы работать Анна Пет-

ровна, было закрыто. На окраине города семье был выделен участок земли, на котором посадили фасоль, капусту и морковь. В мае приехал Роман. Он окончил Тверское кавалерийское училище, но в войне не участвовал, так как в марте 1918 года война для России уже окончилась. Он целые дни проводил дома, помогал по хозяйству, съездил в Медвежье и привез оттуда некоторые вещи. С приходом белых летом 1918 года он вступил в Добровольческую армию и погиб в январе 1919 года в бою с красными под станцией Георгиевская. Там же и похоронен в общей могиле.

Город жил относительно спокойно, дети бегали купаться в Азовское море, а взрослые ежедневно ходили на рынок что-то продавать или покупать. Семья Гаттенбергеров продавала свои вещи, кое-что из мебели. На это и жили. Только на рынке можно было узнать и политические новости, так как газеты в городе не выпускались и не привозились из других городов.

В Ейске стали появляться беженцы с севера. Они приезжали к своим родственникам или знакомым. Весной 1918 года приехала семья Бориса Петровича Гаттенбергера, двоюродного брата Федора Николаевича, ротмистра Добровольческой армии. Решили спрятать его семью от красных в станице Камышеватской, в 30 км от города. Семья состояла из жены Елены Владимировны и троих детей — Наташи, Всеволода, которого в семье звали Волик, и маленькой Эли. И вот Петя (мой отец), мальчишка 12 лет, сопровождал нанятую телегу в станицу Камышеватскую. Никто не обратил внимания на путников. Доехали благополучно, отец запомнил дом, где поселилась семья, и вернулся домой в Ейск.

В июне, без боя, город был взят белыми. В августе, на Яблочный Спас, мой отец повез приехавшего за семьей Бориса Петровича в станицу Камышеватскую. Была прекрасная погода, изобилие фруктов и овощей, на лицах всех членов семьи Гаттенбергеров улыбки, радость, смех. Все вместе ходили купаться на море, пили чай с привезенными сладостями. Казалось, что счастье снова пришло в семью. На следующий день все поехали в Ейск. В это время Добровольческая армия одерживала победы. Семья Бориса Петровича уехала на север. По совету Бориса Петровича Петя поступил учиться в Донской кадетский корпус, Люба и Галя остались дома, поступили в местную гимназию. Оля работала учителем рисования в ейской гимназии. В сентябре 1919 года Петя вновь поехал в Новочеркасск, но уже в декабре вернулся в Ейск, так как корпус распустили. В канун нового, 1920 года умерла сестра Нина.

Нина (23 февраля 1903 – 23 декабря 1919) была любимой сестрой отца. Она родилась как и все ее родные сестры и братья в родовом гнезде Юрушкове. Семья Гаттенбергеров переехала на Северный Кавказ, когда ей было 7 лет. Это была спокойная розовощекая девочка, которая больше всего любила вишневое варенье (так она сама говорила). Нина любила рисовать, читать книжки с картинками. Для нее выписывали дет-

Ольга. 1914 год

Галина. Медвежье, 1916 год

Люба в костюме боярышни.
1915 год

ский журнал «Светлячок» — очень популярный в дореволюционное время. Сохранилась единственная фотография Нины (с Петей) 1910 года.

Девочке надо было поступать учиться, но в Медвежьем гимназии не было, были лишь начальные церковно-приходские школы. В 1911 году открыли первый класс гимназии — совместный, мужской и женский, в специально построенном кирпичном здании. В первом классе было 10–12 учеников. С каждым годом гимназия росла, увеличивалась на один младший класс. Преподавать русский язык в эту гимназию пошла Анна Петровна. Учителей не хватало, и занятия проводились плохо. Однажды в гимназию прислали молодую учительницу, только что закончившую гимназию в Ставрополе. Она поселилась в доме Гаттенбергеров, а Нину решили отправить в Ставропольскую гимназию, с условием, что она будет жить в семье этой учительницы. Нина училась в Ставрополе с 1911 по 1919 год, приезжая домой на зимние и летние каникулы. Уже в 10–11 лет она самостоятельно ехала в поезде от Ставрополя до станции Новоалександровка, где ее встречал папа. Они садились на тачанку и через два часа были дома. Последний год ее учебы в 1918–1919 годах был очень тяжелым для 15-летней девушки, жившей вдали от семьи. После гибели отца Федора Николаевича средств на жизнь практически не было. Анна Петровна вместе с Любой и Галей и приехавшим летом 1918 года Петей терпели большую нужду. Старшая сестра Катя, крестная Нины, поддерживала ее, присылала деньги за обучение в гимназии, на дорогу, на оплату квартиры. Сохранились письма Нины к Кате, по которым можно представить ситуацию, сложившуюся в Ставрополе в 1918 и 1919 годах.

Весь 1918 год Ставрополь был центром ожесточенной борьбы белых и красных. В городе постоянно слышалась канонада, происходили уличные бои, расстрелы. Жители боялись выходить из дома. Нина не смогла приехать на летние каникулы 1918 года и зимние в начале 1919 года. В октябре 1918 года в городе хозяйничали большевики, чиня невиданную по жестокости расправу. 2 ноября 1918 года город снова был взят белыми. В боях за его освобождение участвовала конница Врангеля, легендарная дивизия Дроздовского, дивизии генералов Боровского, Покровского и Казановича. Город был забит тысячами раненых, больных. Свирипствовал тиф. Подвоза продовольствия не было. Городской водопровод был выведен из строя. Большевики, отступая, оставили в городе более двух с половиной тысяч непогребенных трупов и четыре тысячи раненых (Деникин, 1924).

Нина приехала в Ейск летом 1919 года и также, как сестры Галя и Люба, начала работать. По воспоминаниям отца она работала в булочной, но недолго. В сентябре 1919 года она заболела тифом и умерла 23 декабря, под Новый год. Вот что писала Анна Петровна старшей дочери Кате в письме от 26 сентября 1919 года: «Нина очень тяжело переносит тиф и чем дальше, тем хуже, уже начинаю сомневаться, выживет ли она? Совсем

Три сестры Гаттенбергер — Оля, Галя, Женя. Ейск, 1921 (?) год

оглохла, плохо понимает и лежит больше в бреду без сознания. Бредит — „надо ехать в Ставрополь“. Или ее душат страшные кошмары, особенно по ночам, с 11 часов вечера и до 4-х утра. Это самое страшное и опасное время. Температура уже 12-й день — 40,1–40,3 градуса, а в последние три дня 40,5 утром и вечером одинаково. Так нас всех перевернуло и выбило из колеи нашу жизнь».

В Ейске было спокойно. Входили красные, многие жители спешно уезжали. В январе 1920 года муж Жени — Володя Лунев уехал с воинской частью в Болгарию (Женя считала, что он погиб на фронте), а осенью Коля с семьей навсегда покинул Россию. Весной 1920 года Петя, еще при жизни мамы, заболел сыпным тифом. Эпидемия, охватившая Юг России, добралась и до Ейска. Петя лежал дома. Его лечил Сергей Васильевич Кошурников, муж Оли, но необходимые лекарства, которые он ему выписывал, достать было невозможно. Больше двух недель Петя лежал без памяти и чудом выздоровел.

22 мая 1920 года скончалась Анна Петровна от продолжительной болезни желудка на 52-м году жизни. Незадолго до своей смерти она писала старшей дочери Кате: «...после второй операции у меня рана не заживает. Девочки все делают, что возможно. Моют меня, кормят. Галя все на базар ходит, ищет, чтобы все было свежее. Люба стирает и рану перевязывает. Ходит через день фельдшерница перевязывать рану, но этого недостаточно. Ей платим за визит 50 руб., а доктор меньше чем за 100 руб. не приходит. На мои похороны ты приехать, конечно, не успеешь, а приезжай навестить девочек. Посмотри, как они будут жить, посоветуй им. Я за Олю и Любу покойна, а вот за Петю и Галю очень непокойна, они совершенно еще дети и к жизни не приспособились. Я умирать нисколько не боюсь, уже вполне с этим освоилась, наоборот, скорее хочется к Ромаше, папе и Ниночке.

А вот как они-то здесь жить останутся! Целую тебя и благословляю на долгую и счастливую жизнь. Прощай, всегда тебя любящая мама». Она была погребена на военном кладбище Ейска, рядом с Ниной.

В 1920 году Женя уехала в немецкую «колонку» в с. Воронцовку (там же жили 3 латышские семьи) преподавать математику в местной школе. Летом 1920 года Петя приехал к ней и работал у хозяина ее квартиры — немца Шмидта. Возил хлебные снопы на телегах, работал на косилке (6 лошадей, на первой из которых сидел Петя, тянули телегу). За работой косилки следил рабочий. Петя все лето жил с Женей либо в немецкой колонии, либо на хуторе у Шмидта. Латыши жили на хуторе в 3–4 км от Воронцовки. У них были крупные хозяйства. Глава одной из латышских семей — Иван Петрович Земник — приехал в эти края из Латвии в конце XIX века. Купил землю и поселился на берегу Азовского моря. В это же время сюда попали и немцы. В Воронцовке были лютеранская церковь, двухэтажная кирпичная школа. Преподавание велось на русском и немецком языках. Женя преподавала математику на русском языке. Отец с юмором рассказывал, как проходил урок русского языка, на котором он присутствовал. Немец-учитель диктовал ребятам: «С дерева упал сучек» (ударение на первом слогe), а потом пояснял «Не тот сучек, что кобель, а тот сучек, что на дереве растет».

В Ейске также жило много немцев, прибалтийцев, греков. Греки хозяйничали в порту, заведовали складами, покупали у местных хуторян хлеб, грузили его на суда и отправляли в Грецию и другие средиземноморские страны. Все корабли в Ейске принадлежали им.

У Любомудровых, которые приютили сирот Гаттенбергеров (Любу, Галю и Петю) в 1920–1922 годах, были корова, лошадь и куры, большой огород. Петя помогал им по хозяйству. В эти годы Петя нигде не учился.

Николай Корф —
друг детства
Петра Федоровича

Он несколько раз ездил в Новочеркасск помогать тете Пане. Торговал на базаре последними семейными вещами, торговал деревянными сапожными гвоздями вместе с другом Колей Корфом. Он развозил на телеге по домам топливо, делал любую работу. Работая сторожем на Ейской опытной станции (вместе с Колей Корфом), он близко соприкоснулся с биологами и агрономами, с директором станции, сподвижником В. И. Вавилова Г. Гейером, сотрудниками станции Волковыми и Жук.

Отец написал воспоминания о друге детства Коле Корфе для его сына Юрия Николаевича, с которым мы познакомились в 2000 году:

«Я познакомился с Колей в начале 1920 года в Ейске, в помещении мужской гимназии, куда мы при-

или узнать о возможности продолжения учебы. Однако занятия не проводились, и все гимназисты были распущены. Вместе ушли, разговорившись. С тех пор Коля очень часто бывал в квартире Любомудровых, в которой в это время мы жили. Семья Коли жила около городского сада, рядом с кладбищем. Она состояла из мамы — Марии Михайловны, Коли — старшего сына, моего ровесника, и его двух сестер — Маши и Зины. Они приехали из-под Воронежа к сестре Марии Михайловны, муж которой, агроном Волков, работал заведующим отделом на Ейской опытной станции. Сначала все жили в одной большой комнате. Мы, ребята, были предоставлены самим себе. Читали мало. Библиотеки были закрыты, книги появлялись случайные. На некоторое время открыли гимназию, в которой мы с Колей учились вместе, но ее вскоре закрыли вновь. В 1921 году Волковы переехали жить на Опытную сельскохозяйственную станцию, оставив квартиру Марии Михайловне Корф. Мария Михайловна работала в Ейске бухгалтером банка, директором которого был Федор Волков. Небезынтересно, что первая жена Бориса Петровича Гаттенбергера (сына Петра Константиновича) Мария Федоровна Волкова была дочерью этого самого директора банка. Она была матерью Натальи Борисовны Гаттенбергер-Концевич. Не случайно, свою семью Борис Петрович — офицер Добровольческой армии привез в 1918 году именно в г. Ейск, а затем переправил в станцию Камышеватскую близ Ейска, спрятав ее от большевиков.

Коля никогда не рассказывал о своем отце, как и почему они оказались в Ейске, где они жили раньше. Я тоже много не рассказывал. Однако Корфы знали, что мой отец погиб в то время, когда в Медвежьем были красные, и что я раньше учился в кадетском корпусе. Только в 2000 году от сына Коли Корфа — Юрия Николаевича мы узнали, что Георгий Николаевич Корф в 1917 году был в чине капитана. В начале 1918 года он вернулся домой с фронта и его зверски убили (изрубили на куски) большевики в его имении под Новым Осколом. Вот поэтому его жена с детьми и оказалась в Ейске у своей сестры.

Коля был высоким, красивым подростком, значительно выше меня. В Воронеже он учился в гимназии, к 1918 году окончил 4 класса. Когда Коля и я (меня звали — Петун) ходили по домам, предлагая услуги пилить или колоть дрова, что-то сделать по хозяйству, перевезти что-либо, с хозяином обычно разговаривал Коля, так как мне из-за небольшого роста никто не давал моих 14 лет. В случае договоренности тут же из-за угла показывался я — Петун, и мы начинали работу вместе. Деревянные гвозди для обуви — выдумка Коли. Кусок оглобли мы распиливали поперек на бруски высотой в 1,5 см. Затем палочкой и молотком разбивали их на тонкие планки, которые заостряли с двух сторон, а затем раскалывали на гвозди. Гвозди продавали на рынке по 10 копеек за чайный стакан. Товар хорошо раскупался. В 1922 году меня и Колю Волковы устроили на работу на Ейскую опытную станцию. Мы жили в палатках и стерегли каздый свой огород.

В 1923 году Коля Корф поехал в Москву к своей тете — Марии Николаевне — жене известного артиста и директора Малого театра Александра Ивановича Южина. Коля поступил в Политехнический институт и, не закончив его, уехал работать в небольшой городок Зеленодольск около Казани. Я навестил его там в рождественские каникулы в конце 1928 года по дороге в Свердловск, где жила моя сестра Женья.

В начале 1930-х годов Коля переехал в Москву, куда к этому времени возвратилась его мама с сестрами. 11 февраля 1931 года Коля был на моей свадьбе — Пети и Ани, на венчании в церкви Сошествия Святого Духа, расположенной на месте теперешнего входа в метро „Кропоткинская“. Ее снесли в 1933 году. Коля был шафером на свадьбе, в квартире Бориса Михайловича и Ирины Юрьевны (сестры невесты) Житковых, на Zubовском бульваре. В Москве он вскоре женился на Гале Авсюк. Жили они скромно, в коммуналке, в одном из переулков, близ теперешней Пушкинской площади. Я был у него в гостях и видел маленького Юру — сына, родившегося в 1934 году. Спустя несколько лет они развелись и Коля женился вторично. От второго брака родились сын и дочь.

На фронте Коля был с начала войны. В 1944 году, под Харьковом, тяжело раненным он попал в плен. Находился в концлагере в Венгрии. Мечтал вернуться домой, но при возвращении, в 1946 году, близ Львова скончался.

В официальных документах, выданных сыну Юрию Николаевичу после посмертной реабилитации отца, было сказано, что Николай Георгиевич Корф умер от сердечной недостаточности (а может быть, расстрелян?). Так в 40 лет ушел из жизни Коля Корф — лучший друг моего детства, память о котором я пронес через всю свою долгую жизнь».

Дворянское происхождение неоднократно становилось препятствием для молодых Корфов. В 1930-е годы на физико-математический факультет МГУ поступила Маша. На первом курсе кто-то из взрослых ее спросил, не имеет ли она какое-нибудь отношение к баронам Корфам, которые жили в Воронежской губернии. На что девушка простодушно ответила, что там было имение ее отца. Ее отчислили из университета на следующий же день. Через несколько лет, сменив фамилию, вступив в фиктивный брак, Маша вновь поступила в МГУ, окончила его и в 1960-е годы работала в Гидропроекте, стала доктором физико-математических наук. В конце 1930-х годов окончила Дорожный институт в Москве и Зина. Она участвовала в проектировании шоссе Москва—Смоленск (новое Минское шоссе).

Первая жена Николая Георгиевича — Галина Александровна Авсюк после развода вышла вторично замуж, и Юра Корф уже после войны принял фамилию матери. Сейчас Юрий Николаевич Авсюк — член-корреспондент РАН, известный ученый в области геофизики и астрофизики. Благодаря нашему общему другу — Анатолию Николаевичу Фурсову, с которым Юра учился в младших классах московской школы № 59 (бывшей

Евгения Федоровна Гаттенбергер. Ейск, 1926 год

Павел, Люба с дочерьми Верой и Надей Бабенко. Ейск, 1935 год

Медвенковской мужской гимназии), мы встретились в майские праздники 2000 года, и мой 94 летний отец кое-что вспомнил из ейской жизни его отца, своего друга Коли Корфа.

Осенью 1922 года Земники купили дом с участком в Ейске, и все переехали в этот дом. Жили большой семьей — Иван Иванович, за которого к этому времени Женя вышла замуж, Люба, Галя, Петя, Лена Земник — племянница Ивана Ивановича. Иван Иванович и Женя часто уезжали на хутор. Старшей в доме была Лена, она выполняла функции казначея. В то время булка хлеба около килограмма стоила 50 копеек. Очень дорого стоило топливо для обогрева дома. Однако ребята не голодали, так как Земники всегда привозили с хутора что-нибудь съестное. Лена первая вышла замуж и уехала из дома, вслед за ней Люба и Галя. Люба вышла замуж в 1923 году за сына портного — Павла Михайловича Бабенко. У них был свой дом и мастерская по пошиву верхней одежды. Галя вышла замуж

за Михаила Ивановича Панасенко, учителя математики местной школы. Петя поехал поступать в Донской сельскохозяйственный институт в Новочеркасске.

Летом 1928 года все немцы и латыши, живущие в с. Воронцовке, были раскулачены и выселены с насиженных мест. Земники оказались в Свердловске — старики Земники, Иван Иванович, Женя, Лена с сыном Костей и маленькой дочкой Джеммой. Жили все вместе в одной комнате. Иван Иванович работал агрономом, Женя — в школе учительницей математики. Иван Петрович Земник и Костя умерли в Свердловске. В конце 1930-х годов Земники переехали в г. Алма-Ату. В Казахстане жилось повольнее и побогаче. Вскоре умерли Лена и мать Ивана Ивановича. Джемма стала жить в семье Ивана Ивановича и Евгении Федоровны Земник как родная дочь. Она поступила учиться в железнодорожный институт, эвакуированный во время войны 1941–1945 годов в Алма-Ату из Ленинграда. Закончив его в 1946 году, она распределилась в г. Ригу, куда через 10 лет переехал Иван Иванович с женой.

Немцы из Воронцовки были выселены главным образом в Северо-Восточный Казахстан. Воронцовка перестала существовать. В 1952 году мой отец был в Ейске и его окрестностях. Воронцовка была пуста, церкви, школа и дома были разрушены. Земля, которая недавно давала богатейшие урожаи, превратилась в целину.

Новочеркасский сельскохозяйственный институт. Жизнь на хлопковой станции в Средней Азии

В 1923 году Петя поступил в Новочеркасский сельскохозяйственный институт, на агрономический факультет. Направление в институт он получил от Ейской станции, где за год до этого работал сторожем опытного огорода. Документа об окончании средней школы у него не было, он сдавал вступительные экзамены, получив по алгебре — 5, геометрии — 5, русскому языку — 4, физике — 5, политграмоте — 3 (не знал, кто такие декабристы). Он не был комсомольцем и поэтому стипендии не получал. 10 рублей в месяц ему исправно высылала Женя. Она была единственной, кто ему помогал. До Рождества 1924 года отец жил у тети Пани, после Рождества снимал комнату вместе с Григорьевым, приехавшим учиться в тот же институт из Ейска. У тети Пани обедал, помогал по хозяйству, приносил воду, подметал улицу, двор. На втором курсе ребята снимали комнату уже вчетвером, все были студентами разных институтов. Перед окончанием института некоторое время отец снимал комнату вместе с Иваном

Ивановичем Земником, поступившим учиться в тот же институт. Третий курс прожили в филиале института в с. Персиановке, там была общая спальня, столовая с бесплатным питанием. Так же бесплатным было и обучение в институте. Учебники брали из библиотеки. Покупали только тетради, ручки и карандаши. У отца были единственные ботинки, один костюм на все случаи жизни. Учились главным образом юноши. Девушек было мало. Контингент учащихся разнообразный — молодежь из окружающих сел и станиц, но были и русские, приехавшие с севера.

Ярким воспоминанием остался приезд в город В. В. Маяковского в 1924 году. Он выступал в Политехническом институте перед студентами. Отец вспоминал, как он прекрасно читал свои стихи, рассказывал о современной литературе, отвечал на многочисленные вопросы.

Практику студенты проходили в Персиановке, в подсобном хозяйстве института. Раньше здесь размещался сельскохозяйственный техникум. В 1926 году отец уехал на производственную практику в Андижан (где жила сестра Оля). Ехал через Баку, затем пароходом до Красноводска и потом поездом до Андижана. На практике работал на хлопкоочистительном заводе, заведовал сортоиспытательным участком (было высеяно 10 сортов). Надо было эти сорта описывать, отмечать особенности роста каждого. Жил в селении Уч-Курган с рабочими в общежитии, иногда по воскресеньям приезжал к Оле (4 остановки на поезде). Оля жила хорошо, не работала. Муж, практикующий врач в г. Андижане, смог ее вполне обеспечить. Юре, ее пасынку, было в это время около 10 лет. Оля хорошо играла на фортепиано, рисовала, устраивала выставки (акварель, масло) в местном клубе. В конце 1926 года отца пригласили работать на хлопковую селекционную станцию под г. Ташкентом.

Летом 1927 года на три недели к сестре Оле и к отцу приезжала Женя. На лошадях они ездили в горы, любовались местной природой, знакомились с жизнью узбеков. Отец навсегда полюбил этот край. В декабре 1927 года он защитил диплом об окончании Новочеркасского сельскохозяйственного института в г. Ташкенте, получив звание ученого агронома. Из Новочеркасского института ему прислали подробную справку о прохождении учебы с оценками. О том, что диплом можно защитить в Ташкенте, отца надушил его непосредственный начальник — Сергей Васильевич Булгаков, начальник одного из отделов сортоиспытательной станции. Отец был его помощником, имел в Узбекистане уже постоянную работу. Позже С. В. Булгакова, по настоянию Т. Д. Лысенко, уволили со станции без права поступления на работу в организации, связанные с селекционной агрономией. Темой дипломной работы отца было «Значение влаги в почве для растений». Основные опытные работы были выполнены в Новочеркасске. Отец сам бурил скважины, отбирал образцы, взвешивал их, высчитывал влажность, обобщал данные. Эти работы проводились посезонно, занимали много времени и сил. Впо-

следствии, когда он работал на целине, его исследования оченьгодились для практики.

Директором Хлопковой селекционной станции был Г. С. Зайцев, серьезный ученый, прекрасный специалист по хлопку, друг Н. И. Вавилова. Отец работал разъездным инструктором-агрономом, ездил в Таджикистан, Киргизию, Самарканд, Андижан и другие места. Он фотографировал посевы хлопчатника, вел наблюдения за сортами, затем на станции делал сообщения. Тогда же познакомился с проблемами генетики, селекции, скрещивания, отбором гибридов, был автором нескольких сортов хлопчатника.

В 1928 году отец был на Гянджинской селекционной станции (под г. Баку), где работал научным сотрудником Т. Д. Лысенко. Цель проводимых Т. Д. Лысенко работ состояла в выведении новых сортов поливного хлопчатника и других сельскохозяйственных культур в условиях Закавказья (в Азербайджане, Грузии и Армении). Т. Д. Лысенко вывел два новых сорта хлопчатника, которые впоследствии (в начале 1950-х годов) культивировались на Украине. Отец лично разговаривал с Т. Д. Лысенко. Впечатление отца о встрече с будущим академиком ВАСХНИЛ было самое банальное, в целом «никакое» (как он сам рассказывал). Т. Д. Лысенко был средним, неинтересным собеседником, даже о своих питомцах — новых сортах растений — он говорил вяло, без энтузиазма.

Осенью 1928 года, будучи в командировке в г. Алма-Ате, отец был свидетелем отъезда Л. Д. Троцкого за границу. На железнодорожном вокзале города играл оркестр, было много народу с флагами, произносились речи. Л. Д. Троцкого посадили в поезд на Ташкент, а затем выслали за пределы страны.

Во время подготовки диплома отец жил в г. Ташкенте, в семье Василия Васильевича Кошурникова, брата Сергея Васильевича, мужа Оли. Кошурниковы приехали в Среднюю Азию из России вслед за Скобелевым, присоединившим районы Ташкента, Андижана и Ферганы к России в 1878–1880 годах. У Кошурниковых был хлопкоочистительный завод, до 1914 года хлопок-сырец вагонами отправлялся в Варшаву на текстильные фабрики (был даже прямой поезд Андижан—Варшава). Именно в это время (начало XX века) в г. Иванове были построены текстильные фабрики, работающие на узбекском хлопке. Защитив диплом, отец занял место начальника отдела Хлопковой сортоиспытательной станции.

Летом 1928 года из Москвы на станцию приехала Анна Юрьевна Бартенева, внучка известного русского историка, издателя журнала «Русский архив», вместе с новым директором станции Ф. М. Мауэром, назначенным после смерти Г. С. Зайцева. Аня была толстущкой-хохотушкой, хорошо знавшей французский и английский языки, печатала на машинке. В Москве она жила с мамой, Надеждой Степановной Бартеневой, и работала секретарем-референтом в Главном хлопковом управлении (Армянский пе-

реулук, дом 2). Ф. М. Мауэр уговорил Аню поехать на хлопковую станцию в Ташкент из голодной и холодной Москвы. Аня согласилась, она стала работать научным секретарем станции — делала переводы из иностранных журналов, вела переписку, главным образом с американскими учеными, печатала на машинке. Ее рабочий стол стоял в общей комнате с другими сотрудниками, т. е. она почти три года сидела в одной комнате с отцом. Вечером, после работы, они играли в теннис (отец в первый раз взял в руки ракетку), иногда вместе ездили по полям, были в гостях у Кошурниковых в Андигане. В 1930 году после поездки в хлопковый колхоз Пахта-Орал в Голодной степи Аня заболела брюшным тифом. Она пролежала в Ташкентской больнице полтора месяца.

Петр Федорович Гаттенбергер.
Ташкент, 1928 год

Анна Юрьевна Бартенева

Через день отец приезжал в больницу сдавать свою кровь для инъекции больной. В ноябре 1930 года из Москвы приехала сначала Ирина Юрьевна Житкова — сестра Ани, а затем и Надежда Степановна Бартенева — ее мама. В конце года началась «перестройка» на станции в связи с созданием Хлопкового института в г. Ташкенте. Станция была закрыта. Решили все вместе ехать в Москву, там сыграть свадьбу Пети и Ани и жить в Москве.

Работая на хлопковой станции, отец встретился с приезжавшим в Среднюю Азию в конце 1920-х годов Н. И. Вавиловым. Отец оставил нам свои воспоминания о нем:

«Мои воспоминания о Николае Ивановиче Вавилове относятся ко времени его пребывания в Ташкенте на Туркестанской селекционной хлопковой станции, о которой, насколько мне известно, написано немного. Начальником Туркестанской станции был Г. С. Зайцев, по согласованию с которым Н. И. Вавилов и приехал в Ташкент в конце лета 1928 года. Среди сопровождавших его лиц был агроном Г. Гейер, хорошо знавший меня по Ейску. Благодаря ему и Г. С. Зайцеву я был рекомендован Н. И. Вавилову в качестве помощника в период его пребывания на станции. О том, что мне предстоит помогать Николаю Ивановичу, я узнал еще до его приезда, когда весной 1928 года был на одном из сове-

щаний в Ташкенте. После совещания так там и остался, готовясь к встрече. Вероятно, немаловажную роль во всем этом сыграло и то обстоятельство, что я был одним из немногих сотрудников станции, имевших к тому времени высшее образование. В связи с тем, что основная литература по хлопководству публиковалась на английском языке, который мною упорно осваивался в течение последних двух лет, я смог помочь Н. И. Вавилову в подборке необходимой литературы по хлопководству, в том числе по специфике развития этой культуры в Средней Азии и соседнем Афганистане. Николай Иванович жил на опытной станции, где ему была выделена комната, а не в гостинице. Нужную литературу для него я частично находил непосредственно в библиотечном фонде опытной станции, но главным образом отыскивал в научном фонде Центральной городской библиотеки Ташкента. Кроме работы с литературой, Николай Иванович живо интересовался и работой самой станции. По его совету сразу после приезда было внедрено одно техническое новшество. По опытным деланкам особо ценных сортов хлопчатника были проложены рельсы, по которым навстречу друг другу перемещались вагонетки, с помощью которых деланки быстро покрывались тонкими металлическими листами, образуя что-то наподобие парника. Их устанавливали в 6 часов вечера и после восхода солнца снимали.

С утра, обычно пешком, мы обходили с Николаем Ивановичем опытные поля. В случае же посещения более отдаленных участков приходилось пользоваться конной пролеткой. Если под Андижаном я наблюдал только за шестью сортами хлопка, то на самой Туркестанской станции их было более трех десятков. Советы Николая Ивановича в меньшей степени касались агротехнических приемов. В то же время при сдаче мною ежегодного письменного отчета по сортоиспытаниям он обратил внимание на необходимость оценки полученного урожая не только и не столько по валовому количеству собранного хлопка-сырца, сколько по количеству и качеству волокна. Я информировал его, что от сортоиспытателей формально требуют отчет с оценкой только количественных показателей, но я по этому поводу написал специальную статью (в журнале „Хлопководство“ она была опубликована в 1928 году), в которой предлагал уделять не меньше внимания качеству полученного урожая. Это он весьма одобрил. Не менее важным Николай Иванович считал оценку самого сортового материала. Помню хорошо, как Николай Иванович положительно отнесся к включению одного из местных сортов в опись селекционных. Хлопковые поля Узбекистана представляли в то время лоскутные одеяла. Каждый хлопковод — владелец того или иного участка — выращивал те сорта, которые ему представлялись наиболее перспективными. Поэтому сортов было множество, и разобраться в качествах каждого было непросто. Ездили мы с Николаем Ивановичем и в Термез, на границу с Афганистаном. Там столкнулись с одной загадкой, на которую он первым обратил внимание. Урожай хлопка в левобережье и правобережье Амударьи заметно

отличались, хотя, казалось бы, выращивались близкие сорта. Он предложил самым серьезным образом обратить на это внимание и постараться эту загадку побыстрее решить.

Расставаясь перед его поездкой в Афганистан, мы с Николаем Ивановичем не говорили о моей дальнейшей работе. Однако позже до меня дошли сведения, что он хотел бы пригласить меня на работу в ВИР (Всесоюзный институт растениеводства). Узнав об этом, я ездил к нему из Ташкента в Ленинград. Он принял меня в своем рабочем кабинете. Мы долго разговаривали. Он расспрашивал о делах на селекционной станции. Говорили и о моем возможном переходе на работу в ВИР. В качестве непременного условия ее осуществления он ставил быстрое овладение мною иностранными языками, так как основная масса публикаций по хлопководству была зарубежной, а ему необходимо было четкое представление о ситуации в мире с этим направлением сельского хозяйства. Я осознавал, что эта задача будет мне не под силу, о чем откровенно сказал ему. Спустя некоторое время я снова побывал в ВИРе. В своем разговоре он опять касался вопроса моего возможного перехода на работу в его институт, однако основной темой в этот раз были наиболее оптимальные подходы к оценке урожайности хлопка, а также выбор сортов, их селекция.

Не помню, чтобы во время совместного общения Николай Иванович интересовался какими-либо другими вопросами, не связанными с делом. В своей деятельности он исходил только из государственных интересов.

Январь 1996 г.»

Жизнь в Москве в период 1931–1941 годов

В первых числах января 1931 года отец со своей невестой — Анной Юрьевной Бартеневой — и будущей тещей — Надеждой Степановной — приехали в Москву. Отец остановился у тети Варвары Николаевны Успенской. К этому времени тетюшку выселили из ее насиженного гнезда (улица Остоженка, дом 6) и поместили в крошечной комнате-купе в здании бывших мастерских во дворе ее же дома. Анна Юрьевна жила вместе с мамой в Денежном переулке, дом 3 в одной комнате площадью 14 кв. м. В соседней комнате жила тетюшка Любовь Степановна Сабо со своей экономкой Верой Алексеевной. Остальные четыре комнаты бывшей бартеневской квартиры занимали соседи, потеснившие прежних хозяев в 1920-е годы.

11 февраля 1931 года состоялась свадьба моих родителей. Они венчались в церкви Сошествия Святого духа, стоявшей на месте теперешнего вестибюля метро «Кропоткинская» и снесенной в 1933 году почти одновременно с храмом Христа-Спасителя. Праздновали свадьбу в квартире

Бориса Михайловича и Ирины Юрьевны (сестры невесты) Житковых на Зубовском бульваре. Борис Михайлович был зоологом, профессором Московского университета, автором многих книг по биологии, и в частности книги «Звери и птицы земного шара», которая до сих пор хранится в нашей семье. Из гостей присутствовали Варвара Николаевна Успенская (тетя жениха), Екатерина Федоровна (сестра жениха) с мужем Алексеем Васильевичем (Горшковы), Коля Корф (друг жениха), Надежда Степановна Бартенева (мать невесты), Любовь Степановна Сабо (тетя невесты), Тоня Гастева (подруга невесты) и хозяйка квартиры. Молодожены стали жить в Денежном переулке, дом 3, в одной комнате с Надеждой Степановной. 28 января 1932 года у них родился первенец — Юра.

Отец начал работать во Всесоюзном географическом обществе, в только что созданном отделе Совстской Азии, в Сибирской секции. Председателем секции был Сергей Владимирович Обручев — сын известного геолога Владимира Афанасьевича Обручева, а ученым секретарем — мой отец Петр Федорович Гаттенбергер. На первом собрании секции выступила И. Ю. Житкова с докладом о необходимости собирать материалы по заготовкам пушнины. С 1931 года в Ленинграде ежегодно стали проводиться международные пушные аукционы, на которых реализовывалось около 70 % всей заготовленной пушнины страны, что приносило большие прибыли. В Сибири издавна был развит пушной промысел. Наиболее ценные шкурки — у белок, куниц, песцов, красной лисицы, горностая, колонка, выдры, зайца-беляка. Охота на самого ценного пушного зверька — соболя — в 1930-е годы была запрещена в связи с резким сокращением его численности. Во время экспедиции надо было собрать сведения по количеству забитых зверьков охотниками, посетить многие пункты заготовки пушнины, собрать сведения о падеже зверей, о количестве волков, медведей и рысей — основных врагов пушных зверьков, составить прогнозы отстрела на будущий год и др.

В сентябре 1931 года отец получил командировочные деньги для поездки в Иркутск. Ехал поездом около 5 суток. Остановился в конторе областного отделения Всесоюзного общества краеведения, познакомился с председателем отделения. Он же был одновременно и начальником областного управления народного образования. Тот пригласил отца к себе домой и спросил его, когда он был в последний раз в Сибири. Отцу была показана маленькая книжка в бумажном переплете, выпущенная в 1923 или 1924 году в Китае, по истории Иркутского края. Там был указан состав правительства Колчака, министром внутренних дел которого был А. Н. Гаттенбергер. Отец сказал, что он в первый раз об этом слышит, и это была правда. Конечно, он догадался, о ком идет речь, но смолчал. В Иркутске и Иркутской области отец собирал материалы по заготовке шкур за предыдущий год. Жизнь в городе была спокойной, налаженной, как будто бы все оставалось по-старому, т. е. магазины и

заводы принадлежали прежним хозяевам, практически революции — переворота — не было, или этого не ощущалось. Отца сильно поразило то, что на базаре продавали «вразвес» мороженое молоко, было много грибов, ягод, орехов.

С 1932 года наметилось новое направление исследований. Впервые было объявлено о проектировании Байкало-Амурской магистрали (БАМа). Надо было собирать сведения о сельском хозяйстве по районам, где проектировались линии новой железной дороги, — о хлебе, овощах, мясном хозяйстве и др. Земледелие возникло в Восточной Сибири в середине XIX века с приездом в эти края русских. Основным занятием местных жителей всегда было оленеводство, пушной и рыбный промыслы. Русское население сеяло главным образом яровую рожь, ячмень, пшеницу (лишь в Южном Забайкалье), овес. Картофель и овощи — капуста, морковь и горох — культивировались в очень небольшом количестве на приусадебных участках. Урожайность зерновых была низкой — 6–7 центнеров с гектара.

В 1932 году отец проехал верхом на лошади от города Богунай через Братск до Усть-Кута. Затем на пароходе доехал до Иркутска. По дороге он вел полевой дневник. Надо было отметить, каковы почва, растительность вдоль дороги, что сажают из зерновых, приходилось много фотографировать.

В 1933 году отец изучал районы Бурятии. Из Улан-Удэ верхом он проехал до городка Наушки, пограничного с Монголией, а затем вдоль р. Джиды, второй по величине реки Бурятии, на Запад через Иркут и Култук приехал в Иркутск. Весь путь он проделал верхом, практически каждый день меняя лошадей, так как их было нечем кормить.

Первым серьезным краеведом Бурятии был сосланный в Селенгинск декабрист Н. А. Бестужев. Вместе с братом М. А. Бестужевым и декабристом М. П. Торсоном он всесторонне изучил край — природные богатства, быт и нравы бурят, памятники культуры и пр., был художником-самоучкой, оставившим после себя рисунки городов Сибири в 1830-х, 1840-х и 1850-х годах. Николай Александрович занимался и сельским хозяйством, вводил новые, неизвестные бурятам культуры — дыни, арбузы, салаты, плодовые деревья и др. Он оставил бурятам изобретенную им печь простейшей кладки (бестужевская печь, или «бестужевка») и удобный простой экипаж — «бестужевская сидейка».

В том же 1933 году после Бурятии отец проехал поездом в Хабаровск, далее на пароходе по Амуру до Николаевска-на-Амуре. Он был во Владивостоке, Благовещенске и Свободном. Город Свободный в 1930-х годах был центром ссылки. Сосланные ходили расконвоированными по городу, без патрулей. (Может быть, поэтому он был «свободный»?) Но покинуть город никто не имел права. Жили ссыльные в бараках, питались в общественной столовой. Среди них преобладали пожилые люди, были и глубокие старики.

В 1934 году отец совершил путешествие от Сквородино на север через золотоносные прииски Алдана (поселок Томмот) до Якутска. Далее по Лене от Якутска он плыл на лодке в теченис двух месяцев один. В Киренске на Лене посетил ссыльного священника из Москвы, который много рассказал ему о сельском хозяйстве края. Обычно отец ночевал в поселках на Лене, но иногда ему приходилось ночевать в лодке, не выходя на берег. Местные жители говорили ему, что ночью из лодки вылезать нельзя, иначе могут загрызть звери.

По завершении экспедиционных поездок исследователи делали в Географическом обществе сообщения. Обычно собирались на Софийской набережной в доме 38, центральном «штабе» краеведения. Небольшие статьи о путешествиях отца печатались в журнале «Советское краеведение» в 1933–1935 годах. В начале 1935 года в Доме ученых отец сделал доклад о собранном материале для проектировщиков БАМа. Готовилась к изданию книга об исследованиях вдоль трассы БАМа, редактором которой был С. В. Обручев. Но книга так и не вышла в свет.

Одно из запомнившихся событий этого периода — это обыск на квартире в Денежном переулке. Это было в феврале 1933 года. Поздно вечером, уже в двенадцатом часу, в дверь постучали. Стучал дворник, он сообщил подошедшей Надежде Степановне, что есть срочное дело. Она открыла дверь. Вошли двое в шинелях, молча прошли в комнату, где спал маленький Юрочка. Дома были все члены семьи — Анна Юрьевна и Петр Федорович. Вошедшие стали что-то искать — они брали книги и вытряхивали из них на пол заложенные листочки, письма, закладки, затем бросали в сторону просмотренную книгу и брали следующую. На вопросы — что вы ищете? — они не отвечали и методично продолжали начатую работу. В книгах они ничего не нашли, но забрали все кольца, кулоны, бусы, часы, табакерки с туалетного столика и из внутренних шкафчиков стола. В общем, они забрали все ценные вещи. Теперь ходить в Торгсин, чтобы менять драгоценности на продукты для ребенка, было не с чем. Через несколько дней после обыска отца вызывали в КГБ, на Лубянку, спрашивали о семье Гаттенбергеров и Бартеневых, где работал его отец, дед, братья и другие. Отец ответил, что он сирота, родственников у него нет.

Другим запомнившимся событием 1935 года был арест Гаттенбергеров, живших в Ленинграде. После убийства С. М. Кирова в декабре 1934 года начались массовые аресты. Арестовали жену и детей Бориса Петровича Гаттенбергера, ротмистра Добровольческой армии, погибшего на Северном Кавказе. Сыну Бориса Петровича Всеволоду было 22 года, он работал коллектором в Геолого-разведочном институте (ныне ВСЕГЕИ) в Ленинграде. Мой отец однажды на одном из заседаний Географического общества встретился с ним. Всеволода с матерью и сестрой сослали в г. Бугуруслан. В 1938 году при повторном аресте он был расстрелян.

Ольга Петровна, ее сын Андрей, Екатерина Петровна, Эля, Всеволод и их мама Елена Владимировна Гаттенбергеры. Ленинград, 1925 (?) год

С лета 1935 года отец перешел работать в Главное управление хлопководства Наркомата сельского хозяйства. Он часто ездил в командировки, посещал опытные хлопковые станции в Средней Азии, Закавказье и на Северном Кавказе, занимался внедрением новых сортов хлопчатника, в частности сортом 1306 Шредера в условиях Северного Кавказа. Этот ранний сорт давал урожай около 30 ц с гектара и был весьма перспективным для климатических условий юга России.

1 августа 1939 года (в день рождения его второй дочери Нади) торжественно открыли Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства в Москве, открывал ее В. М. Молотов. За оформление павильона «Хлопководство» отец получил серебряную медаль.

Петр Федорович — участник Великой Отечественной войны

В связи с тем что отец занимался хлопком — важнейшим материалом для изготовления пороха, ему дали бронь. Однако в августе 1941 года он был вызван в военкомат (улица Остоженка, дом 1) и призван в армию. Предъявив документ о призыве в Министерство сельского хозяйства СССР, отец явился на сборный пункт новобранцев на площадь перед бывшим храмом Христа-Спасителя. Это было 20 августа. Стояла теплая погода. На отце была старенькая шинель гимназиста и за плечами рюкзачок. Колонна новобранцев двинулась на восток по Владимирской дороге. По пути, про-

ходя мимо Салтыковки, он забежал домой, где мы жили на даче (3 линия, дом 57). Он успел только расцеловать нас и быстро ушел из дома. Идти было легко. Руки свободны. Вместе с ними двигались грузовые машины, на которых располагались походные кухни. На привалах под открытым небом новобранцев кормили три раза в день. Ночевали в деревнях, устраивались на полу в избах по 3–5 человек. До Владимира шли три дня. Там отец зашел на квартиру, где жила в ссылке Татьяна Петровна Вельяшева-Бартенева, но ее уже там не было. Срок ссылки закончился. Она поселилась в Подмоскowie, на даче художника С. В. Иванова, в 60 км от Москвы по Савеловской железной дороге.

Через неделю отряд новобранцев пришел в пункт назначения — село в пригороде г. Горького (Нижегного Новгорода). Всех распределили по квартирам, выдали обмундирование. Каждый день за селом проходили учения. Научили обращаться с винтовкой, ходить в атаку. Учение продолжалось недолго — две или три недели. Затем солдат-пехотинцев посадили в поезд и повезли на фронт. Доехали до г. Тихвина, там перешли по льду реку Волхов на левый берег и прибыли в распоряжение командира полка. 31 декабря 1941 года отец был ранен «кукушкой» — немецким снайпером, сидевшим на дереве. Русские солдаты прочесывали лес на левом берегу Волхова. Местность была заболочена. Росли редкие хвойные деревья. В густых еловых ветвях на высоте около трех метров сидел немецкий снайпер. Именно он и выстрелил в отца. Пуля попала в левую руку ниже локтя. Эта рука была вытянута вперед и поддерживала винтовку, готовую выстрелить. Отец закричал. На его голос прибежало человек пять солдат. Они окружили дерево и заставили слезть «кукушку». Отец рассказывал, что боли в руке он не ощущал, но рука повисла как плеть, держать винтовку он не мог. Самостоятельно дошел до ближайшей деревни, расположенной в 3–4 километрах. В ней находился полевой медицинский пункт. Там его осмотрели, выпоров рукав шинели, перебинтовали и оставили в избе до прихода машины, которая отвезла его в другой медпункт, где рану обработали, вынув оттуда деревянные щепки от приклада винтовки. Кость руки была раздроблена.

Отца отправили в медпункт, расположенный на железнодорожной станции. Человек 10–15 раненых погрузили в спецпоезд с красным крестом и повезли на восток. Поезд был обычный, плацкартный. Отец лежал на нижней полке, а тяжело раненных, которые не могли ходить, размещали на верхних полках. Раненые ехали в верхней одежде, в ботинках или сапогах, так как сами ни раздеться, ни одеться не могли. Отец спал на какой-то подстилке, прикрытой солдатским одеялом. Раненых обслуживали трое мужчин-санитаров. Они разносили пищу, при необходимости давали лекарство или вызывали врача. В поезде было тепло, достаточно просторно. Ехали дня три-четыре, через Вологду, откуда отец отправил письмо в Москву. Близ г. Кирова состав остановился в маленьком

городке Омутнинске. Прибыли около 100 человек раненых. Госпиталь был организован в школе — каменном двухэтажном здании. Классы превратились в палаты или операционные. В палате отца было около 20 кроватей. Соседями были только ходячие солдаты, которые могли сами себя обслужить. Офицеры лежали в «офицерской» палате. Тяжело раненные располагались отдельно, на втором этаже. В палатах было тепло и чисто. Медицинский персонал состоял из ленинградцев, а обслуживающий персонал — из местных. Врач, который лечил отца, был коренным ленинградцем, имел высокую квалификацию. Очень симпатичный уже молодой мужчина. Вечерами врач присаживался на краешке кровати отца, и они вели длинные разговоры, причем о политике, о положении на фронте почти не говорили. Их беседы касались истории России — о деятельности Петра I, отмене крепостного права и т. д. Политинформации в госпитале не проводились, радио в палатах не было, газет больным не приносили. Уход за ранеными был хороший, кормили сытно. Медицинский персонал работал добросовестно. Отец пролежал в госпитале до конца июля 1942 года. У него долго не действовал большой палец левой руки, но постоянной тренировкой, методику которой разработал лечащий его врач, он заставил палец двигаться.

Итак, в июле 1942 года отец был выписан из госпиталя и отправлен в пригород Кирова, где формировалась артиллерийская дивизия. Офицеры, в основном молодые ребята, только что закончившие училище в Новосибирске, еще не успели побывать на фронте. Отец был назначен командиром первого орудия первой батареи 101-го артиллерийского полка и получил звание сержанта. Он прослужил в этом полку до конца войны. Орудийный расчет состоял из семи человек: командир орудия, один наводчик, четыре заряжающих и один человек управлял лошадьми. Отец командовал минометным расчетом. Само орудие с диаметром ствола 76 мм весило около 100 кг, подставка к нему — около 50 кг, снаряды к миномету были также тяжелыми. В батарею входило 5 орудий, которыми командовал офицер. Он производил расчеты установки минометов, высоту отклонения вправо или влево от центра. Учение продолжалось три месяца (август-октябрь 1942 года).

В начале ноября дивизия пересхала на фронтовую позицию к северо-западу от Сталинграда. 19 ноября началась Сталинградская битва. Орудия располагались по фронту на расстоянии 10 метров друг от друга. Всего их было около трех тысяч. Вражеские окопы были практически стерты с лица земли, и ни одного человека там не должно было бы остаться. Три дня без перерыва длился артиллерийский обстрел. С тех пор день начала наступления под Сталинградом был объявлен Днем артиллерии.

За участие в Сталинградской битве отец получил первый орден Красной Звезды и звание старшего сержанта. Эту свою первую награду отец заслужил за успешные самостоятельные расчеты для производства стрель-

бы. За участие в Сталинградской битве он получил и соответствующую медаль.

Немецкие войска, дислоцированные в западной части Сталинградского кольца, стали отступать к Дону. Основная же армия под командованием Паулуса осталась в котле и была пленна только в начале февраля 1943 года. Артиллерийский полк, где служил отец, вместе с другими войсками преследовал отступающих немцев.

На протяжении всего 1943 года батарея двигалась на запад. Летом пересекли железную дорогу, ведущую в любимый Новочеркасск, затем двигались по Южной Украине. Новый 1944 год встретили в Днепропетровске. Весной 1944 года пришли в Измаил (на Дунае). Летом 1944 года их дивизия была переброшена на Карельский фронт. Воинское соединение, в котором служил отец, подчинялось непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования, поэтому их часто перебрасывали на участки, где готовилось наступление. Около 6–7 тысяч солдат и офицеров вместе с минометами и лошадьми погрузили в поезда и направили на Карельский фронт через Москву в Ленинград. Отец сумел несколько часов побыть дома. Не доезжая до Ленинграда, поезда с войсками и техникой были направлены к Ладожскому озеру. К этому же времени подошла с севера пехота, обозначив линию фронта. К артиллерии был прикреплен авиационный полк. Самолеты разведывали местоположение противника и сообщали его координаты. Финны не могли оказать серьезного противодействия, и фронт быстро перемещался к северу. Осенью 1944 года в северные порты пришли пароходы с американской техникой. Минометы погрузили на «студебеккеры». По завершении Карельской операции войска перебросили в Венгрию. К Будапешту подошли на машинах. На одной машине, кроме орудия, размещались снаряды к нему и 7 человек команды. Среди военных эпизодов этого времени отец любил вспоминать случай с пленными. Однажды по дороге в Венгрию дивизия обогнала колонну пленных молдаван, которых немцы гнали в Германию. Командир полка отобрал оружие у немцев, пленил их, а молдаванам скомандовал разойтись по домам.

Серьезным препятствием для продвижения наших войск на запад был Будапешт. Полк, в котором служил отец, стоял на левом берегу Дуная в сельской местности. Осада города длилась около двух месяцев. По донесениям разведки орудия стреляли по целям, и сразу же меняли дислокацию, иначе они могли быть разбиты ответными снарядами. Однажды в ноябре 1944 года отряд немцев, отступая из города, ночью наткнулся на спящих минометчиков, среди которых был и отец. 12 наших солдат погибло при перестрелке. Будапешт был взят 13 февраля 1945 года. За участие в этой операции отец был награжден орденом Отечественной войны и медалью «За взятие Будапешта».

Из Венгрии дивизия двинулась в Австрию. Серьезных боев в это время уже не было. Весной 1945 года отец находился в пригороде Вены.

Он жил в каменном доме. Хозяева дома — пожилая пара, относилась к русским солдатам хорошо. В доме стояло пианино, работал водопровод, было электричество. Хозяева всегда были аккуратно одеты. Всюду были чистота и порядок. Из Австрии отец прислал нам в Москву две посылки с тканями. В Венгрии и Австрии многие магазины были открыты и брошены хозяевами. Можно было взять в них что угодно. На почте бесплатно принимались посылки. Надо было только упаковать вещи и написать адрес.

8 мая было объявлено об окончании войны, и с этого дня уже ни один выстрел не сопровождал отца. Летом 1945 года отец вернулся домой. В первую очередь под демобилизацию попадали лица старше 40 лет. Отцу было 39 лет, но по документам он стал на один год старше и поэтому вернулся домой одним из первых.

Сохранились воспоминания отца о войне, написанные им специально для внуков. Вот они.

**ЭПИЗОДЫ ИЗ ВРЕМЕНИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941—1945 ГОДОВ**

31 декабря 1941 года днем шли цепью в двух-трех метрах друг от друга, прочесывая лес. Как вышли на опушку — открытое место, — раздался выстрел и пуля противника попала мне в левую руку. Немного полее, и она попала бы в грудь, а может, и в сердце. Выстрел был сделан «кукушкой» — так тогда называли человека, сидящего на вершине дерева с винтовкой и охранявшего передовую позицию. Я повернулся и ушел в лес. Через некоторое время, часа через два, наши солдаты возвращались на свои позиции и вели пленного немца. Это был тот, который сидел на дереве и стрелял в нас. Наши солдаты окружили опушку и, я не знаю как, но сняли живым «кукушку». Я увидел того, кто стрелял в меня. Этот случай был в Новгородской области (Ленинградское направление).

Ночь я провел на снегу около полевой кухни, а утром пошел (был еще один раненый) в деревню, где находилась санчасть полка.

В госпитале, в Кировской области пролежал пять с половиной месяцев, пока срослась кость руки. В конце июля выписали и направили в тыл. Там шло формирование артиллерийской дивизии. Я стал минометчиком, был распределен в 101-й минометный полк с крупнокалиберными минометами (диаметр мины-снаряда 76 мм).

2

Лето 1943 года. Юг Украины, голая степь. Нас шло трое: полковой врач — женщина, командир батареи и я — командир 1-го орудия этой батареи. На перекрестке дорог остановились, обсуждая, куда дальше идти. Над нами пролетел самолет и сделал три выстрела. Мы увидели около своих ног по ямке, пробитой пулей. Немного в сторону, на 10–15 см, и пуля попала бы мне в голову.

3

Лето 1944 года. Молдавия. Самолеты противника в течение почти часа днем регулярно, по одиночке, летели в одном направлении над нами в тыл фронта, примерно через 2–3 минуты один за другим. Обратного возврата их не наблюдалось — очевидно, возвращались другой дорогой. Я сидел около ручья в кустарнике, и мне пришла в голову мысль, а может моя пуля попадет в самолет? Прицелился и выстрелил. Попала моя пуля в самолет противника или нет, я не знаю, он пролетел дальше. А следующий самолет противника, летевший по тому же маршруту, выстрелил, и разрывная пуля, ударившись о ветку кустарника, разорвалась, осколок пули ранил меня — разорвал кожу на правом виске, чуть выше уха. Если бы осколок пролетел на 0,5 см левее, то пробил бы мне череп. Я получил легкое ранение, мне обвязали голову бинтом и оставили в строю. А зам. командира полка, подполковник, расспросив меня, сказал: «Реакция у летчиков очень быстрая, связь между самолетами хорошо работает».

4

Конец лета 1943 года. Южная Украина. Около г. Измаила был налет авиации противника. Бомбежка уже шла передовой линии и приближалась к нашей линии, где стояла артиллерия. Раздалась команда: «Ложись». Мы, солдаты, знали, что такую команду обязательно надо выполнять, так как у оставшихся стоять больше шансов на то, что осколок разорвавшейся где-то близко бомбы может уничтожить человека. Я лег на живот у толстого дерева, быстро разгреб руками мусор и землю для головы, уперся затылком в дерево и услышал, что близко разорвалась бомба. Ее осколок разрезал часть дерева над моей головой — выше ее на ладонь (10–15 см). Если бы я не успел спрятать голову в землю, и она находилась бы просто на земле, то меня в живых бы не было. По дороге, метрах в десяти от меня, шел молодой лейтенант, не из нашей части, он не лег на землю. Осколок бомбы его убил сразу.

5

Начало лета 1944 года. Молдавия или Румыния. Точно не помню. Гористая местность. В горах лес лиственный. Армия шла в наступление, передовики перешли небольшую речку и поднялись на гору. Артиллерия шла следом и избрала позицию у основания горы, чтобы мины, летевшие сразу вверх, не задели за деревья. Я был старшиной батареи, командиром орудия назначили моего бывшего наводчика. На склоне горы, среди кустарников и мелких деревьев, сразу начали копать ямы и для себя, и для лошадей. Вскоре подъехал верхом майор с сопровождавшим его охранником, мы очень скоро услышали приближение авиации противника. Я сразу крикнул: «По ямам», а майору показал рукой, где была свободная яма.

Налет закончился. Несколько бомб разорвалось около нас. Я сидел в яме. Когда самолеты улетели и стало тихо, я вышел посмотреть и... ужас! Вблизи моей ямы бомба прямым попаданием попала в яму, где стояли лошади. Их было четыре. Две моих — возили кухню, и две — майора. Лошади все погибли, не уцелели и два солдата, которые спасались в этой же яме. Майора не видно. Я стал кричать: «Товарищ майор!!!» и вскоре он показался из леса. Я сразу доложил ему: «Вам придется возвращаться в штаб одному и пешком». Мы вместе прошли к нашим орудиям. Туда одна бомба также упала, и трое солдат были убиты, а один ранен осколком. Минометы не повреждены, лошади целы. Майор сразу ушел в тыл, в штаб полка, а я взял лошадь из батареи, запряг ее в повозку, положил в нее продукты, посадил раненого солдата и поехал в тыл. Походная кухня была сильно повреждена. Сдал раненого. Начал разгружать продукты, а командир полка приказал: «Туда не возвращайся, батарея вернется сюда».

6

Летом 1943 года командир полка приказал мне, а я в это время был командиром орудия, выехать вместе с ним. Отъехали от расположения батареи на один (?) километр на опушку леса. Место для орудия определил он, дал данные по наводке на цель и уехал, сказав: «В твоём распоряжении после шестого выстрела миномета может быть полторы минуты, а позже может последовать ответ противника». Я собрал свой «наряд» — нас было шестеро: командир орудия — я, наводчик, заряжающий, два подносчика снарядов и возница, управляющий лошадьми, которых было две. Я объявил нашу задачу — сделать подряд шесть выстрелов из миномета (это займет тридцать секунд) и сразу положить орудие на повозку и отъехать от места стрельбы хотя бы на 100–200 м. Мы так и сделали.

Все прошло благополучно. Потом мне приказывали проделывать такую операцию пять раз в разных местах. Позже объяснили — это называется «кочевое орудие». Такую тактику применяют для обмана противника, чтобы показать (своими выстрелами) якобы место расположения батареи. По расчетам офицеров можно определить местонахождение и дать ответный огонь за полторы минуты. Именно поэтому мне, как и другим «кочевым орудиям», было дано указание за полторы минуты провести стрельбу и успеть отъехать от места.

Всего за конец 1943, по лето 1944 года я провел пять таких операций. И только один раз противник успел открыть по нас ответный огонь. За успешное проведение таких операций я был награжден вторым орденом «Красной Звезды».

День артиллерии войска ежегодно отмечают 19 ноября. Я принимал участие в создании этого «дня» самым непосредственным образом. Как? Поделюсь воспоминаниями.

В августе 1942 года меня выписали из госпиталя, где я пролежал без малого полгода, в Кировской области, в верховьях р. Камы. С большой группой таких же солдат был направлен в село (название не запомнил) той же области и был определен в 101-й минометный полк. Рядом, в том же селе формировался 103-й минометный полк. Позже я узнал, что в армии, и в российской (до 1917 года), и в советской, самым крупным артиллерийским соединением был полк. В 1941 году, в начале Великой Отечественной войны, в Генеральном штабе решили создать свою артиллерийскую дивизию.

В 1942 году ее начали создавать. Первая, наша артиллерийская дивизия не была закреплена за каким-либо фронтом и не входила в состав какой-либо из армий, а находилась в РГК — резерве главного командования. Потом стало понятно, почему нас за время войны постоянно перебрасывали по различным фронтам. Мы были на Южно-Украинском, Центральном и в Карелии.

Сентябрь и октябрь 1942 года полк проходил учения. Офицеры до лейтенанта и старшего лейтенанта были молодыми, только что выпущенными из военных училищ. В нашей батарее все трое офицеров были выпускниками Новосибирского училища. А солдаты были, наоборот, старшего возраста, от 1906 года рождения и старше.

В первых числах ноября 1942 года вся дивизия погрузилась в эшелоны, в товарные вагоны, и уехала. Сначала ехали в сторону центра, а потом повернули на юг, и только когда на станции Грязи (?), не доезжая с севера до Воронежа, повернули, я понял, что едем к Царицыну, уже переимено-

ванному в Сталинград. Сталинград в то время был окружен немцами. Шла оборона Сталинграда. Наша Первая артиллерийская дивизия заняла позиции севернее Сталинграда на расстоянии 15–18 км от города, заняв линию около 1 км по фронту. Расстояние между стволами орудий было 10 метров для прорыва обороны противника. 19 ноября рано утром, только взошло солнце, вся дивизия залпом выстрелила и потом еще около часа продолжала стрельбу по окопам противника. Днем мы поднялись и пошли вперед вслед за танками. Я видел те окопы передовой линии противника, по которым мы вели огонь. Вид ужасный. Не было пятна на земле без следа взрыва снаряда. Живым никто не мог остаться.

Командовал артиллерией прорыва генерал-полковник Генерального штаба Н. Н. Воронов. Так был учрежден «ДЕНЬ АРТИЛЛЕРИИ».

Мой отпуск во время войны. Летом 1944 года наша артиллерийская дивизия перемещалась из-под Измаила (Южная Украина) в Финляндию, поезд шел через Москву по окружной дороге. Мне по моей просьбе был дан отпуск на одни сутки. В Москве на Окружной Рязанской я вылез из товарного вагона и приехал городским транспортом на улицу Веснина, дом 3. Это было днем. Входя в ворота я увидел свою супругу Аню. Она шла по двору от меня (от ворот) к нашему дому. Я крикнул — она обернулась, и мы сразу обнялись. Мы не виделись с 20 августа 1941 года... Прошло 34 месяца.

Я привез домой кое-что из съестного, что удалось взять из походной кухни. Помню, что было две буханки черного хлеба, пачка сахарного песка, пачка какой-то крупы и бутылка постного масла. К вечеру собрались все: Юра, Нина, Надя. Мы сели обедать-ужинать. Как я был обрадован, наблюдая, с каким удовольствием дети ели мягкий хлеб и пили чай с сахаром!

На следующий день утром я уехал из дома и добрался до окружной дороги у поворота на Октябрьскую железную дорогу. На станции подошел к окну военной кассы и спросил офицера: «Куда проследовал вчера поезд с артиллерийским полком?» Сразу получил ответ. «Как отстали — так и ищите». Я ответил: «Я не отставал» и показал бумажку, подписанную командиром полка и написанную мною от руки. В ней было сказано «...найти в Москве гражданина...» Не помню, какая была написана фамилия. Офицер прочитал и сказал: «С таким удостоверением можно прожить в Москве до конца войны», а затем сказал, как следовать за нашим воинским эшеленом. Я ехал двое суток на попутных поездах до Ленинграда. Там пересел на местный пригородный поезд и нашел свой полк. Прошло все благополучно. А после узнал, что были случаи в других полках нашей дивизии, когда кто-то не вернулся, так как не нашел свою часть.

Семья Петра Федоровича в период Великой Отечественной войны

О начале войны 22 июня 1941 года первым узнал отец. В выходной день он был на рынке на станции Салтыковка под Москвой и услышал об этом по радио. Наша семья жила в это время на даче между Никольским и Салтыковкой, на 3-й линии, в доме 57. Эта новость произвела впечатление только на родителей. Мы, дети, ничего не поняли, по-прежнему были веселы и счастливы, занимались сбором клубники, играли в свои игры. Только мама стала какой-то грустной, не улыбочливой. На столах и полках террасы появились нарезанные мелкими кубиками куски хлеба для сушки сухарей, которые запрещалось брать. Как и прежде, отец уезжал каждый день на работу в Москву, в Министерство сельского хозяйства, вечером мы бежали за калитку его встречать, он всегда привозил нам что-нибудь вкусненькое. В августе на дачном участке в кустах черной смородины отец вырыл бомбоубежище. Это была маленькая прямоугольная яма-щель, глубиной около 2-х метров с крутыми ступеньками. По бокам ямы были сделаны деревянные полки, на которых можно было спать, сверху яма была закрыта досками и засыпана землей. С августа начались бомбежки. Мы несколько раз спускались в бомбоубежище. Помню, как впереди ночью шла мама, держа на руках спящую двухлетнюю Надюшку, за ней шел брат Юра, неся подушку, одеяло и чайник с водой, затем шла я, тоже с одеялом и подушкой. Мы медленно, под гром выстрелов зениток спускались вниз. Теперь можно было зажечь свечу. Брат тут же засыпал, едва коснувшись полки, крепко спала и сестренка, потом засыпала я, а мама сидела молча, грустно поглядывая на нас. Отца почему-то не было. Он иногда оставался в Москве, так как электрички ходили нерегулярно. А главное, ему надо было рано утром стоять в длиннющих очередях, чтобы купить что-нибудь из съестного. Обычно к утру стрельба заканчивалась. Все, казалось, позади. Ярко светило солнце, во дворе масса интересных дел. Помню, как мы, брат и я, вместе с отцом выходили за калитку смотреть разрушенные дома после налетов. Почти рядом с нами после разрыва бомбы был разрушен дом, и воронка зияла посреди двора. Жители дома не погибли. Во время налета они были в бомбоубежище. Какие-то вещи выносили из-под развалин и складывали в кучу. Плачущая женщина сидела на диване под открытым небом.

Я в свои семь лет не ощущала ужаса войны, по-прежнему у нас, детей, было прекрасное настроение, наши игры продолжались. Брат стал собирать осколки от снарядов. А однажды он нашел (вот радость-то какая!) неразорвавшийся снаряд. Мы его разглядывали, щупали, гладили до тех, пока кто-то из взрослых его не отобрал. Помню хорошо, что по

радио все время о немцах говорили как о зверях, чудовищах, кровопийцах. И я искренне в это верила и рисовала немцев как существ с волчьей головой. Только в 10 лет открыла для себя, что немцы — это такие же обыкновенные люди, что их лица, ноги и руки такие же, как у нас, а не звериные.

Мы долго жили на даче. Привыкли к бомбежкам, в бомбоубежище уже не ходили. В Москву мы перебрались только в ноябре 1941 года, причем мой брат оставался жить с тетей Ириной в Никольском. Наша московская квартира — холодная, пустая, с выбитыми стеклами. Все соседи уехали в эвакуацию. Мы заняли комнату в середине квартиры, принадлежащую писательнице Надежде Александровне Павлович. Наши две комнаты были угловыми и поэтому наиболее холодными. Там, где мы расположились, вскоре появилась чугунная печка-буржуйка, на которой мама что-то готовила. Мы с сестрой подолгу лежали в кровати под одеялами. Мама всегда уходила по утрам и возвращалась с какой-нибудь пищей. Однажды она принесла огромную льдину с замороженными в ней картофелинами. Другой раз она принесла несколько сушек с маком. Они пахли табаком и были жесткими, хрустящими, необыкновенно вкусными. Это Борис Михайлович Житков, муж Ирины Юрьевны, передал их для нас. Помню, что в углу комнаты стояла канистра с олифой, на которой мама жарила картошку и добавляла ее в кашу. Это был подарок Алексея Васильевича Горшкова, мужа Екатерины Федоровны, нашей тети со стороны отца. Они уехали в эвакуацию в Красноярский край, жили на одной из железнодорожных станций между Красноярском и Иркутском, там весной 1944 года Алексей Васильевич был убит бандитами. В 1944 году тетя Катя приехала в Москву одна. Ее комната на Большой Грузинской улице была занята, и она долго скиталась по квартирам знакомых и родственников. Какое-то время она жила и у нас. В 1947 году ей дали комнату на 1-м этаже в доме № 3 по Спиридоньевскому переулку. Там она прожила до своей смерти в 1971 году.

В конце 1941 года мы с сестрой все время сидели дома. К нам приходила девочка из нашего же двора — Валя Фирсова. Мы подолгу играли одни. До бесконечности ставили на патефон несколько одних и тех же пластинок, сохранившихся в доме, разглядывали книги и старые журналы, предназначенные для топки печки. Находили в них очень красивые картинки с совершенно нереальными для нас сюжетами: то это вилла на берегу моря, то какие-то разнаряженные женщины в бальных декольтированных платьях. Помню до сих пор — какая-то дама в шикарной немислимой шляпе с подписью «Шляпа Ван Дейк». О том, что Ван Дейк — это знаменитый художник, а не название шляпы, я узнала много-много позже. Мы вырывали листы из журналов и книг и топили печурку. Как было хорошо, тепло! Бумага горела ярким пламенем, согревая наши озябшие руки. Сколько сгорело журналов Бартевского «Русского архива»! Горели

кресла из красного дерева (горели жарко, хорошо!), кровати, столы, стулья. Надо было выживать, и мы выжили.

Народу в Москве было мало, а детей вообще не было видно. Улицы были неосвещенные, не расчищенные от снега. Мама стала работать дворником. Это давало ей рабочую карточку (600 г хлеба в день), возможность практически быть дома с детьми, а также небольшую сумму денег (200 руб. в месяц). Днем мама расчищала тротуары и проезжую часть улицы, вывозя снег на санках во двор. Мы обычно крутились около нее, помогая, а может быть, и мешая счищать снег. Ночью мама дежурила на крыше нашего дома. Она должна была хватать упавшие на крышу зажигательные бомбы огромными щипцами и бросать их в ящик с песком.

Мама рассказывала об одном забавном случае, случившемся с ней в январе или феврале 1942 года. Однажды, когда она расчищала снег на улице, к ней подошла женщина, плохо одетая, изможденная. Это была Наташа Козлова, мамина одноклассница по Институту благородных девиц. Наташа также осталась в Москве с двумя детьми и работала дворником близ своего дома на улице Кропоткинской (теперь — Пречистенка). Они стали разговаривать по-французски, так как свободно знали этот язык. О чем они говорили? О своих детях, мужьях, о том, как достать кусок хлеба для семьи, о своих подругах. На следующий день маму вызвали в милицию, так как кто-то из прохожих, услышав разговор «по-немецки» двух переодетых шпионок, донес на них в милицию. Но, слава Богу, все окончилось благополучно.

Мы жили на улице Веснина (теперь вновь Денежный переулок), в доме 3, в районе, где не было промышленных предприятий, и поэтому нас бомбили не очень интенсивно. Помню, недалеко от нашего дома, на Арбате, бомба попала в здание театра имени Вахтангова. В старинном красивом доме на Кропоткинской улице обвалился балкон. Было разрушено несколько жилых домов в Саймоновском проезде (близ станции метро «Дворец Советов», теперь — «Кропоткинская»). Восточные районы Москвы подвергались бомбардировке каждую ночь, там были наибольшие разрушения. Ситуация изменилась после разгрома немцев под Москвой в декабре 1941 года. В январе 1942 года в Москве была проведена перепись детей, и всем были предложены места в детские сады или ясли, стали открываться школы. Меня отдали в детский сад, расположенный в бомбоубежище дома артистов (улица Щукина, дом 8А, теперь это Большой Левшинский переулок). Помню, как я пришла первый раз в садик. Меня посадили за стол, где стояло блюдо сметаны и кусок черного хлеба. Я тут же съела все содержимое, не дождавшись команды «Кушайте, дети!». Когда последовала команда, мое блюдо было уже пустое. Воспитательница подошла ко мне и налила еще сметаны к моему большому удовольствию. Мою сестру устроили в недельные ясли в Коробейниковском переулке,

Денежный переулок, дом 3

близ Метростроевской улицы (Остоженка). Только по воскресеньям мама приносила ее домой. Наденька была крепкой, толстенькой и горластой девочкой, которая «своего не упустит». Дома она криком добивалась всего — лучшего куска, игрушки и т. д.

Мне в детском саду очень нравилось. Там было тепло, чисто, сытно, много игрушек. Особенно пришлись по душе музыкальные занятия. Два раза в неделю в садик приходила Татьяна Владимировна — музыкальный работник (как говорили наши воспитатели). Под марш мы проходили в большую комнату, рассаживались на стульчиках и пели. Иногда она проигрывала какие-то песенки на рояле, иногда мы танцевали. Я была в восторге! Можно было даже дотронуться пальцем до клавиш. В нашей группе была очень музыкальная девочка — Нина Бейлина, впоследствии известная скрипачка. Мы готовились к встрече нового 1943 года. Я была Зайцем и с упоением распевала песенку, которую помню до сих пор.

*От медвежонка до лисы
В июле всем нужны трусы.
Зимой приятнее
Штанишки ватные.
Одеть животных кто бы смог
Не очень дорого и в срок?
Кто это я, кто я такой,
Отличный я портной!*

Я приплясывала, показывала зрителям трусики и штанишки для кукол. На празднике была мама. Татьяна Владимировна сказала ей, что меня надо учить музыке.

Наша жизнь постепенно налаживалась. Маме было тяжело. А моя жизнь была интересной, я была сыта и здорова. Не помню, чтобы мы с сестрой когда-нибудь болели во время войны.

Не забуду один эпизод из нашей жизни, который произвел на меня большое впечатление. Летом 1942 года, играя в прятки с ребятами из нашего двора, я нашла в дровах какие-то розовые листочки с текстом, напечатанным на машинке. Я плохо читала, несмотря на свои 8 лет. Но все-таки что-то разобрала, складывая буквы по слогам. «Сда-вайтесь... сопротив-ле-ние бесполезно...» и т. д. Инстинктивно почувствовав что-то опасное, никому не показывая эти листочки, побежала к маме и отдала их ей. Это были немецкие листовки. Мама прочла, спросила, читала ли я (на что я ничего вразумительного сказать не смогла) и показывала ли я это кому-нибудь. Потом она мне спокойно сказала, если я хочу, чтобы мы все остались живы и нас бы не посадили в тюрьму, то никогда никому я не должна об этом рассказывать. Я выполнила наказ мамы и спустя более 60 лет впервые рассказываю об этом случае.

В первый класс я пошла только в 1944 году. Это была школа № 29 (Смоленский бульвар, дом 4). Ее директором была Екатерина Васильевна Мартьянова — заслуженная учительница СССР, депутат Верховного Совета. Она была прототипом героини фильма «Сельская учительница» с В. Марецкой в главной роли. В это время Мартьяновой было около 50 лет. Это была властная, строгая женщина. Мы, первоклассницы, да и, наверное, более старшие ученицы боялись ее панически. Помню, как мы бежали прятаться в уборную, лишь бы не встретиться с ней на лестнице или в зале. Однажды я упала в обморок, когда увидела спускающуюся навстречу директрису. Бежать от нее было некуда. Очнулась я в медпункте школы. У меня остались грустные воспоминания об учебе в первом классе в школе № 29, считавшейся одной из лучших школ Москвы. В нашем классе учились девочки из дома МВД (Смоленский бульвар, дом 22), из дома артистов (улица Щукина, дом 8А), из домов, заселенных семьями военных, расположенных близ Академии им. М. В. Фрунзе. Эти девочки были ухоженные, полненькие, хорошо одетые. Я была в числе замарашек, которых на весь класс было не более трех-четырех. Наша учительница Евдокия Николаевна Юспе уделяла все внимание девочкам из обеспеченных семей. Вскоре я потеряла всякий интерес к школе, выполняла домашние задания кое-как (ведь все равно меня не спросят), несколько раз прогуливала уроки. С теплотой вспоминаю только девочку Маню Бухало. Она жила в конце улицы Веснина, и мы с ней возвращались домой из школы вместе. Она меня покорила своим дружеским отношением. На переменах в уборной мы делали стойки на руках. Надо было, оттолк-

нувшись от пола, закинуть ноги на стену и простоять вниз головой несколько минут. Это был шик! У меня никак не получалось. Тогда Маня стала меня учить. У нее самой получалось отлично! Она приходила ко мне даже домой, и мы, конечно, в отсутствие мамы, с ней тренировались, закидывая ноги на дверь. Она проявляла терпение и настойчивость, доводя дело до конца. Теперь я на уроке физкультуры могла выполнять это упражнение.

Школа привлекала меня лишь тем, что там ежедневно выдавали завтраки — свежий бублик и две ириски.

Первый класс я окончила с тройкой по чтению и четверками по остальным предметам. Со второго класса я училась в другой школе — № 41 на Кропоткинской улице, где ранее размещалась гимназия Поливанова. Там была совсем другая обстановка — демократия и равноправие. Помню, как 1 сентября 1945 года в школу привели девочку в потертой меховой шубке. На просьбу снять шубку, девочка как-то замялась, а ее мать, откинув полу, обнажила голое тело дочки. Оказалось, что они только что вернулись из эвакуации, и у них ничего не было. На вопрос учительницы «Где ваш муж?» женщина с вызовом и в то же время грустно ответила: «Муж объелся груш. Вот где муж!» Девочку общими усилиями одели. Она хорошо училась.

Моя новая учительница Лидия Ивановна была совсем молоденькой, симпатичной, веселой, носила пионерский галстук, так как в школе она была одновременно и пионервожатой. Я любила свою школу, учительницу, подружек. Из троечницы превратилась в отличницу, меня всегда брали в группу ребят, посещавших госпитали. Там мы что-то декламировали, распевали песни, танцевали. После выступлений нас угощали конфетами и печеньем.

Очень важное событие произошло в моей жизни в октябре или ноябре 1944 года. Я была принята в Детский хор Большого театра СССР. Сама труппа театра долгое время находилась в Куйбышеве (Самаре), куда была эвакуирована в начале войны, и вернулась только осенью 1943 года. Стали пополнять труппу театра. Был объявлен конкурс и в Детский хор. Мамина знакомая — Елизавета Ивановна Ильинская — была скрипачкой оркестра Большого театра. Именно она и привела меня на конкурс. Я бесконечно благодарна ей, она изменила всю мою жизнь и, как говорила моя мама, спасла нашу семью от голода. У меня был небольшой детский голосок — сопрано. Мы с Елизаветой Ивановной наскоро подготовили песенку для конкурса. Это была «Птичка»:

*Птичка над моим окошком
Гнездышко для деток вьет,
То соломку тащит в ножках,
То пушок в носу несет.*

*Птичка сделать домик хочет,
И лишь солнышко взойдет
Целый день она хлопочет,
Но и целый день поет!*

Откуда взялась эта песенка — не знаю. Я никогда ее не слышала в чем-либо исполнении.

Конкурс проводил Михаил Юрьевич Шорин, главный хормейстер Большого театра. Это был немолодой, улыбчивый, очень симпатичный мужчина. Он мне очень понравился. Помню, как он с улыбкой и грустью смотрел на меня, тоненькую, плохо одетую дочку солдата-фронтовика и, наверное, думал: «Принять или не принять?» Конечно, хорошего голоса у меня не было, никто не занимался со мною, чтобы как-то его поставить, чтобы развить музыкальный слух, ритмику и т. д.

И вот после второго прослушивания меня приняли в Большой театр. Это было что-то необыкновенное! Помню, как Елизавета Ивановна в первый раз привела меня с братом, только что вернувшимся из эвакуации, в Большой театр на балет «Спящая красавица». Огромный зал, кресла в золоте и красном бархате, музыка Чайковского, выступление балерин на пуантах, прекрасные декорации — все это меня сразило, пленило, перевернуло. Значит, и такая жизнь бывает, а я до сих пор большего счастья, чем сходить в кино «АРС» (на Арбате), и не могла себе представить.

Так я стала артисткой Детского хора ГАБТа, получила рабочую карточку, зарплату в 350, а затем в 450 руб. в месяц (мама, работая дворником, получала 400 руб.). Кроме того, мне полагался буфетный паек. Но, самое главное, — я стала участвовать в спектаклях «Пиковая дама», «Кармен», «Сказка о царе Салтане», «Борис Годунов» и др. Мы также пели, стоя в оркестре, в балетах «Щелкунчик» и «Аистенок», а вскоре я стала исполнять сольную партию Русалочки в опере «Русалка». С моим исполнением она была записана на радио в 1945 году. В 1998 году я слышала по радио трансляцию этой записи.

Наша группа детского хора состояла примерно из 25 человек. Преобладали девочки. Инспектором хора была бессменная Дина Ивановна Шелонина, учителем сольфеджио — Петр Александрович Котов, хормейстером — Михаил Юрьевич Шорин, а в 1947–1950 годах — Лев Александрович Савва. Состав группы был очень пестрый: были дети артистов (Оля Скобцова, Леня Соколов, Мила Госачинская, Аля Майорова, Женя Смирнова, Оля Бугрова, Валерик Куржиямский), были и дети, не имеющие прямого отношения к театру (Майя Волкова, Лида Коняева, Лида Наумова, Женя Розова, Галя Кутузова, Кира Колесникова, Харкевич-Никифоров, я и многие другие, фамилии которых, к сожалению, я уже не помню).

Ф И Л И А Л

Государственного Ордена ЛЕНИНА Академического
Большого театра Союза ССР

Воскресенье 4 ноября 1945 года

РУСАЛКА

Опера в 4 действиях, музыка А. С. Даргомыжского

Мельник . . . . . **Н. Ф. Щегольков**, засл. арт. РСФСР
 Наташа . . . . . **Н. С. Чубенко**
 Князь . . . . . **Г. Ф. Большаков**, засл. арт. РСФСР,
 лауреат Сталинской премии
 Княгиня . . . . . **В. Д. Гагарина**
 Ольга . . . . . **Н. П. Соколова**
 Сват . . . . . **С. Н. Колтыпин**
 Ловчий . . . . . **И. Д. Хапов**
 Запевало . . . . . * * *
 Русалочка . . . . . **Нина Гатенбергер**

В танцах участвуют: **А. Г. Джалилова, С. Н. Звягина,**
Л. С. Литавкина, В. С. Митряева, М. М. Плисецкая

Дирижер—профессор **В. В. Небольсин**, засл. арт. РСФСР
 Режиссер—**В. А. Лосский**, засл. арт. РСФСР
 Режиссер-ассистент—**Н. С. Домбровский**
 Художник—**Ф. Ф. ФЕДОРОВСКИЙ**, нар. художник РСФСР,
 лауреат Сталинской премии
 Танцы поставлены **Е. И. Долинской**, засл. арт. РСФСР
 и **Б. С. Холфинным**
 Хормейстеры—**А. В. Рыбнов** и **А. С. Луковников**

Начало спектакля в 7 ч. 30 м. веч.

Цена 20 коп.

Л137434 Зак. 2309 Тир. 800 Подп. к печ. 29/X-45 г.

Тип. ГАБТ, Петровский пер., 6

Афиша оперы «Русалка»

Нина Гаттенбергер в роли русалочки (опера «Русалка»). Москва, 1948 год

Мальчишки в опере «Борис Годунов»
(первая слева — Нина Гаттербергер). Москва, 1948 год

Мы активно и, конечно, очень субъективно подходили к оценке творчества артистов. Девочки любили С. Я. Лемешева и недолюбливали И. С. Козловского, и все потому, что Лемешев был очень прост по отношению к артистам хора, к нам — детям и к обслуживающему персоналу. А Иван Семенович Козловский всегда старался держаться от нас на расстоянии, перед спектаклем он рассказывал по сцене, не обращая внимания ни на кого, целиком погружаясь в роль. В опере «Борис Годунов» он играл юродивого, все время говорил нам, детворе, чтобы мы отошли от него подальше, чтобы не заслоняли его от публики. А мы, ребяташки, с восторгом исполняли свою роль, ведь надо было дотянуться, чтобы постучать по колпаку юродивого («дзинь-дзинь-дзинь! Эк звонит!»), а потом украсть копеечку и быстро убежать. Но как же это можно сделать, не находясь рядом с ним?! Мы не слушали Ивана Семеновича и однажды чуть не упали на него. У меня есть фотография 1949 года, где мы, в костюмах мальчишек, сняты с Козловским — юродивым. Помню, что на первых репетициях оперы «Борис Годунов», роль юродивого исполнял А. Орфенов. Юродивый Орфенова был худым, измученным, забитым сумасшедшим, который боялся царя, а после произнесения слов «Как ты зарезал маленького царевича» он сам смертельно пугался. Юродивый же в исполнении Козловского был юродивым-фанатиком, который никого и ничего не боялся, он бросал эту фразу («как ты зарезал маленького царевича») как пророк, не боясь царя. Мне кажется, что обе трактовки образа имеют право на существование. Все зависит от собственного понимания этого образа. Конечно, в те годы юродивый Козловского, как глас народа, был более актуален и больше соответствовал настроению страны, только что вышедшей победительницей из войны. Но юродивый в исполнении А. Орфенова мне всегда нравился больше.

Большие споры среди нас, девочек, шли на тему, кто лучше исполняет партию Кармен — В. А. Давыдова или М. П. Максакова. Я предпочитала Максакову, но большинство девочек были за Давыдову. Мы спорили, даже ссорились. Кира Колесникова, самая старшая из нас, авторитетно заявляла, что лучше Давыдовой никто не исполнял эту партию. А вот моя оценка Кармен: по своему темпераменту и возрасту В. А. Давыдова лучше подходила к этой роли, но голос мне больше нравился у М. П. Максаковой.

Помню премьеру оперы «Великая дружба» В. И. Мурадели в 1947 году, на которой присутствовал И. В. Сталин. Вождь сидел слева, в боковой ложе близ сцены, в глубине, так что его плохо было видно со сцены, а из зрительного зала вообще не было видно. Артисты волновались отчаянно. У П. Г. Лисициана тряслись колени. Он, исполняя арию, стоял посередине сцены, обращаясь в ложу к Сталину. Мы, ребяташки, находились на сцене на ступеньке сакли, как бы изображая бедную многодетную семью в ауле. А основная героиня оперы (не помню фамилии), произнеся «Пасти корову

я не буду», чуть не упала в обморок. Опера Сталину не понравилась. Больше ее никогда не ставили на сцене Большого театра.

Помню еще смешной случай с В. В. Барсовой. Она исполняла роль Царевны-Лебедь в опере «Сказка о царе Салтане». Голос у нее был дивный, но внешне она была непривлекательна (для нас, насмешливых ребяташек), была очень полная, неповоротливая. И вот, закончив свою арию словами «не горюй и спать ложись», ей надо было медленно пятиться по деревянному наклонному настилу, вытянув вперед руки, как бы исчезая в пучине моря. Свет в это время гасили, быстро меняли декорации, так как через минуту должен возникнуть город с горожанами, приглашающими Гвидона на царство. Валерия Владимировна Барсова медленно шла в темноте назад, под ней трещали доски настила, и вдруг нога ее застряла, она чуть не упала. Ее подхватили сзади и свели с этого помоста. Один из моих коллег, мальчишка лет десяти, серьезно заметил: «Упала бы, так в филиале было бы слышно».

От нас, ребяташек, ничего не ускользало, ничего не проходило незамеченным. Помню, как В. В. Небольсин, прежде чем пройти в оркестр за дирижерский пульт, всегда крестился, а у Л. В. Баратова, режиссера Большого театра, на пальце сверкал огромный бриллиантовый перстень, Н. С. Голованов, главный дирижер Большого театра, красил волосы и брови, а у Н. Д. Шпиллер был очень красивый костюм, бежево-розовый, отделанный светло-коричневым каракулем. (Я всю жизнь мечтала сшить себе такой же, но так и не сшила).

К нам, ребяташкам, артисты относились хорошо, кое-кто угощал нас конфетами, помню в душе (мы, как настоящие артисты, принимали после спектакля душ) артистки хора (главным образом, уже немолодые) нас мыли, помогали расчесывать волосы, споласкивали, вытирали.

Дина Ивановна, наша инспектор (спасибо ей!), давала нам иногда контрамарку в артистическую ложу (ложе № 15 бельэтажа) на какую-нибудь оперу или балет. Благодаря ей я прослушала практически весь репертуар Большого театра, много видела и балетных спектаклей. В то время я была в восторге от Галины Сергеевны Улановой, собирала открытки, заметки о ней, у меня сохранился альбом, ей посвященный. Что касается опер, то многие из них мы знали наизусть, распевали их вслух и про себя.

Несколько слов хочу сказать о роли Русалочки в опере Даргомыжского «Русалка». В 1943–1944 годах эту роль исполняли Мила Госачинская и Оля Скобцова из детского хора. Девочки быстро выросли, и вот в 1944 году меня стали готовить на эту роль. Постановщик оперы Б. Покровский объяснил мне, когда и как мне надо выходить на сцену. Репетиции со мною проводились лишь несколько раз, так как спектакль уже шел на сцене, а не ставился заново. Один раз я посмотрела оперу с участием Оли Скобцовой, затем несколько коротких репетиций — и я уже

на сцене. Моим постановщиком и основным репетитором была Дина Ивановна. На каждый спектакль она приходила вместе со мной, проверяла, как наложен грим, как сидят костюм и парик. Потом мы шли в помещение под сценой филиала Большого театра и репетировали с ней. Надо было «разговориться, чтобы голос не хрипел, звучал громко и звонко». Она часто говорила мне: «Не пищи, Ниночка, ну что ты так пищишь, начни фразу с более низкой ноты». Я старалась как могла. Интересно отметить, что по мере взросления я стала все больше и больше волноваться перед выходом на сцену. В 1944 году, в первый год исполнения роли, я совсем не волновалась, все воспринимала как должное, как обычное. Но повращавшись среди артистов-солистов, которые обсуждали каждый свой выход, каждую ноту, каждый жест, я тоже критически стала относиться к своему выступлению, стала замечать: то я слишком рано «вступаю», не выдержав музыкальную паузу, то я князя навела на пень, и он споткнулся, то у меня голос хрипит, то — пищит и т. д. В общем, по мере взросления я стала все больше и больше волноваться. Я любила участвовать в спектакле вместе со Е. Смоленской в роли Наташи (т. е. моей матери). Она была такая добрая, симпатичная женщина с красивым мягким голосом, ну, одним словом, была хорошей матерью. Роль князя исполняли Большаков, Марковский, Кильчевский, а в роли мельника прекрасно выступал А. С. Пирогов. Дирижировал оперой всегда Василий Васильевич Небольсин. Он мне нравился, но однажды меня напугал, и я не вступила вовремя после музыкальной паузы. Дело в том, что у него был нервный тик на лице, и это меня поначалу очень нервировало.

Я не стала артисткой, но шесть лет (до 1950 года) работы в театре сильно обогатили мою жизнь: я люблю музыку, особенно оркестровую, вокал, живопись, балет. Сейчас, когда мне за 70 лет, самое большое удовольствие для меня — это побывать в Большом театре. Это праздник, который всегда со мной!

Жизнь в Москве в период 1945–1954 годов

После окончания войны мы стали жить заметно лучше. Отец работал в Министерстве сельского хозяйства СССР начальником отдела организации колхозов, затем в той же должности, но в отделе опытных станций. Мама перестала работать дворником. Брат, уехавший в эвакуацию с Ириной Юрьевной, сестрой матери, вернулся в Москву в 1943 году и начал учиться в общеобразовательной и художественной школах. Особенно ему удавались пейзажные акварельные зарисовки подмосков-

Нина Гаттенбергер
в 3-м классе

ной природы. Я по-прежнему до 1950 года оставалась артисткой Детского хора Большого театра, училась играть на фортепиано и училась с 4-го класса в московской общеобразовательной школе № 70. Училась легко, без напряжения. Об этой школе у меня остались самые светлые воспоминания. Там я нашла друзей на всю жизнь. В 1946 году пошла учиться в первый класс Надя. Жизнь стала налаживаться. По словам отца, в Министерстве сельского хозяйства всячески поддерживали фронтовиков, давали какие-то подарки, бесплатные талоны в столовую и др. Мы, дети, получали бесплатные билеты на Новогоднюю елку в Колонный зал и в театры. Я побывала в Малом, Художественном и Детском театрах, познакомилась с драматическими спектаклями.

Семья Петра Федоровича и Анны Юрьевны Гаттенбергеров — сын Юрий Петрович, дочери Нина Петровна и Надежда Петровна. Москва, 1953 год

Каждое лето с 1947 года мы проводили у бабы Тани (Татьяны Петровны Вельяшевой-Бартеневой), постоянно жившей в доме художника С. В. Иванова близ деревни Свистуха в 60 км от Москвы. Баба Таня была интересным человеком, она спокойно, никогда не навязывая нам своего мнения, рассказывала иногда нам о Париже и мастерских Коларосси и Родена, где она училась в конце XIX века. Ее подругой была скульптор А. С. Голубкина, с которой баба Таня училась в Москве в Училище живописи, ваяния и зодчества у С. В. Иванова. Хорошо она была знакома и с С. Т. Коненковым. Татьяна Петровна Вельяшева-Бартенева с 1929 по 1937 год была в ссылке во Владимире. Мои родители были у нее в гостях 1 и 2 мая 1931 года. Жила она одна близ Успенского собора. У нее была отдельная комната с кухонькой, по-видимому, в коммунальной квартире. Она не платила квартплату, так как была в ссылке под домашним арестом. Как она жила — одному Богу известно. Она не работала. Изредка давала уроки французского языка. После ссылки поселилась в загородном доме своего бывшего учителя и друга семьи Бартеневых художника С. В. Иванова, скончавшегося там в 1910 году. Она не имела разрешения жить в столице, поэтому постоянно обитала в Свистухе, выполняя, по-видимому, роль сторожа. После ссылки она стала получать небольшую пенсию (200 руб. в месяц) за своего отца — Петра Ивановича Бартенева, известного русского историка и издателя журнала «Русский архив».

У бабы Тани была необычная для нас библиотека с книгами Надсона, Шопенгауэра, Шекспира, Вальтер Скотта, Тютчева. Были журналы «Нива». В послевоенные годы советские школьники вообще ничего не знали об этих писателях. Кое-что мы пытались почитать, посмотреть картинки, но в целом для меня это было все чужое, не очень интересное. Однако фамилии писателей, названия их произведений, красивые книги в кожаных переплетах с золотыми обрезами я запомнила.

Места близ Свистухи очень живописные. Внизу под обрывом был родник, из которого жители Свистухи и даже деревни Галявино, расположенной в километре, брали воду. Только теперь я понимаю, как тяжело было бабе Тане приносить воду из-под горы, особенно зимой. Никаких магазинов поблизости не было. Электричества тоже не было. Бабушка собирала хворост, рубила его маленьким топориком, ежедневно топила печку, ведь надо было приготовить еду для нас, детей, на целый день. Но иногда она исчезала. Это соседи по поселку приглашали ее в гости. Особенно она любила ходить на дачу семьи Кус. Хозяин был крупным ученым, у них было шесть или семь детей, и они устраивали домашние концерты с чаепитием. Бабушка возвращалась домой счастливая, с просветленным лицом, с тихой улыбкой. Она никогда не пропускала возможность посетить это интересное семейство.

Каждое утро, выпив по стакану молока с хлебом, мы шли за ягодами, а в августе — по грибы. Держались всегда группой по три-четыре челове-

ка, так как деревенские мальчишки могли отнять ягоды, да и поколотить. Они не любили дачников-москвичей. Затем шли на реку Яхрому купаться. Там я научилась плавать, держась за плывущее бревно. Вечером масса других дел: игры, чтение, походы или еще что-нибудь.

Отец постоянно 1–2 раза в месяц ездил в командировки в Среднюю Азию и привозил нам оттуда сухофрукты: изюм, курагу, урюк, сушеную дыню. Дома мы обычно пили чай с сухофруктами. Отец был далек от политической жизни страны. Он знал, что в министерстве происходили аресты. Так в 1947 или 1948 году исчез их министр. Среднее же звено Министерства сельского хозяйства, к которому относился и отец, не трогали. События печальной памяти сессии ВАСХНИЛ 1948 года, когда генетика была признана антинаукой, в министерстве не обсуждались. Каждый хранил молчание. Отец был занят своей работой и заботой о хлебе насущном, надо было прокормить троих детей и жену.

В 1950 году в Москве было организовано Министерство хлопководства, в котором отец возглавил отдел неполивного хлопководства. Он стал курировать южные области России — Астраханскую, Сталинградскую, Ростовскую области, Краснодарский и Ставропольский края, а также республики Северного Кавказа: Дагестан, Адыгею, Чечню, Ингушетию, Кабардино-Балкарию. На местах были организованы опытные хлопковые станции, а в г. Буденновске создали Институт неполивного хлопководства. По данным станций за 1950–1952 годы урожаи хлопка составляли 10–12 ц/га, а в Средней Азии — от 25–30 до 40 ц/га. Однако некоторые сорта хлопка, например Шредер селекции 1306 и некоторые другие, давали устойчивые урожаи до 20 ц/га. Наиболее благоприятные климатические условия были в Дагестане.

В течение трех лет (1950–1952) все отпуска отец проводил на опытных хлопковых станциях. На Ростовской опытной станции он вел собственные научные наблюдения. Моя сестра Надя ездила с ним летом 1952 года, выполняя подсобную работу: прополку хлопчатника, отбор проб почв и растений, взвешивание коробочек хлопка и т. д. Основное внимание отец уделял изучению влажности почв под посевами хлопчатника. В течение двух лет через каждые десять дней (в вегетационный период) отбирались образцы для определения влажности почв. Отец доказывал, что имеющиеся запасы влаги в почве при существующем летнем тепловом режиме создают благоприятные условия для произрастания некоторых сортов хлопчатника. К 1953 году диссертация и автореферат были готовы. Защита должна была состояться в апреле 1953 года в Сельскохозяйственном институте в Ташкенте. Однако смерть Сталина 5 марта 1953 года в корне изменила жизнь страны. Тема диссертации вдруг стала неактуальной. Министерство хлопководства закрыли, и все внимание в сельском хозяйстве было направлено на развитие зерновых культур, началась подготовка к освоению целинных и залежных земель.

Надя Гаттенбергер, 1952 год

В «Независимой газете» от 23 июня 1999 года была помещена статья К. Максюты о необходимости возрождения российского хлопководства. Эта статья очень обрадовала отца. Он говорил мне, что, возможно, в архивах или старых отчетах сохранились результаты опытных работ станций по выращиванию хлопка. Они могут быть интересными и полезными для молодых инициативных ученых — агрономов наших дней. Хочется верить, что труды отца тех далеких лет не пропали даром.

**Петр Федорович — директор
целинного совхоза «Маканчинский»
в Семипалатинской области, в Казахстане**

Летом 1954 года из Министерства сельского хозяйства СССР было откомандировано в Казахстан четыре человека для ознакомления с проблемами освоения целины. Отец пробыл в командировке три месяца, наблюдая за уборкой урожая. В начале ноября 1954 года его вызвали в министерство к начальству, чтобы решить вопрос, директором какого целинного совхоза он хотел бы быть. Какие-либо альтернативные пред-

ложения при этом не обсуждались. Отец выбрал «Маканчи» на границе с Китаем, в Семипалатинской области, в отрогах Тарбагатая, подальше от начальства. К тому же в районе Маканчей не стояла остро проблема с водой — имелись речки с чистой питьевой водой, стекающие с гор. Приказ о его назначении появился через два дня, и одновременно с ним отец послал телеграмму директору Маканчинской МТС, что он приедет в декабре. 15 декабря из Москвы в Семипалатинск приехали пять человек — основные кадры будущего совхоза: директор, главный агроном, главный инженер, главный бухгалтер и инженер-строитель. В Семипалатинске к ним присоединились еще два человека: заместитель директора по хозяйству и секретарь парторганизации. Членами партии были директор, главный инженер и заместитель директора. Группа прибыла в пос. Маканчи, остановилась в гостинице, заняв две комнаты: одна из них превратилась в рабочий кабинет, вторая использовалась для жилья. Через четыре дня в Маканчах встречали 30 демобилизованных солдат во главе с лейтенантом. Все солдаты были одиночками. Дома у них не было и ехать было некуда. Им было по 20–22 года. Это был костяк будущего совхоза.

До мая прожили в гостинице. На территорию совхоза завозили трактора, косилки, сеялки, строительные материалы с ближайшей железнодорожной станции Аягуз, до которой от совхоза было 300 км. К 1 мая 1955 года пришли 4 вагона, которые превратились в основные здания совхоза. В одном разместилась контора, остальные три стали использоваться под жилье. В конце апреля прибыла группа численностью около тысячи человек. Она состояла преимущественно из малограмотных русских. Все они получили хорошие «подъемные» — трехмесячный оклад по старому месту работы.

В мае всех директоров целинных совхозов, а таких набиралось около 100 человек, вызвали в Алма-Ату на инструктаж.

С чего начинать, как жить совхозу? В числе первых шагов была организация торгового кооператива для обеспечения рабочих продуктами питания и самыми необходимыми товарами обихода, а также жильем. Для этого большими группами выезжали в степь, нарезали камыш, и это был основной строительный материал для постройки саманных домиков. В результате удалось построить относительно большое количество хат-временок. В мае-июне вспахали и засеяли первые 30 тыс. гектаров. Первый урожай было разрешено распределить между рабочими, сохранив лишь семенной фонд (около 3,5 тыс. тонн зерна).

К зиме удалось построить несколько 4-квартирных домов, с квартирами из двух комнат. Но саманные домики остались, в них продолжали зимовать люди.

Весной 1956 года на территории совхоза неожиданно появились местные кочевники, ушедшие еще в 1926–1929 годах в Китай. Это были

казахи-скотоводы, всего около 60 человек. У каждого хозяина было по 20–30 овец, у некоторых — коровы. Все эти люди влились в совхоз. В 1956 году впервые собрали хороший урожай зерновых, который было очень трудно вывезти из-за отсутствия транспорта.

В 1956 году было сдано 35 тыс. тонн, из собранного урожая в 50 тыс. тонн. Главная проблема совхоза — отсутствие транспорта. Рабочие совхоза жили неплохо. Цены на продукты, благодаря дотации совхоза, были низкими, оставшееся зерно раздавали всем бесплатно. Рабочие получали зарплату 100–120 рублей в месяц, директор — 200 рублей. Так, на голом месте, в степи, в 300 км от ближайшей железнодорожной станции, вырос новый большой поселок. Уже через два года в нем было все необходимое для нормальной жизни целинников: работал магазин, был клуб, библиотека, школа, столовая, больница, работали электростанция, телефон, почта, в совхозе было изобилие хлеба, молока, мяса, птицы, овощей и арбузов.

Пригодилась отцу его научная работа 1951–1953 годов. Он связался с метеостанцией пос. Бахты, следил за режимом выпадения осадков, изменениями температуры. Зная данные по месячному распределению осадков, величине снеготпасов и температуре воздуха, отец вместе с главным агрономом Н. С. Прянишниковым — молодым, активным и знающим специалистом, делали прогнозы будущего урожая пшеницы заранее, уже в мае. При выпадении осадков в апреле-мае выше 60 мм можно было ожидать урожай пшеницы выше среднего, т. е. более 10 ц/га. При засушливой весне вспашку надо было производить более глубокой, можно было уменьшить посеы яровой пшеницы и увеличить посеы кукурузы и проса или внести еще какие-то коррективы в план посевной компании. Такое творческое отношение к работе привело к тому, что урожаи в совхозе повышались. С 1957 года в совхозе собирали запланированные 50 тыс. тонн зерна с меньшей площади, чем было предусмотрено планом (45 тыс. га). Однако это «творчество» привело к отрицательным последствиям. Его деятельность привлекла внимание районного и областного начальства.

В 1956 году отец издал книгу «Целинный совхоз в шестой пятилетке» (Гаттенбергер, 1956), где описал жизнь целинного совхоза, построенного на голом месте, подвел итоги первого года, дал перспективу на пятилетку. В книге много фотографий целинников, строительства поселка от первых камышовых домиков до 8-квартирных двухэтажных домов. Однако в книге оказалась совершенно не отраженной роль партийного руководства районного, областного или республиканского уровней. Никаких благодарностей, «сверансов», даже упоминаний о них нет. И началось...

В 1957 году отец получил выговор за невыполнение постановления районного начальства о празднике урожая, так как не выделил денег на

этот праздник. Дело в том, что такой статьи расхода, как праздник урожая, в совхозе не было, в отличие от колхозов, которые могли тратить деньги по своему усмотрению. Незадолго до этого отец получил замечание от областного управления сельского хозяйства об «использовании средств не по назначению». В связи с этим он и решил не выделять деньги на праздник. Схлопотал попутно он еще несколько выговоров — за падеж молодняка в холодную зиму 1956–1957 годов, за перевозку людей на самосвалах и др.

Летом 1957 года в совхоз приехал главный прокурор области. «Нам стало известно, что Вы дали указание сеять на глубину 2 см (а нормальным считалось 4–5 см). Это вредительство!» С такими словами он обратился к директору. «Да, было дано такое указание, но только одной 4-й бригаде. Дело в том, что к 12 апреля 1957 года было уже посеяно 26 тыс. га пшеницы на глубину 4 см. 10 апреля пошел сильный дождь, который продолжался и на следующий день. Тогда 12 апреля я поехал на метеостанцию в село Бахты узнать о количестве выпавших осадков. Оказалось, что за все 23 года наблюдений такое явление произошло впервые: выпало 120 мм осадков весной, т. е. половина годовой нормы. Поэтому я последние 4000 га решил сеять на глубину 2 см». Отец поехал с прокурором в поле, они выбрали площадки в 1 кв. м на различных полях, подсчитали количество взошедших растений, посеянных в разных условиях. Оно оказалось одинаковым. В августе 1957 года отцу позвонил секретарь райкома, сообщив, что завтра будет областная партконференция, основная тема — обсуждение экономики совхоза «Маканчинский». Отец обрадовался. Вот, наконец, поставили на обсуждение его вопрос — поменять направление деятельности совхоза, сделав его многоотраслевым с развитием животноводства и растениеводства. Это могли решить только партконференция или Министерство сельского хозяйства республики. Партконференция проходила в г. Семипалатинске. На ней присутствовало более 100 человек. Отец сделал доклад. Затем последовало письменное предложение членов партии во главе с председателем Облсполкома:

1. Считаю, что деятельность совхоза «Маканчинский» направлена на подрыв колхозного строя. Деятельность совхоза — неудовлетворительная.
2. Урожай зерновых культур в совхозе ниже, чем в соседних колхозах (24–25 ц/га в колхозах и 17 ц/га в совхозе), в связи с чем можно считать деятельность совхоза неудовлетворительной,
3. Совхоз не выполняет планы, совхоз ни разу не посеял запланированные 45 тыс. га. Вывод: директора совхоза снять с работы, исключить из партии, отдать под суд.

Областная партийная конференция проект постановления не приняла. Вопрос был передан на рассмотрение ЦК Компартии Казахстана.

В июле 1958 года отца вызвали в Алма-Ату, в ЦК Компартии Казахстана. «Почему так много пишут о деятельности Вашего совхоза?» Это был первый вопрос к директору. Через месяц, в августе 1958 года, в совхоз приехал начальник областного управления сельского хозяйства. Собрал общее собрание и объявил приказ министра сельского хозяйства республики об освобождении отца от занимаемой должности директора совхоза и переводе его в резерв Министерства сельского хозяйства. Отец не был исключен из партии, но партийное взыскание осталось. Он сдал дела новому директору (бывшему начальнику МТС поселка Маканчи), приехал в Москву и пришел в Министерство сельского хозяйства СССР. Его направили работать агрономом в колхоз имени Тимирязева в Можайский район Московской области.

Прошло много лет с тех пор. В последние годы жизни отец рассказывал, что он работал на целине с большим интересом, азартом, чувством первооткрывателя необжитой земли. Ему было все интересно — как приживутся новые растения в тех краях, какие максимальные урожаи можно получить на этих землях. Он планировал провести хорошую дорогу до поселка Маканчи, мечтал построить даже оранжерею для выращивания цветов.

Я вспоминаю отца на целине — такого подтянутого, спортивного, всегда куда-то торопящегося, ловко сидящего в седле (закалка в Донском кадетском корпусе, а затем длительные путешествия верхом по Забайкалью дали о себе знать). В свои пятьдесят два года отец выглядел молодо и бодро.

Освоение целинных земель, проводившееся Н. С. Хрущевым в 1954–1958 годах, было продолжением русской политики начала XX века. По мнению царского правительства, основной опорой освоения целинных земель должны были быть старинные поселения казачества, которое участвовало, начиная с Ермака, в освоении этих земель почти 400 лет. Эти поселения в основном располагались от Семипалатинска до станицы Верная (г. Алма-Ата). Город Семипалатинск был основан в 1718 году как крепость на р. Иртыше и как переселенческий центр из России. Однако основным направлением сельского хозяйства этих мест всегда было животноводство. По природным условиям Семипалатинская область напоминала южные районы Ростовской области, где отец учился и проходил практику, будучи студентом Донского сельскохозяйственного института, а в 1950–1953 годах работал на опытной селекционной станции по выращиванию хлопчатника. Знание условий Ростовской области облегчило отцу работу на целине, так как в 1950-е годы еще не с кого было брать пример по ведению зернового хозяйства в этих районах.

Петр Федорович — цветовод, любитель ирисов

Цветут ирисы. Я первый раз в жизни увидел цветущий ирис, был восхищен причудливой формой. Мне представилось, что по изяществу нет лучше цветка, и розы кажутся грубыми.

М. М. Пришвин

Последним любимым детищем и увлечением отца были цветы, особенно ирисы. Впервые он увидел их в 1916 году в палисадничке у начальника железнодорожной станции Песчанокопская на Ставропольщине, куда он одиннадцатилетним мальчиком попал вместе с мамой. Это были окультуренные ирисы «I. germanica», выписанные хозяином перед Первой Мировой войной из Германии. Понравились они и Анне Петровне. Она приобрела и посадила такие же ирисы в саду перед домом в Медвежьем. Уже позже не меньшее впечатление произвело на отца «море» цветущих ирисов по берегам Лены. Он видел их с парохода, которым плыл в Якутск в 1934 году по заданию Всесоюзного географического общества. Впечатления дополнялись полями ирисов на целине и, конечно, иридарием Венского ботанического сада, в который он попал в первые мирные дни 1945 года. Отец любил рассказывать о посещении этого сада, когда он из-за ирисов забыл о всех других планах, которые намеревался осуществить во время кратковременного визита в Вену, получив на это разрешение от своего командира.

Уже после работы на целине, незадолго до выхода на пенсию, когда он был консультантом по сельскому хозяйству в Постоянном представительстве Узбекистана в Москве, он предложил сотрудникам постпредства создать цветник во дворе учреждения. На первом же собрании решили посадить тюльпаны — самые модные из цветов 1960-х годов, а также нарциссы и ирисы. Отцу и поручили осуществление его идеи. Посадочный материал он привез из Ташкентского ботанического сада. И первыми сортами ирисов были Вабаш, Депутат Номбло, Уайт Сити, Мадам Шеро и некоторые другие сорта, включая и дикие ирисы природной флоры, но всего не более 10 сортов. В 1965 году все они были высажены в садике у постпредства, а восемь небольших корневищ — под Москвой, в Можайском районе, на нашем участке в деревне Горетово. В этом же году отец вступил в Московское общество охраны приро-

ды. При этом обществе уже работали некоторые секции цветоводов, в частности — любителей пионов, флоксов, некоторых луковичных, в том числе гладиолусов. Отец взял на себя инициативу по организации секции ирисов. Среди московских любителей-цветоводов нашлось всего шесть человек, которые высаживали ирисы. Вот из них-то и образовался костяк новой секции. В первую очередь был создан фонд имеющихся сортов, сделана небольшая подборка литературы. С 1967 года члены секции стали принимать участие в ежегодной выставке цветов в помещении выставочного зала Московского общества охраны природы (Кутузовский проспект, дом 3/5). И сейчас там проводятся ежегодные выставки с непременно демонстрацией ирисов.

Отец возглавлял секцию 22 года (1965–1987), выпустил 23 номера специализированных бюллетеней, посвященных только ирисам. Они печатались на машинке, тиражом от 50 до 100 экземпляров (на правах рукописного издания). Последний 23-й номер вышел в свет в 1993 году. В 1984 году отмечался 50-летний юбилей Московского общества охраны природы, подводились итоги и оценивалась работа каждой из секций. О деятельности секции «Ирисы» было сказано, что ее интересы очень широки и не ограничиваются только приемами выращивания новых сортов, но также исследуется роль ирисов в культурной жизни — в музыке, литературе, живописи, геральдике. Члены секции неоднократно публиковали статьи об ирисах в журнале «Цветоводство» и других популярных изданиях.

Несколько слов о содержании издаваемых отцом бюллетеней. В первую очередь подводились итоги участия в выставках, где лучшие сорта отечественной и зарубежной селекций, в том числе и вновь выведенные, проходили оценку жюри, состоящего, как правило, из цветоводов-профессионалов. Например, из бюллетеня № 14 (1984) известно, что членами секции «было для оценки представлено 165 экспонатов, преимущественно ирисов зарубежной селекции. Впервые в выставке приняли участие ирисоводы Ботанического сада МГУ, продемонстрировавшие 14 новых сортов отечественной селекции. Лучшими экспонатами были признаны Кио, Невеста, Иван Сусанин, Марина Раскова, Сейбл Найт, Риббон Раунд, Степшин Аут, Тоттмес-III». Нередко в бюллетенях проводился всесоюзный опрос цветоводов-любителей для выявления 10 лучших декоративных сортов ирисов. Например, в 1979 году опросные листы были направлены 72 адресатам, проживающим от Бреста до Владивостока. Места при этом распределились так: 1) Аметист Флейм, 2) Нью Сноу, 3) Раплинг Уотерс, 4) Клиффс Довер, 5) Канченджанга, 6) Шарпскин, 7) Саус Пэсифик, 8) Данирс Вэйл, 9) Уайт Сити, 10) Бразилия.

В 1970–1980-х годах особенно ценились одноцветно-монотонные крупноцветковые ирисы. В 1990-е годы вкусы изменились, и наиболее

привлекательными стали признаваться двухцветные контрастные ирисы с волнистым краем американской селекции, с крупными цветками (размером до 18–20 см). Предпочтение отдавалось сортам с более темными верхними и светлыми нижними лепестками, что в большей степени отличало их от ирисов природной флоры, имеющих противоположную тональность окраски лепестков. В некоторые годы выставки цветов демонстрировались по телевидению.

Особенно запоминающейся была выставка ирисов 1986 года, когда помимо цветов в срезке были размещены различные аксессуары, связанные с ирисами: их изображения на тканях, платках, занавесках, блюдах, подносах, вазах, чайных сервизах. Выставлялись бижутерия, картины, открытки, коробочки духов, пудры и даже спичечные коробки с изображениями ирисов. Дома отец создал небольшой музей «Ирисы вокруг нас». Его экспонатами были картины с ирисами, подаренные его друзьями-художниками И. Ф. Степановой и ее мужем, копии с картин Ван Гога, Матисса, голландских и фламандских мастеров, предметы «ирисовой» бижутерии, созданные невесткой-художницей Н. Л. Гаттенбергер, вышивки, посуда с изображениями ирисов, коллекция почтовых марок, так как уже к 1980-м годам почтовые администрации по меньшей мере 30 стран удостоили этот цветок выпусками специальных марок. Зная пристрастие Петра Федоровича к ирисам, все близкие стремились пополнить его коллекцию. Кто-то приносил искусственные цветы, сделанные из перьев или шелка, кто-то — журнальные репродукции. Я несколько раз привозила ему из Франции журналы по ирисам и посадочный материал французской специализированной фирмы M. Bourdillon (41230, Soigns-en Sollogne, France). К сожалению, некоторые сорта, которые культивируются в Солони во Франции, для средних широт нашей страны не подходят по климатическим условиям.

Постоянные разделы выпускаемых бюллетеней посвящались агротехнике с рекомендациями по выращиванию ирисов, борьбе с болезнями, уходу за растениями и пр. Периодически появлялись небольшие статьи и заметки об ирисах в музыке, живописи, геральдике. Это очень оживляло содержание бюллетеней. Особенно много сведений было сообщено преподавателем МГУ, кандидатом филологических наук В. В. Цоф-фкой. В 1990 году секция выпустила справочник «Отечественные сорта ирисов», включавший не только их названия, но и фамилии оригинаторов (авторов), годы создания сортов, их краткие описания. Помимо пропагандирования новых сортов ирисов как отечественной, так и зарубежной селекции в бюллетенях помещались письма читателей с комментариями и ответами на них специалистов. Деятельность секции ирисов, конечно, не ограничивалась подготовкой и публикацией ежегодных бюллетеней. На зимних заседаниях членам секции читали лекции спе-

циалисты, проводился обзор новинок, обычно с демонстрацией слайдов. Периодически пополнялась сортовая картотка, библиографический раздел.

Члены секции постоянно стремились в своей работе использовать достижения науки. В 1984 году в адрес клуба пришло приглашение принять участие в совещании, проводимом в Институте химической физики АН СССР. С этого года отец стал постоянным представителем Московского клуба цветоводов на этих совещаниях. С 1984 по 1990 год они проводились членом-корреспондентом АН СССР И. А. Раппопортом. Его лаборатория в этом институте занималась исследованием воздействия различных химических препаратов на растения. Объектами исследования самого И. А. Раппопорта были помидоры и другие овощные культуры. Одна из его учениц — сотрудница Белорусского ботанического сада — изучала воздействие ПАБК (парааминобензойной кислоты) на тюльпаны. Результаты ее опытов были опубликованы в первых номерах Бюллетеня секции «Селекционная генетика» Московского общества цветоводов в начале 1980-х годов. Отец, познакомившись с ее публикациями, заинтересовался воздействием химических веществ, в том числе и ПАБК, на растения в целях их возможного использования для селекции ирисов. В узком кругу сотрудников лаборатории, обычно в феврале, И. А. Раппопорт проводил специальные совещания, на которых обсуждались практические результаты проводимых исследований. Докладчиками выступали научные сотрудники лаборатории, но приглашались и специалисты опытных и селекционных станций, ботанических садов, соответствующих отделов институтов биологического профиля, а также, как мой отец, отдельные энтузиасты. На одном из таких совещаний он выступил с сообщением о выведенном им сорте «Ростовчанка» в результате воздействия ПАБК на корневища ириса природной флоры.

Около 300 экземпляров растений *Iris palida*, собранных отцом в Ростовской области, были обработаны в 1984 году ПАБК (корневища были замочены на одни сутки в растворе с концентрацией ПАБК 1 кг на 10 литров воды). Затем они были высажены в грунт, заняв около 5 соток земли нашего подмосковного участка. Через два года был произведен осмотр цветущих растений, и было отобрано 11 экземпляров с максимальным количеством цветков на цветоносах. Все они были отсажены отдельно и в последующие годы отец вел за ними наблюдения. Через три года из этого количества он выделил только одно растение, у которого оказалось десять цветков на одном цветоносе. В Ростовской области у дикого *I. palida* на одном цветоносе никогда не было более трех цветков. Сейчас этот сорт отца пользуется большой популярностью у любителей ирисов. Это растение высотой 60–70 см, с яркими синими цветками, размером до 10–12 см. «Ростовчанка» отличается неприхотли-

востью, устойчивостью к морозам, характеризуется длительным сроком цветения. Обычно цветок ириса сохраняет свежесть не более 3–4-х дней, а так как на «Ростовчанке» последовательно распускаются до 10 цветков, то цветение растения продолжается от десяти дней до двух недель. Отец проводил обработку ПАБК и других видов дикорастущих ирисов, надеясь вывести ирис с красными лепестками. Снова и снова он замачивал корневища, сортировал и высаживал их, пересаживал. Все результаты селекционной работы описывал в специальной тетрадке. Не только наш участок, но и участки соседей, клумбы и газоны при сельской школе и детском садике были засажены ирисами. Мама, когда была жива, только вздыхала, пытаясь найти свободное место для моркови, петрушки и огурцов. Хорошо помню, как она, помогая отцу поливать ирисы и пропалывать грядки, говорила при этом детям и внукам: «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало». Отец всегда был при деле. Ведь надо было обработать более тысячи растений. Огородом же занималась мама.

Отец обрабатывал ПАБК также низкорослые дикорастущие ирисы. Ему удалось вывести темно-фиолетовый, почти черного цвета сорт ириса-карлика, который отец назвал «Горе мое», так как он очень долго с ним возился, ожидая, что он «покраснеет». Однако результат получился совсем другим. Этот сорт, прошедший официальное утверждение, высотой до 20 см, очень хорошо высаживать вдоль дорожек, да и цветет он раньше других — в середине мая.

Увлечшись работой с ПАБК, отец решил, поставив об этом в известность И. А. Раппопорта, использовать это вещество на себе. В течение 7 лет с 1985 по 1992 год он каждое утро принимал по 0,5 г серого порошка ПАБК с чаем или кофе. Результаты были великолепные. Все эти годы он, пожилой человек, вообще не болел. К сожалению, с 1992 года он перестал его принимать. ПАБК производили только в Армении, а с распадом СССР его достать стало просто невозможно.

Еще один сорт ириса — «Голубой чародей» — также был выведен отцом с помощью ПАБК. В качестве исходного материала был взят сорт «Голубок», созданный Антониной Григорьевной Вяткиной, — членом секции ирисов и большим знатоком этих растений. Не могу не сказать о ней несколько теплых слов. Она, как и отец, была самозабвенным энтузиастом своего дела. Дочь начальника штаба Балтийского флота, базировавшегося до 1917 года в г. Ревеле, она до революции училась в Петербурге в Смольном институте благородных девиц в одном классе с сестрой отца — Олей Гаттенбергер. В 1920 году, оказавшись в Крыму, начала работать в Никитском ботаническом саду, а затем в ботаническом саду в Москве. Прочитав статью Петра Федоровича в бюллетене «Ирисы», она связалась с ним, стала активным членом секции ирисоводов, много помогала отцу. Она предоставила ему для опытов около 30 корневищ сво-

его сорта «Голубок», которые и были обработаны ПАБК. Путем отбора наиболее красивых и крупных растений был в 1993 году создан новый сорт «Голубой чародей». Этот ирис, высотой около 30 см, цветет во второй половине мая, цветки небесно-голубого цвета, размером до 6–7 см, средней жизнестойкости.

Отец является автором еще нескольких сортов ирисов-карликов, которые его всегда привлекали из-за раннего срока цветения, когда сады пусты, так как тюльпаны и нарциссы к этому времени уже отцветают. Сорт «Смелый» — результат обработки дикого ириса (*I. pumila*), экземпляры которого отцом были собраны в степях Нижнего Поволжья. Он отличается особо ранним сроком цветения (в условиях Подмосковья — в первой декаде мая). Цветonos его до 15–18 см, одноцветковый, цветок светлофиолетовый, однотонный, до 6–7 см, отличается жизнестойкостью. Сорт «Цыпленок», выведенный на базе того же вида дикорастущих ирисов, но собранного в степях Ставрополя, еще более раннего срока цветения (в этом отношении он опережает всех ирисов-карликов). Он низкорослый (12–15 см), одноцветковый, цветок — светложелтый, однотонный, до 5–6 см, с формой, похожей на клубочек, жизнестойкость его также очень высокая. Еще один мутант — «Анна Бартенева» — получен при воздействии химического мутагена, растворенного в азотной (?) кислоте слабой концентрации. Этот сорт ириса раннего-среднего цветения, высотой 25–30 см, со светло-оранжевым цветком, однотонным, размером 5–6 см, характеризуется средней жизнестойкостью.

Петр Федорович Гаттенбергер
с женой Анной Юрьевной.
Москва, 1981 год

Петр Федорович Гаттенбергер с сыном Юрием Петровичем,
д. Горетово, 1998 год

д. Горетово. 1999 год

100-летний юбилей Петра Федоровича Гаттенбергера в клубе «Цветоводы Москвы». Алексей Юрьевич Гаттенбергер, Михаил Алексеевич Ахметьев, Юрий Петрович Гаттенбергер, Нина Петровна Ахметьева, Любовь Викторовна Гаттенбергер, Наталья Леонидовна Гаттенбергер, Владимир Михайлович Ахметьев. 2006 год

Ирисы были самым большим увлечением отца в течение последних 35 лет его жизни. В свой 95-летний юбилей, в 2001 году он помнил по названиям не только все сорта ирисов, с которыми он когда-либо работал, но и в какой части нашего горетовского участка рос каждый из них, и время их цветения. Он являлся автором (или соавтором) нескольких книг об ирисах (см. библиографию).

Мой сын Володя, когда учился в 7-м классе, написал, посвятив деду, стихотворение:

*За оградой в центре сада
Есть один цветок.
Так он строен, так прекрасен,
Нежный лепесток.*

*Фиолетового цвета
Венчик у него.
И во всем саду красивей
Нету ничего.*

*А вокруг цветка повсюду
Кучами навоз,
Дед мой ирис удобряет,
Чтобы лучше рос.*

*За зелеными буграми,
за большой горой,
Дед мой днями и ночами
Бегал за водой.*

В последнем номере бюллетеня «Ирисы» за 1993 год И. Ф. Степанова поместила очень теплую статью о П. Ф. Гаттенбергере, озаглавив ее «Иридарий старейшего члена секции». Привожу выдержку из этой статьи:

«...Ирисы располагаются стройными рядами на грядках, вытесняя овощи и клубнику. Сорты отделяются друг от друга деревянными рейками. Место выбрано солнечное. Несколько фруктовых деревьев — яблони, сливы, вишни — придают этому участку живописность. Устроенный без затей садового дизайна, он привлекает ухоженностью, целесообразностью планировки: к каждому растению легко подойти для осмотра и ухода. Ирисы прекрасно смотрятся на фоне земли, чисто выполотой от сорняков. И природа позаботилась о том, чтобы ирисы почти безошибочно гармонично сочетались друг с другом. Так что коллекция в цвету выглядит сказочно.

Все ирисоводы начинают с высоких бородатых ирисов. Петр Федорович не был исключением. И сейчас они составляют основу коллекции. Однако он одним из первых в нашей стране оценил прелесть „радужных карликов“ и изящество легких пропорций букетных, или столовых, или бордюрных ирисов. Первые составляют одно из ранних украшений каменистых участков, горок, миксбордеров. Вторые — незаменимы для маленьких интимных букетов в наших маленьких квартирах, да и на участках многие из них хороши по своим пропорциям для небольших горок, где высокие „бородатые“ подавляют своих соседей по горке (стелющиеся флоксы, обриеты, маленькие звездочки и др.).

Спрос на них увеличился в связи со стремлением многих цветоводов устроить на участке не традиционные клумбы и грядки (хотя в них есть своя красота), а создать садовый пейзаж с низинками, возвышенностями, горками. Поэтому в 1950–1960-е годы многие ведущие специалисты за рубежом занялись селекцией этих групп ирисов. Анфоссо, Хагер, Хамблен, Кеппел и другие занимались с обеими группами, а с карликами особенно много работали Варбуртон, Броун, Шрейнер, Шмельцер. Есть даже отдельные клубы любителей и селекционеров этих изящных ирисов.

Так и в д. Горетово появились эти ирисы, позволяющие ирисолобам видеть любимый цветок уже в мае. Эти маленькие ирисы бегут, как пажухи впереди царственных особ, повторяя их цвета: есть миниатюрный *Степпинг Аут*, *Литл Сапфайр* повторяет в миниатюре высокий *Блю Сапфайр* (названия, конечно, не совпадают).

Обогащенная маленькими ирисами, коллекция дополнилась двумя небольшими цветниками. В одном из них карликовые ирисы посажены вместе с миниатюрными розами, в другом — они цветут на фоне жасмина и дороникума, вместе с тюльпанами позднего срока цветения. Среди сортов обращают на себя внимание *Цыпленок*, *Смелый*, *Мальчи* селекции хозяина. Развитая куртинка — гнездо размером 40 на 40 см — стоит в полном блеске 10–15 дней. Цветение начинается в начале второй декады мая и ко дню рождения хозяина — 15 мая — гряда ирисов из сортов очень раннего срока цветения заполнена всеми цветами радуги. Сейчас в коллекции растет 112 сортов отечественной селекции (стран СНГ). Большинство из них — 98 наименований — высокорослые, они же высоко декоративные, а главное их преимущество перед зарубежными — высокая морозостойкость, общая жизнестойкость, они меньше болеют, не требуют укрытия на зиму. В этом саду все сорта проходят своеобразное сортоиспытание, рекомендации выходят выверенными и надежными.

Удивительная память Петра Федоровича не хуже иного компьютера удерживала массу сведений об ирисах, живой деятельный ум непрерывно находил себе работу. Наверное, существует обратная связь: доброе отношение человека к природе порождает в ней такой же отклик. Иридарий П. Ф. Гаттенбергера, вобравший в себя столько любви, труда, знаний, сторицей воздает своему создателю. Ежегодно к 15 мая обязательно расцветает не один ирис, отмечая день рождения Петра Федоровича».

Общество «Цветоводы Москвы» с многочисленными секциями (в том числе и секцией «Ирисы») активно работает и в наши дни. Каждый год по-прежнему проводятся выставки ирисов, обычно в помещении Общества (Новинский бульвар, дом 22), как всегда в первую декаду (или первую половину) июня, и на ВВЦ. На выставке можно не только полюбоваться цветами, но и сделать заказы на покупку корневищ. Сорта ирисов выставляются как элитные, дорогие, так и те, которые известны уже многие годы. Это проверенные, жизнестойкие сорта, отсюда и их популярность. Именно с них надо начинать молодому ирисолобу. Секция «Ирисы» объединяет интересных людей — художников, ученых, учителей. Все они энтузиасты своего дела, влюбленные в ирисы. Многие годы членом секции ирисов был академик Д. С. Лихачев, с которым отец переписывался. От него он получил некоторые книги, хранящиеся в нашей домашней библиотеке. Коллекцию ирисов, созданную Петром Федоровичем,

бережно хранят, стараясь приумножить новыми сортами, его дочь — автор этой книги — и внучки Ольга Юрьевна Шилклопер и Любовь Викторовна Гаттенбергер.

В 2006 году селекционер В. А. Гаврилин назвал свой новый сорт красного ириса «Петр Гаттенбергер».

ПЕТР ГЕОРГИЕВИЧ (1906–1991) — ЭМИГРАНТ

Петр Георгиевич родился 11 февраля 1906 года в Хабаровске. Семья жила в собственном доме, у них была гувернантка — француженка, обучавшая Петю и его братьев с малых лет французскому языку. Детство Пети было счастливым. Сохранилась фотография 1918 года, сделанная в Москве на квартире его бабушки, Натальи Андреевны Гаттенбергер. Вместе с бабушкой в этой квартире жили его теги — сестры отца — Наташа и Катя. Пете 12 лет, он в кадетской гимнастерке, счастливый, улыбающийся, обнимает маму Марию Васильевну. Его отец, Георгий Петрович, только что возвратился из немецкого плена, и вот семья встретилась в Москве.

Наталья Петровна, Георгий Петрович, Мария Васильевна, Петя, Наталья Андреевна, Екатерина Петровна Гаттенбергеры. Москва, 1918 год

В 1915 году Петя поступил учиться в Хабаровский имени Муравьева-Амурского кадетский корпус. Его братья — Володя (1908 года рождения) и Георгий (1909 года рождения) также начинали учиться в том же корпусе. В октябре 1922 года Петя с матерью и братьями вместе с кадетским корпусом навсегда покинули Россию. В течение первых лет эмиграции семья оставалась в Шанхае, где мальчики продолжали учиться в кадетском корпусе. 6 ноября 1924 года большая часть учащихся Хабаровского и Омского кадетских корпусов на пароходе «Партос» Французской паровой компании выехала из Шанхая в Сербию. Петр Георгиевич Гаттенбергер подробно описал это путешествие в своей статье «С Амура на Дунай. Трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса» (Гаттенбергер, 2003). Привожу лишь некоторые цитаты:

«Высшие чины корпуса были размещены в каютах третьего класса, педагогический персонал — в четвертом классе, а ребята-кадеты в глубоком трюме на нарах, где бегали крысы. Кормили очень плохо. Утром кипяток с галетой, источенной червями, в 10 часов завтрак — суп из чечевицы. В 5 часов вечера — суп из мясных консервов и овощей. Хлеба не хватало. Меню не менялось на протяжении всех дней более чем месячного путешествия. Первая остановка была в Гонконге, затем в Сайгоне. Там пробыли 3 дня, осмотрели Ботанический сад, где можно было заодно увидеть и разных зверей, познакомились и с другими достопримечательностями города. Свозили нас в казармы французского гарнизона. Во время путешествия кадет Кирилл Моллер упал в трюм, сломал обе руки и ногу и был оставлен в Гонконге. С кадетом Омского корпуса произошел солнечный удар, и его сняли с парохода в Сайгоне. В Коломбо двое кадет сошли с парохода в надежде найти работу. 30 ноября достигли Джибути, вошли в Баб Эль Мандебский пролив и далее двигались по Красному морю. Стояла жара. В трюмах было душно днем и ночью. 4 декабря вошли в Суэц. Прошли по Суэцкому каналу длиной 88 миль и шириной 200 м. Слева вдоль канала тянулась железная дорога. Наконец, 9 декабря прибыли в г. Сплит. Здравствуй братская славянская земля! Отдохнули в казармах 11 пехотного полка, получили солдатский паек».

Королевство сербов⁴, хорватов и словенцев (СХС) было одним из первых европейских государств, которое широко раскрыло двери для русских беженцев. Общее число беженцев в 1921–1922 годах составило около 33,5 тыс. человек. В 1924 году их число уменьшилось до 30 тыс. человек. Значительную часть этого контингента составляли военные и их семьи. В Королевстве русские учебные заведения содержались за счет государства: 1) Крымский кадетский корпус в г. Белая Церковь с общим числом учащихся 520 человек; 2) Донской кадетский корпус в г. Билече (320 учащихся); 3) Русский кадетский корпус в Сараево (310 учащихся);

4) Хабаровский женский институт в г. Новый-Бечей (250 учениц); 5) Донской Мариинский институт в г. Белая Церковь (200 учениц); 6) Русско-сербская девичья гимназия в г. Кикинда (220 учениц), 7) Русско-сербская смешанная гимназия в Белграде (250 учеников), 8) Реальная гимназия в г. Пановиче (150 учеников), 13 детских домов в различных городах Югославии. Правовое положение русских школ было вполне благоприятно, они имели те же права, что и сербские государственные школы, при одном условии — внесении в расписание занятий сербского языка.

Хабаровский кадетский корпус был влит в Донской корпус. По документам 1925 года в Донском кадетском корпусе учились: Петр Гаттенбергер в 5-м классе, Владимир Гаттенбергер — в 3-м классе и Георгий Гаттенбергер — во 2-м классе. Их мать Мария Васильевна Гаттенбергер работала в корпусе вольнонаемной, «починщицей». Однако Петр Гаттенбергер кончил не Донской, а Русский кадетский корпус, а затем Пехотное училище и стал служить в пограничных войсках Сербии. Во время 2-й Мировой войны после оккупации Сербии немцами Петр Георгиевич в рядах Русского корпуса принимал участие в военных действиях на стороне Германии. Воевал на Белорусском фронте, по словам его сына Владимира, был награжден немцами орденами и медалями. После войны находился в лагере для военнопленных в Австрии. Убежал оттуда сначала в Италию, а затем добрался до Чили. Его брат Владимир покончил жизнь самоубийством, Георгий жил в Лос-Анжелесе в 70-е годы прошлого столетия (как сложилась его судьба мне неизвестно).

В послевоенные годы в Чили оказалось много русских. Среди них была и Лидия Николаевна Прозоровская-Хухалова с сыном Георгием. До войны она жила в Москве, после ареста ее близких в 1930-е годы убежала в Польшу, где ее застала война. Она попала в плен, сначала к немцам, затем к советским войскам. Зная ситуацию в СССР, предпочла не возвращаться на родину, а уехать в Чили. Там она познакомилась и вышла замуж за Петра Георгиевича Гаттенбергера, так как считала, что ее муж Анатолий Борисович Хухалов погиб на войне. На самом деле, Хухалов попал в плен к немцам, и поэтому от него не было никаких вестей. После войны он, как многие русские, бежал в Чили, где встретил свою жену, но она уже была женой Гаттенбергера и имела на руках маленького сына Володю, родившегося в 1950 году. Анатолий Борисович Хухалов поселился в Чили рядом с семьей Петра Георгиевича, они стали друзьями и помогали друг другу всю оставшуюся жизнь. Первым в США приехал А. Б. Хухалов в 1963 году, через год он помог перебраться в Штаты и семье Гаттенбергера. По словам Владимира Петровича Гаттенбергера, они жили в Сан-Франциско по-соседству. Анатолий Борисович так и не женился. В конце жизни, когда ему было уже около 70 лет, он крестился в православной церкви Сан-Франциско. Его крестным отцом был 15-летний Владимир. А. Б. Хухалов вскоре умер на руках своего крестного отца.

Владимир Петрович рассказал мне, как это произошло: однажды, вернувшись из школы, Володя застал дома дядю Толю (так они звали Анатолия Борисовича) сидевшим в кресле с болезненным выражением лица. Володя приподнял его, чтобы помочь перейти на диван и прилечь, но дядя Толя не дошел до дивана, он умер на руках Володи. А. Б. Хухалова похоронили по православному обычаю с отпеванием в церкви на кладбище Сан-Франциско, где впоследствии были похоронены Петр Георгиевич Гаттенбергер, скончавшийся в 1991 году, и Лидия Николаевна Прозоровская-Хухалова-Гаттенбергер, скончавшаяся в 1997 году. В 1970-е годы в Сан-Франциско присхала Мария Васильевна Гаттенбергер, привезя с собой урну с прахом сына Володи. Все умершие потомки Георгия Петровича Гаттенбергера похоронены в Сан-Франциско на сербском (православном) кладбище.

Петр Георгиевич Гаттенбергер вел активную общественную жизнь в Сан-Франциско. Он был членом Общества русских ветеранов Великой войны с декабря 1965 года (практически сразу же после приезда из Чили). Он принял музей Общества ветеранов от летчика В. Томича и активно включился в работу по сбору различных реликвий Императорской армии. Петр Георгиевич привел все экспонаты в порядок, занумеровал их и распределив по родам оружия Императорской армии. Он начал усиленную переписку со всеми знакомыми и влиятельными лицами во всех странах русского рассеяния, где жила Белая эмиграция. Вскоре начали поступать в музей ценные вещи. Завязав связь с генералом Андоленко, господином Молло и другими коллекционерами, Петр Георгиевич сделал несколько обменов на имеющиеся в музее двойники, чем пополнил витрины музея. В музей поступали военные формы, которые были надеты на манекены, прибывали нагрудные знаки, ордена, медали, жетоны и другие военные реликвии. Вторую комнату музея выделили для Морского музея. В сентябре 1985 года были сделаны еще 2 новые витрины для орденов и военных знаков. В музее собраны знамена различных полков, много документов, фотографий, газет и журналов времен Великой и Гражданской войны. Одним из экспонатов музея является кадетская форма Петра Георгиевича с еще хабаровских времен. В настоящее время музей закрыт, после смерти Петра Георгиевича в 1991 году никто не смог продолжить его дело, однако, по словам Владимира Петровича, все экспонаты музея сохранены, они находятся под крышей в сухом помещении, под присмотром и ждут своего часа. Владимир Петрович говорил мне, что он планирует передать материалы в Россию, в музей Русской армии. В настоящее время он очень занят, добывает хлеб насущный для семьи и не имеет времени заняться музеем.

Петр Георгиевич писал много заметок и статей, издавая их в газетах «Кадетская переключка», «Первопоходник», «Русская жизнь» и др. Он был главным редактором и автором многих разделов книги «Хабаровский гра-

фа Муравьева-Амурского кадетский корпус» (Гаттенбергер, 1978). Он сам печатал ее текст на русском языке на старенькой печатной машинке, сам редактировал рукопись и сам ее издал в 1978 году. Очень интересна для меня его статья «От Амура до Дуная. Трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса» (переиздана в книге «Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине»). Роман А. К. Толстого «Хождение по мукам» выглядит бледно по сравнению с муками, которые перенесли дети-кадеты, их учителя и родители во время пятилетнего путешествия от Хабаровска до Белграда.

ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1915–1997) — ОСНОВАТЕЛЬ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА В США

Олег Александрович родился 20 февраля 1915 года в Томске, умер 4 июня 1997 года в г. Юкайа в Калифорнии. На его могиле в виде каменного православного креста скромная надпись: «Oleg Gattenberger, born 1915, dead 1997». Рядом с ним похоронена жена Helene (1913–2007).

Олег приехал в Сан-Франциско мальчиком 1 сентября 1923 года. Он окончил Стенфордский университет по специальности — история и культура восточных народов (японцев, китайцев, камбоджийцев и др.). 15 апреля 1937 года он женился на американке Helene Mildredmary Hartsuck, учившейся вместе с ним в Стенфордском университете на отделении политической истории. При женитьбе он получил американское гражданство, в отличие от своих родителей и сестры, которые еще долгое время не были гражданами США. Предки Helene переселились из Англии в восточную часть Америки в XVIII веке. Ее отец был лесопромышленником в Сан-Франциско, своим двум дочерям он дал хорошее образование (и, по-видимому, хорошее приданое). Его старшая дочь погибла в автокатастрофе, Helene (младшая дочь) осталась единственной наследницей отца. У Гаттенбергеров двое детей: Елизавета — Elizabeth Mave (Betty) родилась 20 февраля 1943 года в Сан-Франциско и Роберт (Robert), родился 20 февраля 1948 года в Сан-Франциско.

Олег Александрович не участвовал в военных действиях во время Второй мировой войны. Он работал на судостроительной верфи в Сан-Франциско.

В 1960-е годы семья Олега Александровича купила квартиру, затем еще квартиру. В одной они жили сами, а вторую сдавали в наем. Затем купили еще и еще квартиры, а в 1967 году купили 6-тиэтажный дом с 36 квартирами.

Олег Александрович и Милли Гаттенбергер.
Сан-Франциско, 1937 год

Милли (Mildredmary), Александр Александрович,
Мария и Олег Александрович Гаттенбергеры.
Сан-Франциско, 1940 год

Олег Александрович любил лошадей и путешествия. В 1961 году вся семья (вместе с детьми) предприняла полугодовое путешествие по миру. Они были в Европе, в Южной Америке на р. Амазонке, в Индии, на Филиппинах, Японии (в Китай их не пустили, там проходила «культурная» революция и иностранцев, особенно американцев, в страну не пускали). В 1967 году супруги Гаттенбергеры ездили в Тунис навестить Николая Федоровича Гаттенбергера (бывшего лейтенанта Черноморско-

го флота), но его не застали в живых, 27 апреля того года Николай Федорович скончался. В 1980-е годы Олег Александрович был в России туристом. Вместе с дочерью на теплоходе путешествовал от Москвы до Санкт-Петербурга и на поезде Владивосток—Москва. Умер и похоронен в г. Юкайя (США, штат Калифорния).

ВАЛЕНТИНА БОРИСОВНА (1918-2002) — ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Валентина Борисовна родилась 20 июля 1918 года в Ялте. Она никогда не видела своего отца. Когда она стала подрастать, ее мама Ольга Николаевна сказала ей, что ее отец был ветеринаром, и он погиб в 1918 году при массовом падеже скота. Валечка жила вместе с бабушкой, дедушкой и мамой в прекрасной квартире на набережной, рядом был парк Эрлангеров, владельцев мукомольной промышленности в Москве. Дед Вали И. Голобуто до Октябрьской революции был хозяином ресторана «Европа» и гостиницы. Хозяин с семьей жил в этом же доме. Когда Вале было 9 лет (1927, год сильного землетрясения в Ялте) к ним пришла из Кутаиси бабушка Анна Игнатьевна Гаттенбергер. Она остановилась в гостинице и на следующий день пришла навестить свою внучку. Она подарила девочке большую куклу, сказала, что она покойна за внучку и что больше ей писать в Кутаиси не надо. Вернувшись домой, она отравилась, приняв большую дозу морфия.

Валя занималась французским языком с француженкой, жившей по соседству. Эта пожилая дама-француженка приехала в гости к своей русской подруге в 1917 году, но уехать домой ей не удалось, она до своей смерти в 1932 году жила в Ялте, давая частные уроки. Валя окончила институт иностранных языков (французское отделение) в Москве в 1941 году, была Сталинской стипендиаткой; ее портрет висел в парке культуры и отдыха в Москве. Во время Отечественной войны она была в Омске, где преподавала французский и немецкий языки для специалистов военной и дипломатической служб. Она оказалась в бывшей столице Всероссийского государства А. В. Колчака, да еще с такой фамилией! Правда ее фамилия писалась как Гатенберг, так как при крещении дьячок не смог правильно ее написать. Ольга Николаевна всячески оберегала дочь от любых зна-

Валентина Борисовна
Гатенберг.
Москва, 1948 год

комств с омичанами. Нередко она разыгрывала «сердечный приступ», если Валю приглашали в какую-нибудь кампанию «сильных мира сего». Валя оставалась дома, с мамой. Она не знала истинной причины этих сердечных приступов.

После войны с организацией языковых спецшкол в конце 1950-х годов в Москве она стала заведующей учебной частью во французской школе им. Ромена Роллана. Валентина Борисовна — автор трех учебников французского языка для спецшкол, организатор школьного музея «Нормандия—Неман». Учившиеся у нее ученики говорили, что она очень строгая и требовательная учительница, но те, кто прошел ее школу, знали язык прекрасно. Лишь в 1984 году, незадолго до своей смерти, Ольга Николаевна рассказала дочери о ее отце и отдала ей единствен-

ную семейную фотографию, где Борис Петрович Гаттенбергер сфотографирован в военной форме капитана с орденом Святого Георгия на груди.

Валентина Борисовна разыскала семью Петра Федоровича Гаттенбергера в начале 1990-х годов, завязалась дружба. В течение 10-ти лет я и мой отец навещали ее, мы вели длинные интересные разговоры. Особенно было интересно послушать о ее жизни в Омске. Она вспоминала о каких-то странных разговорах, направленных в ее адрес.

Валентина Борисовна была 2 раза замужем, но детей у нее не было. Она умерла 14 ноября 2002 года в Москве, похоронена на Донском кладбище.

Валентина Борисовна
Гатенберг. 1990 год

МИЛИЦА НИКОЛАЕВНА (1916-2007) и ИРИНА НИКОЛАЕВНА (1923 г. р.) — МОИ ФРАНЦУЗСКИЕ КУЗИНЫ

Милица родилась 4 сентября 1916 года в Севастополе. Ее крестили как православную, крестным отцом был бельгийский королевский консул Э. Л. Бернар, а крестной матерью — жена капитана 2-го ранга А. В. Шуберт. Семья жила на набережной, по адресу: улица Тихменевская, дом 18.

20 ноября 1920 года с Черноморской эскадрой на «Георгии Победоносце» четырехлетняя Милица с мамой Надеждой Людвиговной навсегда покинули Россию. Они приплыли в г. Бизерту (Тунис) только 14 февраля 1921 года, так как около месяца стояли на карантине на острове Галлиполи. Семья Гаттенбергеров жила в Тунисе лучше, чем другие русские. Надежда Людвиговна, как француженка по паспорту, сразу же нашла работу в мэрии Бизерты, и семья жила в городской квартире (а не на корабле). Милица окончила педагогическую школу в г. Тунисе, получив степень бакалавра. Преподавала в арабских и французских школах Туниса. Хорошо знала русский язык. В 1940 году вышла замуж за Габриэля Сепя, французского колониста-землевладельца. В 1957 году после получения независимости Туниса она вместе с мужем и детьми переселилась во Францию, преподавала и заведовала учебной частью в школе д. Белабр (департамент Эндр). После выхода на пенсию и получения денежной компенсации за потерю недвижимости в Тунисе купила дом в г. Ле Блане, где проживала до своей смерти. У нее два сына — Пьер (1946 года рождения), преподаватель математики Парижского лицея, проживает в Париже вместе с женой Анни и двумя сыновьями — Оливье и Бенжаменом, а также

Михаил Александрович Ахметьев, Франсуа и Николь Сепе,
Нина Петровна Ахметьева, Пьер, Анни, Бенджамин Сепе.
Париж, 2004 год

Семья Сепе: Николь, Милица Николаевна, Пьер, Анни.
Леблан (Франция), 2006 год

сын Франсуа (1951 года рождения), фотограф журнала «За безопасность на автодорогах», также проживающий в Париже с женой Николь. Оливье — молодой физик-теоретик, доктор наук, работает в одном из научных центров Гренобля. Бенжамен — инженер по телекоммуникациям, живет в Париже. Милица Николаевна трижды приезжала в Россию, всегда интересовалась жизнью россиян.

Ирина Николаевна (Ирэн) родилась в г. Бизерте 7 августа 1923 года, она училась в школе д. Загуан и в Бизерте, специального образования не имеет, хорошо знает русский язык. В 1945 году вышла замуж за французского морского офицера Жана Леона Герена родом из северной Франции (Бретани). Жила в г. Касабланке (Марокко), с 1974 года — во Франции в г. Канны. В 1982 и 1985 годах приезжала туристом в СССР. Имеет 4-х детей: Эрика (проживает в г. Бордо), Филиппа (проживает в Париже), Элизабет (проживает в г. Сент-Мало) и Франсуазу (проживает в Германии) и 6 внуков.

Я очень люблю моих французских кузин. Они для меня по настоящему родные и близкие. По их приглашениям я была во Франции 7 раз. Никогда не забуду свой первый визит в 1981 году. Кузины встретили меня тепло, организовали для меня незабываемые экскурсии в долину р. Луары и в предгорья Альп. В последние 10 лет все Сепа активно помогали мне разыскивать Гаттенбергеров-французов, мы объездили десятки малых городов, где живут до настоящего времени Гаттенбергеры. и кладбищ, где они похоронены.

Ирэн, Патрик (муж Элизабет), Элизабет,
Филипп, Вова, Нина, Франсуа.
Кафе в Париже, 1983 год

Милица Николаевна Сеп, Нина и Миша Ахметьевы,
Николь Сеп (Франсуа фотографирует).
Поездка в Эльзас, поиски французских Гаттенбергеров.
Франция, 2004 год

Семья Hattenberger и Нина Ахметьева в Эльзасе. Франция, 2004 год

Предметы из чайного сервиза (фарфор, роспись надглазурная, позолота, цирровка) по рисунку Ф. И. Гаттенбергера. Санкт-Петербург, 1810–1825 гг. Государственный Эрмитаж

Проект вазы и чайника. Лист 16 из альбома Ф. И. Гаттенбергера «Собрание различных фарфоровых и стеклянных столовых приборов». Санкт-Петербург, 1807 г. Государственный Эрмитаж

Проект фарфоровой лейки и вазы. Лист 12 из альбома Ф. И. Гаттенбергера «Собрание различных фарфоровых и стеклянных столовых приборов». Санкт-Петербург, 1807 г. Государственный Эрмитаж

Лейка с фигурой Амура (фарфор, роспись надглазурная полихромная, позолота, цировка) по рисунку Ф. И. Гаттенбергера. Санкт-Петербург, 1806 г. Государственный Эрмитаж

Декоративное блюдо. Работа Н. П. Гаттенбергер. Москва, 1912 г.

Декоративное блюдо. Работа Н. П. Гаттенбергер. Москва, 1912 (?) г.

Настенная композиция «Московские переулочки» (эмаль, дерево, алюминий).
Работа Н. Л. Гаттенбергер, 1997 г.

Нагрудное украшение «Феникс»
(нейзильбер, кеару, эмаль).
Работа Н. Л. Гаттенбергер, 1988 г.

Нагрудное украшение «Лебедь»
(нейзильбер, перламутр).
Работа Н. Л. Гаттенбергер, 1988 г.

Медаль к 100-летию
Бородинской битвы. 1912 г.

Погон
Николая Федоровича

Орден Святого Георгия

- 1. Крест 3-й степени для нехристиан.
- 2. Крест 4-й степени.
- 3. Кресты 1-й и 2-й степеней.
- 4. Монограмма на оборотной стороне ордена.
- 5. Знак ордена 1-й и 2-й степеней.
- 6. Знак ордена для нехристиан.

Орден Святого Владимира

- 7. Звезда 1-й и 2-й степеней.
- 8. Крест 4-й степени с мечами.
- 9. Крест 4-й степени за 35-летнюю службу.
- 10. Крест 1-й и 2-й степеней.
- 11. Крест 3-й степени.
- 12. Крест 3-й степени для нехристиан.

Орден Святой Анны

- 13. Орденский знак 4-й степени.
- 14. Звезда 1-й степени.
- 15. Звезда 1-й степени с мечами.
- 16. Крест 1-й степени.
- 17. Монограмма на оборотной стороне ордена.
- 18. Крест 2-й степени с мечами.
- 19. Крест 3-й степени для нехристиан.

Орден Святого Станислава

- 20. Знак-звезда 1-й степени.
- 21. Звезда 1-й степени для нехристиан.
- 22. Монограмма на оборотной стороне крестов.
- 23. Крест 2-й степени для нехристиан.
- 24. Крест 3-й степени с мечами.
- 25. Крест 1-й степени.

Книга Ф. И. Гаттенбергера «Коллекция рисунков в плане, разрезе, их вид сверху, в профиль, в перспективе и рисунки отдельных деталей в тетрадах, содержащих описание материалов, машин, инструментов, изобретенных или усовершенствованных м-ром Гаттенбергером». Санкт-Петербург, 1805 г. Государственный Эрмитаж

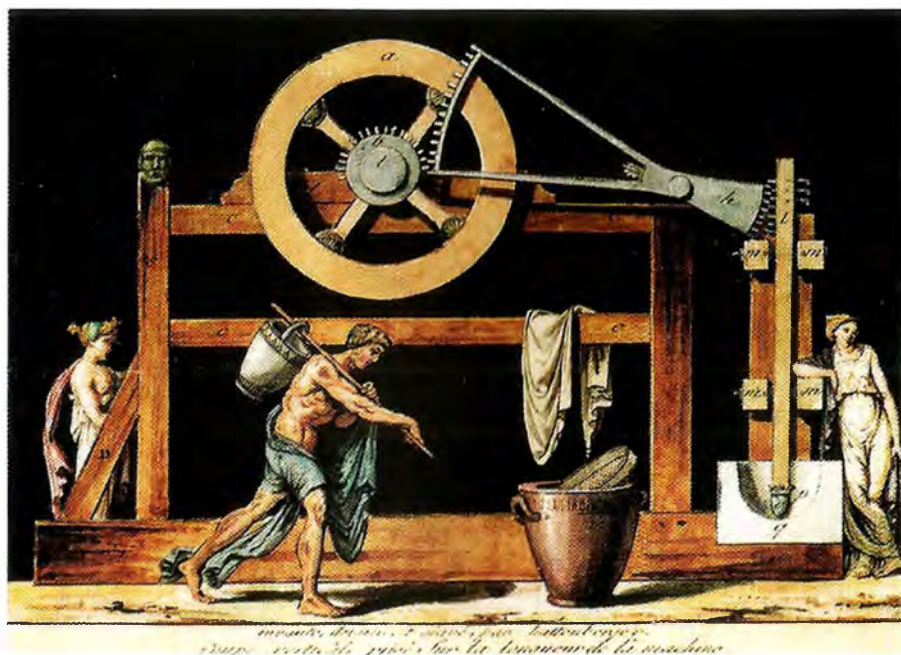

Иллюстрация к книге Ф. И. Гаттенбергера. Глиняная машина

Ирис «Ростовчанка» селекции П. Ф. Гаттенбергера.
Москва, 1989 г.

Красный ирис «Петр Гаттенбергер» селекции В. В. Гаврилина. Москва, 2005 г.

На кладбище в «Mortzwiller».
Эльзас, 2004 год

Франсуа Сепе нашел могилу
Гаттенбергеров на кладбище
«Sopre le Haut».
Эльзас, 2004 год

Милица Николаевна. 1980 год

Милица Николаевна. 2004 год

С особой теплотой вспоминаю недавно скончавшуюся Милицу Николаевну, бережно хранившую документы, фотографии и некоторые вещи Николая Федоровича, своего отца.

**ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ
ПРОЗОРОВСКИЙ-
ГАТТЕНБЕРГЕР (1950 г. р.) —
ПРОДОЛЖАТЕЛЬ РОДА ГАТТЕНБЕРГЕРОВ В США**

Судьба Владимира Петровича полна событий. Он родился в Чили в 1950 году. Его мать Лидия Николаевна Прозоровская-Хухалова с сыном Георгием оказалась в Чили после Второй мировой войны. Считая, что ее муж Анатолий Борисович Хухалов погиб на войне, она вторично вышла замуж за Петра Георгиевича Гаттенбергера. Семья жила бедно. Основным препятствием для достижения какого-либо благополучия было незнание испанского языка и отсутствие гражданской специальности у главы семьи — кадрового военного. Семья помогал Анатолий Борисович Хухалов. Он был строителем и в молодые годы работал на строительстве метро в Москве. В Чили он довольно быстро нашел работу по специальности. Владимир и Георгий учились в местной школе, хорошо изучили испанский язык, но в семье всегда говорили по-русски. Приехав в 1964 году в Сан-Франциско, семья Гаттенбергеров столкнулась с новым препятствием — с плохим знанием английского языка. Потребовалось время, чтобы освоиться в новой обстановке. Владимир продолжил учебу в лицее Сан-Франциско, однако высшего образования не получил. С 20 лет он начал работать — сначала на рудниках и в шахтах, позже — на нефтяных месторождениях, выполняя хозяйственное обеспечение предприятий. Был в Колумбии, Чили, Бразилии, Саудовской Аравии. В 1977 году женился в Лос-Анжелесе на русской по происхождению Наташе Ивановой. Наташа родилась в Париже в 1953 году в семье русских эмигрантов, выславших после революции из Киева. Когда ей было три года, ее родители переселились в Нью-Йорк. Наташа хорошо знает русский, французский, английский и испанский языки, путешествовала с мужем по многим странам, проживала вместе с ним в неблагоприятных условиях. Она, в отличие от многих американок, хорошо готовит, варит украинские борщи, печет пирожки с капустой и мясом, не боится

Наталья Борисовна и Владимир Петрович
Прозоровские-Гаттенбергеры.
Сан-Матео, 2007 год

Наташа, дедушка Борис Георгиевич Иванов, Вера.
Сан-Матео, 2007 год

Николай с мамой Наташей Прозоровские-Гаттенбергеры.
Сан-Матео, 2007 год

трудоёмкой работы по хозяйству. Она верная спутница жизни Владимира. Сейчас они живут в г. Сан-Матео под Сан-Франциско. У них трое детей: Наташа (1979 года рождения), Вера (1981 года рождения) и Николай (1984 года рождения). В настоящее время Владимир работает по эвакуации легковых машин, потерпевших аварии на дорогах. Он владелец большой машины с платформой, увозящей разбитые машины и участка земли, где некоторое время эти машины хранятся. Наташа-дочь — художник-дизайнер, Вера — техник, Николай занимается строительством макетов лодок и катеров. Он является единственным продолжателем рода Гаттенбергеров, приехавших из России в США после Октябрьского переворота.

**ЕЛИЗАВЕТА ОЛЕГОВНА
(ELIZABETH)
ГАТТЕНБЕРГЕР-СМИТ
(1943 г. р.) — РУССКАЯ АМЕРИКАНКА**

Она моя дальняя родственница, я и ее отец Олег Александрович Гаттенбергер троюродные брат и сестра. Я познакомилась с ней через Интернет, дважды виделась с ней в Москве в 2005 и 2006 годах, а в ноябре 2007 года жила у нее в гостях в Сан-Франциско.

Приезд Елизаветы Олеговны и Катрины Смит в Москву:
Елизавета Олеговна, Михаил Алексеевич Ахметьев, Катрина. 2006 год

Катрина и Элизабет Смит. Сан-Франциско, 2003 год

Бетти родилась 20 февраля 1943 года в Сан-Франциско. Она училась в гимназии этого города, а затем в Калифорнийском университете на искусствоведческом отделении, но университет не закончила. Она неплохо рисует маслом, есть у нее и акварельные рисунки. Ее квартира завешана репродукциями с русских картин Саврасова, Шишкина, Серова, Васнецова, Левитана, Айвазовского и других русских художников. Есть и китайские панно, японские безделушки, портрет Николая II, портреты Helene — ее матери и голова любимой лошади Олега Александровича, выполненные маслом. Много статуэток и ваз японского, китайского и индийского производства. Бетти увлекалась скачками. Она сама участвовала в соревнованиях и не раз завоевывала призы в заездах одиночек-колясочников. Она и сейчас в свои 64 года занимается конным спортом. У нее есть скаковая лошадь, которая стоит в конюшне в пригороде Сан-Франциско под присмотром конюха-мексиканца. Каждую неделю, а иногда и несколько раз в неделю Бетти и ее дочь Катрина приезжают на конюшню и прогуливаются по парку. Бетти, как и ее отец, любит путешествия. Она была во многих

странах, три раза приезжала туристом в Россию. Она совершила круиз по Волго-Балту (Москва—Петербург—Москва), путешествие на поезде Москва—Владивосток, посетила Ломоносовский фарфоровый завод в Санкт-Петербурге, где работал наш предок Франц Иванович Гаттенбергер. Она мечтает посетить Томск — родину отца. Бетти интересуется русской историей. У нее много книг по истории Белого движения — о Колчаке, о семье русских царей, воспоминания очевидцев революции, о Томске и Сибири. Она выписывает еженедельную газету «Русская жизнь», хотя русский язык знает плохо. Она активный член Русского центра в Сан-Франциско. Каждый год в феврале Центр проводит Русский фестиваль, выручка от которого поступает в Русский центр на различные благотворительные программы. Она рассказала мне, как проходил последний фестиваль в феврале 2007 года. Присутствовало около 3000 человек. Она готовила блины, другие женщины — пироги с мясом и с капустой, готовили гречневую кашу, русские напитки и пр. Главным мероприятием был концерт, доходы от которого пошли для оказания помощи слепым детям и сиротам России. В 2004 году в Сан-Франциско, в Русском центре, выступал пианист Игнат Александрович Солженицын. Сборы от концерта также были переданы на благотворительные нужды. В 2008 году в Русском центре будет выступать квартет под управлением Коневца.

Бетти — православная. Каждое воскресенье она посещает Храм Божьей Матери, построенный в 1964 году (архитектор — Олег Иваницкий). Храм прекрасный, белокаменный, с хорошей акустикой. Богослужение проходит на русском языке. Я обратила внимание, что очень хорошо поет хор, расположившийся на балконе над входом в Храм. Справа у стены стоит рака с мощами святого Иоанна Сан-Францисского и Шанхайского, рядом — икона: Николай II, Александра Федоровна и царевич Алексей, причисленные к ликам святых. В Сан-Франциско пять православных церквей. Прекрасный Свято-Николаевский храм в Вашингтоне, построенный в 1930 году для увековечения памяти всех русских, жизнь свою положивших за Родину и Веру в период Первой мировой войны и революции. Заслуживает внимание Свято-Троицкий храм и монастырь в Джорданвилле (штат Нью Йорк). Много русских церквей на Аляске.

Бетти вышли замуж за юриста Дениса Смита, который погиб в автомобильной катастрофе в 1970 года. 13 декабря 1967 года у них родилась дочь Катрина.

Катрина окончила университет в Сан-Диего, исторический факультет. Хорошо знает французский и испанский языки, но русским не владеет. Катрина современная красивая девушка, не замужем. Она любит быструю езду на автомобиле, любит конный спорт, теннис, владеет современной компьютерной техникой, любит путешествовать. объездила почти весь мир. Была и в России. Занимается вместе с матерью и дядей Робертом семейным бизнесом.

Русская православная церковь в Сан-Франциско. 2007 год

Я очень благодарна Бетти и Катрине за содействие, которое я получила от них — возможность поработать в библиотеке Гуверовского института, побывать на кладбище, где похоронены представители нашего рода, оказавшиеся на чужбине; они познакомили меня с сохранившимися у них документами и фотографиями, организовали встречу с Владимиром Петровичем и Натальей Борисовной Прозоровскими-Гаттенбергерами, от которых я тоже узнала много интересного и печального о судьбе Гаттенбергеров, живших до Октябрьской революции в Хабаровске.

РОБЕРТ ОЛЕГОВИЧ (1948 г. р.) — АМЕРИКАНСКИЙ БИЗНЕСМЕН

Роберт Олегович родился 20 февраля 1948 года в Сан-Франциско. Он окончил Калифорнийский университет, животноводческое отделение. Разводил коров мясных пород, владел ранчо. Любит животных, особенно лошадей и собак. Его домашняя собака совсем очеловечена, равноправный член семьи. Роберт живет в маленьком городке Юкайя, в 180 км севернее Сан-Франциско, расположенном в долине реки Русской (Russian River). У него большой дом с садом и бассейном. В саду уютно, много роз, ирисов. Из деревьев — магнолия, плодовые деревья, секвойя и русская белая березка, конечно в интродукции. Город Юкайя — древнее поселение индейцев. Сейчас это городок с населением около 20 000 человек. Лишь в центре города есть несколько зданий в 2–3 этажа. На остальной территории — уютные коттеджи с участками земли 0,5–1,0 га. Некоторые хозяева имеют огороды, содержат домашний скот, кур, индеек. Но большинство участков — сады для отдыха с фруктовыми деревьями, декоративными кустарниками и цветами. В окрестностях Юкайи много виноградников, из которых приготавливают вино по французским рецептами — Совиньон (белый и красный), Каберне, Мускат (белый и красный). Окрестности города живописны. В геологическом отношении этот район входит в активную зону Кордильер. Поэтому здесь можно увидеть гейзеры, термальные источники, периодически происходят землетрясения. В горах обитают маленькие олени (deer). Они спускаются в город и спокойно расхаживают по городскому кладбищу, где их никто не тревожит. Они объедают цветы, кустарники, вытаптывают траву. Врагов у них нет, так как в городе нет бесхозных собак, люди их не прогоняют и, естественно, не отстреливают. С гор спускаются и стаи диких индюшек. Они вальяжно разгуливают по скверам и участкам жителей города, объедают посевы, цветы, кустарники. Никто их не трогает.

Роберт — заметная фигура в городе. В 2005 году его выдвигали в мэры Юкайи. Сейчас он занимается семейным бизнесом вместе с Бетти и Катриной. Он холост, детей у него, к сожалению, нет.

Роберт Олегович Гаттенбергер.
Сан-Франциско, 2002 год

Автор не приводит сведения о ныне живущих в России представителях рода Гаттенбергеров, полагая, что это должно быть делом наших потомков.

ЭПИЛОГ

Жан Франсуа Ксавье Гаттенбергер, зачем ты приехал в Россию? Зачем покинул свою уютную благополучную Швейцарию? Сейчас бы твои потомки жили-поживали припеваючи, любовались бы белоснежными вершинами Альп на фоне голубого неба. Так ведь нет! Человеку всегда что-то надо необычного, увлекательного. Потянуло тебя на восток, в заснеженную медвежью Россию.

Гаттенбергеры хорошо потрудились на благо России — весьма способствовали развитию фарфорового дела, украшали интерьеры дворцов в Лефортове и Павловске, были инженерами-путейцами, проявили себя на судебном поприще, были преподавателями, офицерами и генералами. Награждались за бесстрашие и верность отечеству Георгиевским оружием и орденами Святого Георгия. И что же дальше?

Во время Октябрьского переворота и Гражданской войны 22 человека, носящих в России фамилию Гаттенбергер, погибли на поле боя, 5 — покончили жизнь самоубийством, 8 — эмигрировали во Францию, Китай, Сербию и США, двое погибли в 1930-х годах в сталинских лагерях. Во Вторую мировую войну, кажется, должен бы погибнуть и последний из мужчин, оставшихся в России с фамилией Гаттенбергер — мой отец, прошедший солдатом всю войну. А вот и нет! Тоненькая веточка российского древа Гаттенбергеров жива. Кто знает, может быть, Гаттенбергеры еще много сделают для процветания нашей многострадальной России.

Сейчас в Москве и, вероятно, во всей России проживает 9 человек, носящих эту фамилию. Это клан моего отца: его сын Юрий Петрович, доктор геолого-минералогических наук, профессор; его жена Наталья Леонидовна, художница, член МОСХа, заслуженный художник России; внук Алексей Юрьевич, инженер; его жена Любовь Викторовна, бывшая председателем секции «Ирисы» в клубе «Цветоводы Москвы» в течение 6 лет; второй внук — Степан Юрьевич, инженер-строитель; его жена Елена Сер-

Семья Гаттенбергеров.

Сидят — Юрий Петрович, Ольга Юрьевна, Наталья Леонидовна;
стоят — Алексей Юрьевич и Степан Юрьевич. Москва, 2007 год

геевна, также инженер-строитель, и их дети — правнуки Петра Федоровича — Елизавета Олеговна, Анна Степановна и Николай Степанович Гаттенбергера, учащиеся. Единственному продолжателю рода Гаттенбергеров по мужской линии сейчас 16 лет, он ученик 11 класса Московской школы.

Наталья Леонидовна Гаттенбергер — художник-ювелир. Ею созданы многие украшения.

Елена Сергеевна и Степан Юрьевич Гаттенбергера. Москва, 2002 год

Николай Степанович Гаттенбергер. Москва, 2008 год

А как живут русские эмигранты Гаттенбергеры в США? Благодаря своему трудолюбию, честному отношению к делу, тяге к образованию, в целом русские эмигранты живут хорошо.

Эмиграция первой волны, 1920–1930-х годов, состояла из русского офицерства и интеллигенции. Эти русские довольно быстро выучили английский язык, приобрели специальности, своим детям они изо всех сил старались дать образование и таким образом вывели их на уровень высокооплачиваемых людей. Эти люди хорошо образованные, выдержанные, умные, они составляют средний класс американского общества. К этой группе русских эмигрантов относятся Гаттенбергеры, приехавшие в Сан-Франциско из Китая в 1923 году. Они достаточно обеспечены, владеют недвижимостью, чувствуют себя настоящими американцами.

Русская эмиграция второй волны — это русские, оказавшиеся в США после Второй мировой войны, т. е. в 1950–1960-е годы. Многочисленные русские — беженцы с оккупированных территорий бывшего СССР; военнопленные, которые знали обстановку в стране, пройдя испытания 1937–1939 годами; русские, насильно выселенные из Китая; а также русские, воевавшие на стороне Германии, — все они не хотели возвращаться на родину. Они искали пристанища в Чили, Бразилии, Аргентине, Колумбии, Австралии, Марокко, США и других странах. Сразу после окончания войны правительство США не давало визы на въезд, были установлены ограничения в виде определенных ежегодных квот.

Семья Петра Георгиевича Гаттенбергера приехала в Сан-Франциско лишь в 1964 году из Чили. Снова надо было осваивать иностранный язык — английский (после испанского, господствующего в Чили), найти работу, дать образование детям — Георгию и Владимиру, приспособиться к но-

вым условиям. Владимир не получил высшего образования, он работал долгое время на рудниках и шахтах в Чили, Перу, Колумбии, на нефтяных месторождениях Саудовской Аравии в качестве хозяйственника, обеспечивающего производство. В настоящее время он с семьей живет в Сан-Матео, недалеко от Сан-Франциско, мечтает открыть ресторан с русской кухней. Его жена Наташа Иванова, родившаяся в Париже, хорошо готовит украинский борщ, блины, пирожки с капустой, мясом или рыбой. Семья живет безбедно, но все члены семьи работают много.

А вот еще история русского семейства из Одессы, рассказанная мне одним русским 78-ми лет в Музее русского искусства в Сан-Франциско, где я побывала в октябре 2007 года. Его отец работал начальником электростанции, снабжавшей электроэнергией один из районов Одессы. Когда Одесса была оккупирована немцами, ему предложили продолжать свою работу (в приказном порядке), что он и сделал. В 1944 году он с семьей двинулся на запад с отступающей немецкой армией, боясь остаться на родине, так как был бы «уличен в сотрудничестве с немцами». После многомесячных мытарств по Европе семья попала в Марокко. Там они жили в ожидании визы в США. Работали на стройках ангаров и аэропорта, изучали французский и английский языки. В 1950-е годы они приехали в Сан-Франциско. В первые годы жилось тяжело — не было жилья, сбережений, работа только на стройках. Однако с годами они освоились, нашли братьев и единомышленников в Русском центре Сан-Франциско. В настоящее время этот человек работает волонтером в Музее русского искусства. Он рассказал мне много интересного об организации музея, некоторых экспонатах, об интересных людях, посещающих музей, и др. Его дети и внуки уже настоящие американцы.

Русские третьей волны (среди них много свреев) приехали в США в последние годы (начиная с конца 1970-х годов). Они получили от правительства США пособия, помощь в устройстве на работу, с жильем, медицинской страховкой и др. Этим людям не пришлось испытать столько лишений, сколько пережили люди первой и второй волны.

Среди них много людей с высшим образованием: это математики, физики, медработники, люди искусства. Они очутились в США главным образом по собственной воле, это их выбор. Эти люди живут небогато, у них нет сбережений, частной собственности, но они не жалуется на свою судьбу.

Сейчас всех русских объединяет Конгресс русских американцев, русская православная церковь (главным образом русских первой волны эмиграции); в Сан-Франциско 1 раз в неделю выпускается газета на русском языке «Русская жизнь», ежегодно в феврале в течение 3-х дней проводятся русские фестивали, доходы от которых поступают в фонд Русского центра.

На основании статистических данных в США проживает 2 953 000 человек, у которых родители или предки родились в России. Из них только 243 000 человек заявили во время последней переписи населения в 1990 году, что владеют русским языком. Число прихожан в православной церкви составляет около 1 млн человек. Русская этническая группа в США является в процентном отношении одной из самых образованных.

Официальное открытие Конгресса русских американцев состоялось в феврале 1973 году. Организация была зарегистрирована Верховным судом штата Нью-Йорк и Калифорнии. Ее двери открыты для представителей и сторонников демократической, республиканской и консервативной партий. Цель организации — защита интересов американских граждан русского происхождения.

К 200-летию США Конгрессом была подготовлена передвижная выставка портретов выдающихся русских землепроходцев, деятелей Русской Америки, русских ветеранов всех войн на стороне Америки и ученых, инженеров и деятелей культуры, внесших вклад в создание Америки. Теперь эта выставка находится на постоянном хранении в Русском музее, в Сан-Франциско.

В 1978 году Конгресс основал Русско-американскую палату славы для чествования здравствующих американцев русского происхождения за их вклад в науку, технику, литературу, искусство и общественную жизнь Америки. Членами этой палаты являются В. К. Зворыкин, отец телевидения; А. Л. Толстая, писатель, основательница Толстовского фонда и лектор; профессор В. В. Леонтьев, лауреат Нобелевской премии по экономике; С. А. Жаров, основатель и бессменный руководитель хора донских казаков; А. Д. Данилова, прима-балерина; М. В. Ростропович, директор национального симфонического оркестра США; М. А. Вербов, портретист; Е. Т. Федукевич, почетный член Американской академии офтальмологии; В. П. Петров, писатель, географ и историк Русской Америки; Е. А. Александров, основатель Конгресса русских американцев, историк Русской Америки, биограф. Вот таких людей потеряла Россия!

Сейчас русские старики, возглавляющие Русский центр, дискутируют вопрос — передавать или нет материалы русского зарубежья России. Казалось бы, какие здесь могут быть вопросы, конечно «да». К сожалению, так однозначно сказать нельзя. Вспомним такой факт, что русские архивы, вывезенные из Праги советскими войсками, до сих пор не разобраны, не приведены в порядок, недоступны читателям. А прошло уже 60 лет! В каком состоянии они находятся сейчас? Можно ли ими воспользоваться и когда? Или они истлеют и пропадут на своей родине? Последний вариант наиболее реален. Если вспомнить, как русские относятся к могилам своих отцов и дедов, к памятникам архитектуры, то

приходишь к выводу — пусть материалы останутся за границей, это будет надежнее. Во время своего приезда в Сан-Франциско в октябре 2007 года я в течение недели работала в библиотеке и архивах Стенфордского университета. Брала материалы по истории Белого движения Сибири и Дальнего Востока, а также материалы по Добровольческой армии Деникина и Врангеля, просматривала каталоги. В каком прекрасном состоянии находятся все материалы! Последняя их перепись составлена в мае 2007 года. Материалы сохраняются в виде микрофильмов, многие переданы в Интернет. Наиболее важные материалы отправляются в ГАРФ (Москва, улица Пироговская, дом 17) в виде копий, но подлинники остаются в Гуверовском институте Стенфордского университета. Я думаю, что материалы Русского центра в Сан-Франциско надо оставить там, где они собирались, где создавались по крупицам русские музеи. Передать их в русские музеи, архивы или библиотеки — это значит их потерять. Я пишу эти слова с горечью и болью; я не живу в США и не собираюсь там жить, я стараюсь быть объективной. Но то бережное отношение к русским документам, какое я увидела в Гуверовском институте, меня покорило. Конечно, в Америке этими материалами пользуются немногие, однако любители русской истории встречаются среди студентов, аспирантов и преподавателей, и это весьма оградно. А может быть, лет через 100–200 снова возникнет интерес к нашей стране? Тогда надо будет поднимать архивы Гуверовского института, а в России большинство документов к этому времени истлеет, если отношение к их хранению не изменится.

Среди русских эмигрантов (стариков) есть и такое мнение — все личные дневники, мемуары, письма надо уничтожить, взять с собой в мир иной. Я помню, как моя мама сжигала на костре письма своей мамы, дедушки Петра Ивановича Бартенева, фотографии каких-то мне совсем чужих людей. И как я сейчас об этом жалею. Ведь дневники какого-нибудь скромного очевидца революционных лет, Гражданской войны или военных лет могут рассказать гораздо больше, чем официальные сводки газет и журналов, особенно написанные в советское время.

ЛИТЕРАТУРА

- Agarkova G. D., Petrova N. S.* Lomonosov Purcelain Manufacture St. Petersburg 1744–1994 // Joint Publishers: Lomonosov Purcelain manufacture & Desertina Switzerland. 1994. 250 p.
- Адарюков В. Я.* Очерк по истории литографии в России // Аполлон. 1912. № 4.
- Адарюков В. Я.* Франц Иванович Гаттенбергер // Среди коллекционеров. 1922. № 5–6.
- Адресная книга жителей Москвы за 1793 год.
- Адрес-календарь лиц, служащих в Тверской губернии. Тверь, 1880.
- Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1875 год. Нижний Новгород, 1875.
- Адрес-календарь Тверской губернии на 1916 год. Тверь, 1916.
- Адрианов А. В.* Альбом кавалеров ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия // Белград, 1935.
- Альмендингер В. В.* Гибель 2-го батальона Симферопольского офицерского полка (Памяти Б. П. Гаттенбергера) // Военная быль. Издание Общекадетского объединения. Париж, 1962. № 57.
- Альмендингер В. В.* Симферопольский офицерский полк // Военная быль. Париж, 1965.
- Андреев П. Н.* Юго-западные железные дороги. Историко-экономический очерк. Киев, 1896.
- Арбат Ю. А.* Фарфоровый городок. М, 1957.
- Атаман Богаевский. Сб. статей, посвященных памяти донского атамана Африкана Петровича Богаевского / Гл. ред. А. Черячукин. Париж, 1935.
- Ахметьев М. А.* Все цвета радуги // Филателия СССР. 1983. С. 60–61.
- Ахметьева Н. П.* Рядом с ирисами. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.
- Барановская М.* Первый краевед и этнограф Бурятии — декабрист Н. А. Бестужев // Советское краеведение. 1936. № 3.
- Безбородов М. А.* Дмитрий Иванович Виноградов — создатель русского фарфора. М.; Л. 1950.
- Бенуа А.* Царское село 1711–1862. СПб., 1910.
- Бенуа А.* Мои воспоминания. М.: Захаров, 2003.
- Берг В.* Последние гардемарины (Морской корпус). Париж, 1931.

- Бизертинский морской сборник 1921–1923 гг. / Сост. и науч. ред. В. В. Лобыцын. М., 2003.
- Бобринский Л.* Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Российской империи. СПб., 1890.
- Большая советская энциклопедия. М., 1972.
- Брокгауз и Эфрон.* Энциклопедия. СПб., 1898.
- Василенко В.* Скульптура Гарднера // Декоративное искусство СССР. 1960. № 5.
- Вербилки, история фарфорового завода Ф. Я. Гарднера. М., 2005.
- Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. Сан-Франциско, 1985. № 254.
- Военная быль. Париж, 1962. № 57.
- Вольф Н. В.* Императорский фарфоровый завод. СПб., 1906.
- Виргинский В. С.* Возникновение железных дорог в России. М., 1949.
- Врангель Н.* Иностранцы в России // Старые годы. 1911. № 7.
- Гарин-Михайловский Н. Г.* Студенты. Инженеры. М., 1981.
- Гаттенбергер П.* Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. Сан-Франциско, 1978.
- Гаттенбергер П.* С Амура на Дунай. Трагедия Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса // Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. М.: Центрполиграф, 2003.
- Гаттенбергер П. Ф., Линия Л.* Краеведная работа на Крайнем Севере // Советское краеведение. 1934. № 9.
- Гаттенбергер П. Ф.* Садовые ирисы в России. М., 1993.
- Гаттенбергер П. Ф.* Целинный совхоз Маканчинский // Календарь колхозника на 1957. М., 1956.
- Гаттенбергер П. Ф.* Целинный совхоз в шестой пятилетке. М., Сельхозгиз, 1956.
- Григорьев С., Захаров В.* Кавалеры Ордена Святого Георгия Победоносца // СПб.: Хроникер, 1994.
- Деникин А. И.* Белое движение и борьба Добровольческой армии. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3.
- Дети русской эмиграции. М: Terra-Terra, 1997.
- Дмитриенко Н. М.* Томск. История города от основания до наших дней. Томск, ТГУ, 1999.
- Дулькина Т. И.* Мастера Киево-межигорской фабрики // Сб. Из истории русской керамики и стекла XVII–XIX веков. М., 1986. Вып. 62.
- Журнал Главного управления путей сообщения и служебных зданий. 1843–1864.
- Журнал Министерства путей сообщений. 1865–1870.
- Журнал путей сообщений. 1826–1842.
- Jonathan D. Smele.* Civil war in Siberia, 2004.
- Зайончковский П. А.* Справочник по истории дореволюционной России. М, 1978.
- Звягин С. П.* Гаттенбергер Александр Николаевич // История «Белой Сибири» в лицах: Биографический справочник. СПб: Нестор, 1996.
- История Первой мировой войны 1914–1918 годов. М.: Наука, 1975. Т. 2.

- Исторический очерк развития учреждений и работ ведомства путей сообщения. СПб, 1898.
- История железнодорожного транспорта в России / Под ред. Е. Я. Красковского и М. А. Уздина. СПб.; М., 1994.
- История русского искусства. М., 1961–1969. Т. 6, 7.
- Караев Г. Н.* Возникновение службы военных сообщений на железных дорогах России. М., 1949.
- Квинитадзе Г. И.* Мои воспоминания в годы независимости Грузии в 1917–1921. Париж, 1985.
- Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни / Сост. Г. В. Егоров. Барнаул, 1991.
- Колыбель флота: навигационная школа — Морской корпус. К 250-летию со дня основания школы. 1701–1951. Париж, 1951.
- Коростин А. Ф.* Начало литографии в России. М., 1943.
- Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения за 100 лет его существования. 1798–1898. СПб., 1898.
- Критский М.* Сказание о Галлипольском сидении // Русское дело. Белград, 1921.
- Кудрявцева Т. В.* Франц Иванович Гаттенбергер — директор Императорского фарфорового завода, художник и технолог. Фонды Государственного Эрмитажа (Отдел «Музей Фарфорового завода») // Швейцарцы в Петербурге: Сборник статей. СПб., 2002.
- Кудрявцева Т. В.* Русский императорский фарфор. СПб.: Славия, 2003.
- Кузнецов А.* О Белой армии и ее наградах 1917–1921. М., 1991.
- Кучумов А. М.* Русское декоративно-прикладное искусство в собрании Павловского дворца-музея. Л.: Художник РСФСР, 1981.
- Купцов Б.* Весьегонск, вехи истории. Тверь, 1997.
- Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта 1809–1959. М., 1960.
- Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб.: Изд. Суворина, 1895.
- Лукин А. П.* Флот: Русские моряки во время Великой войны и революции // Россия. Париж, 1934.
- Максюта К.* О российском хлопке // Независимая газета. 1997. 23 июня.
- Мамонтов С.* Походы и кони. Париж: УМСА-Press, 1981.
- Manstein-Chirinsky A.* // La dernière escale. Tunis, 2000.
- Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Белград, 1930.
- Monasterev N.* Dans la mer Noire (1912–1929). Paris, 1926.
- Морозов А. В.* Фарфоровые фигуры Гарднера по гравюрам журнала «Волшебный фонарь». М.; Л., 1924.
- Моряки в Гражданской войне: Сборник. М., 2000.
- Московский некрополь / Сост. В. А. Саитов, Б. Л. Модзалевский. СПб., 1908.
- Мюллер А. П.* Иностранные живописцы и скульпторы в России. М. ГИЗ, 1925.

- Незабытые могилы. Российское зарубежье. Некрологи. 1917–1997.
- Обручев В. А.* Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М.; Л., 1947.
- Первопоходник (Летопись белой борьбы). Лос-Анжелес, 1974. № 18.
- Петербургский некрополь / Сост. В. И. Саитов, Б. Л. Модзалевский. СПб., 1907.
- Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. 1918–1922 годы. Рига.: Изд. М. Дидковского, 1930.
- Plotto Alexandre.* Au service du pavillon de Saint-Andre dans marine imperialc russe. Paris, 1998.
- Попов К.* Записки эриванского гренадера. Альбом офицеров, получивших Георгиевское оружие. Белград, 1936.
- Попов К.* Воспоминания кавказского гренадера 1914–20. Сводный 13-й полк Кавказской гренадерской дивизии. Белград, 1925.
- Попов К.* Лейб-Эриванцы в Великой войне. Париж, 1959.
- Попов В. А.* Русский фарфор. Частные заводы // Художник РСФСР. 1980.
- Пришвин М. М.* Собр. соч: В 6 т. М., 1957.
- Провинциальный некрополь // Сост. В. И. Саитов. СПб., 1912.
- Родионенко Г. И., Дрягина И. В., Гаттенбергер П. Ф.* Ирисы. М.: Колос, 1981.
- Романюк С.* Где родился Пушкин // Московская правда. 1980. 14 февр.
- Руммель В., Голубцов А.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886–1887.
- Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани, в Северной Таврии. М.: Центрполиграф, 2003.
- Русский биографический словарь. М.: Тип. Лисснера и Собко, 1914.
- Русский инвалид. Газета (август 1914 – июнь 1917).
- Русский Харбин. М.: Изд-во МГУ; Че Ро, 1998.
- Русский художественный фарфор / Сост. Б. Н. Эммс, М. Л. Егорова-Котлубай. М.; Л., 1950.
- Рытченков С.* 259 дней Лемносского сидения Атаманского военного училища. Исторический очерк. Париж, 1933.
- Салтыков А. Б.* Избранные труды. М., 1962.
- Селиванов А. В.* Фарфор и фаянс Российской империи. Владимир, 1903.
- Селиванов А. В.* Первое прибавление к книге «Фарфор и фаянс Российской империи». Владимир, 1906.
- Setenoff I.* La guerre et la paix au Caucase // Extrait du vol. «La Russie d aujourdhui et de demain.» Paris; Neufchatel: Attinger. 1920.
- Советское декоративное искусство. Материалы и документы 1914–1932 годов. 1980.
- Солодков Н. П.* Морские рассказы. Париж, 1968.
- Список обер-офицеров Ведомства путей сообщения по старшинству. СПб., 1859.
- Список чинов Министерства путей сообщения. СПб., 1871.
- Среди коллекционеров. 1923.
- Старинные русские ордена. М., 1995.
- Тодорский А., Киселев А.* Черные страницы весьегонской истории. Весьегонск, 1919.

- Троицкая С. С.* Русский Харбин. Воспоминания. Сидней, 2005.
- Труды Вольного экономического общества. СПб., 1796, 1817–1821.
- Узники Бизерты. М., 1998.
- Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку имена владельцев всех домов всей столицы; каждый дом в которой части города, в котором квартале, под каким номером, где в приходе, на главной улице или в каком переулке находится. М.: Университетская типография В. Окоорокова, 1793.
- Ферчук А.* Киевское Межигорье: первая фаянсовая фабрика в Российской империи // *Керамика: стиль, мода.* Киев, 2004. № 3.
- Харьковские губернские ведомости. 1903. 9 мая.
- Харьковско-азовская железная дорога и ее государственное значение. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1867.
- Хисамутдинов А. А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. Владивосток, 2000.
- Цветков В. Ж.* Белые армии Юга России 1917–1920. М.: Посев, 2000.
- Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц. СПб., 1914–15. Т. 1–3.
- Черный Н. В.* Фарфор Вербилоч. М., 1970.
- Чернявский М. П.* Генеалогия дворян Тверской губернии (рукописная книга). Тверь, 1870.
- Ширинская А. А.* Бизерта. Последняя стоянка. М., 1999.
- Шульц С. С.* Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994.
- Януш Б. В.* Неизвестный Павловск. СПб., 1997.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Письма Анны Петровны, Нины, Жени и Гали Гаттенбергер (1918–1920)

29 декабря 1918 года

Поздравляю с Новым годом и желаю вам, милые Катюша и Алексей Васильевич, всего наилучшего в жизни. Дай Бог Вам устроиться поскорее и жить поспокойнее. Получили от Кати деньги. Спасибо за них большое, но не много ли будет? У вас так много денег выходит на меня, да еще к празднику. Я отсюда уеду вместе с Петей 4 января. Но не знаю, куда поехать. Женя пишет, что она заплатит за комнату до 20 декабря и больше платить не будет и все вещи взяла. Она обещала написать, согласится ли хозяйка оставить меня у себя, т. е. в Жениной комнате. Но до сих пор от нее тоже ничего нет, и я не знаю, куда же мне ехать теперь. Если хозяйка согласилась оставить меня у себя, то это очень плохо, так как ей придется заплатить за комнату с 20 декабря. Ты напиши мне по адресу: Ставрополь, Верхняя Подгорная, д. № 3. Другого адреса я дать не могу. На гимназию не стоит посылать, так как там письма теряют. А по этому адресу я получу повторное. Вчера получили письмо от Романа. Он сначала обещал приехать, а теперь его полк на Ставропольском фронте в самых сильных боях. Они взяли 7 декабря Александровское, а потом отдали обратно, так как этой саранчи было 20 тысяч, а наших один полк — 1-й кавалерийский — и 400 штыков пехоты. Роман пишет, что война идет так потому, что зима суровая, вьюги и метели. Он очень устал и уже сам ждет покоя, хоть на малое время. Бедный! Только бы он был жив.

Петя такой славный парень стал. За отличное поведение и хорошее ученье его перевели на войсковой счет. Дома шалит со всеми. Я много прочла здесь книг. По вечерам читала вслух маме и Оле.

Ну, до свидания. Целую вас крепко-крепко.

Любящая вас Нина.

2 января 1919 года

С Новым годом! Поздравляю вас, милые дорогие мои Катюша и Алексей Васильевич. Желаю вам устроиться поуютнее и жить спокойно. Забыть страшный 18-й год и все то, что мы пережили. Очень все мы тронуты Катинными деньгами и сердечно благодарим за них. Живем мы, слава Богу, и сыты и веселы. Праздник встретили хорошо, все купили, что полагается к Рождеству, и не пуждались и не голодали. И даже много лишнего было. По старой привычке никак не удержаться, да все Ольга присаает. Надо и то, и се купить. Истратили мы 460 рублей. Я и сама удивляюсь, откуда у нас берутся деньги такие, все как-то Бог подает. Олины 250 руб. Да продала папины брюки синие старые и Петины детские рубашки за 25 руб. И ты 100 рублей прислала — вот и скопилось. Устраивали елку в первый день, и были гости из двух домов и Любомудровы. И опять зажигали елку в Новый год. Была молодежь — все Галины знакомые: гимназисты и гимназистки. Было очень весело. Оля, кроме жалования — 400 рублей, получила еще наградные — 300 р. Так что она шикает. Сшила белое шелковое платье, вышитое стекларусом и цветами: розочки и шиповники. Была с Ниной в маскараде, на балу и в театре, встречали Новый год у Евгения Михайловича Любомудрова все учителя гимназии в складчину. Было очень весело, до 6 часов утра. Теперь надо отправить Нину и Петю. На дорогу есть деньжата, а до 29 января как переживем, не знаю. Нина едет к Жениной хозяйке и как устроится, не знаю. Надеюсь на добрых людей — Елену Ивановну и Анастасию Яковлевну. Они как-нибудь помогут найти ей квартиру, а ехать мне устраивать ее не на что. Денег надо на дорогу много. Я все жду пенсии, а ее все нет. Уже опять писала Бурмянскому, а ответа нет.

Дрожим все за жизнь Ромаши. Он переведен на Ставропольский фронт. Идут теперь к Минеральным Водам. И каждый день в боязни — эсив ли он? Не знаем, где его разыскать и увидеть? Я писала в штаб Володе. Хлопчу теперь об его отпуске. 27 декабря также и мы служили панихиду и обедню, и были священник и Евгений Михайлович. Забери все книги к себе. Поздравляю с Новым годом Марию Алексеевну и Лелю. Кланяюсь Любомудровым и Петровым.

Любящая тебя мама.

23 января 1919 года

Милая моя, дорогая моя Катюша. Каждое твое письмо сообщает, что ты живешь очень тревожно и озабоченно. Что же делать, что такая жизнь настала в России: неурядицы, голод, болезни и еще ужасная Гражданская война. Как мы все переживем и перенесем все это, сколько останется в живых наших родственников? Нина, конечно, давно уехала в Ставрополь, ее не удержишь, и она очень упрямая, нескоро послушается. Она, наверное, писала о своем житье тебе. Посылаю ей только простыню, полотенце и туфли, которые она не хотела взять, а теперь просит. Женя ей белья не оставила, рассчитывая, что она не придет, и Нина с собой взяла всего мало. Ученья здесь тоже, конечно, нет нигде. Отпустили второй раз 22 января на неопределенный срок. Девочки читают, шьют и больше — рисуют. Будет 28 января концерт и вечер в пользу лазаретов, и Галя с Любой участвуют и танцуют в живых картинах, теперь все ходят на репетиции. Не скучают. Оживленно проводят время, готовят костюмы. Перешивают все старое, а Оля купила себе на кофточку бархатного плюша. Она за декабрь с наградными заработала 800 рублей, теперь жалованье получила 431 руб. Мне дала 200 руб. и имеет еще частные уроки. По три рубля за час, на хорошие папиросы, и на завивку по 5 рублей за раз парикмахеру. Мне, конечно, ее денег не хватает, да и топливо кончается, придется прикупить. Просто не знаю, как и выкрутиться. Писала опять в Ставрополь насчет пособия, пенсии и залога, и ничего не присылают. Писала и новому председателю и все жду какого-либо ответа. Не знаешь ли, как фамилия нового председателя? Не написать ли еще члену суда — Николаю Семеновичу Петрову? Помнишь его, у нас был, очень симпатичный человек. Была у адвоката, чтобы взялся выхлопотать пенсию в Екатеринодаре в Министерстве юстиции. Он сказал, что нет основания еще писать в Екатеринодар, пока не отказали из Ставрополя.

Получили телеграмму из Ростова от Ромаши, от 17 января. «Все благополучно. Целую, Роман». Вот видишь, домой не отпускают. Мимо ст. Сосыки ехал с Минеральных Вод на Киевский фронт, и то не отпустили. Денег мне прислать нечего ему, сам не получает жалованья. Вот какие дела его невеселые.

Коля, вероятно, службу свою в Керчи кончил и переехал в Севастополь, теперь туда очищен путь, и письма и телеграммы принимаются. Женя предполагает прожить до февраля в Гулькевичах (именье Веселая Горка). У нас был оттуда офицер-доброволец по делу в Ейске. Ночевал две ночи и привез нам от нее разных старых кофточек, два полотенца и подкладку серую с какого-то старого пальто, из которого Люба сшила себе юбку.

Как ты поживаешь? Есть ли в школе занятия? Что делаешь вечерами — читаешь или вышиваешь? Какие у вас теперь знакомые? Где ты

бываешь? И вообще пиши все-все о себе и о Медвежьем. Кажется, окончательно Господь прогневался на всех нас и не дает нам толку и порядка в жизни.

Есть ли у тебя прислуга? У нас прислуга живет хорошо. Я бы и рада, чтобы она ушла. Для нас очень дорого, да она не собирается и лето мечтает у нас жить. Целую.

Мама.

13 мая 1919 года

Дорогой Алексей Васильевич! Сердечно благодарю за присланные мне деньги на «красное яичко». Я очень тронута Вашим вниманием ко мне, но, слава Богу, я еще не так нуждаюсь, как я думала, и помаленьку справляемся. Получаем печальные вести одну за другой о смерти Ромаши. Я и все мы чувствуем себя очень плохо. Занялись мы все усиленно огородом, ходим верст за пять или более от города в степь и там работаем, устаем порядком, и этим забывается наше горе. Кукуруза у нас везде хорошая, картофель и фасоль порядочная, а остальное все плохо растет: бураков и огурцов мало, а бахчи совсем померзли, сегодня их пере-саживали.

Надумала я приехать в Медвежье, на родную могилку и к вам, вместе с Олей, она хочет тоже на могилку. Думаем вместе с Колей поставить памятник на папину могилу. Оля хочет сама выбрать его в Ставрополе и по этому поводу едет сначала туда.

Желаю всего хорошего, устраивайтесь на новоселье.

Целую, мама.

15 мая 1919 года

Дорогая моя, милая Катюша! Приехать в мае мы, вероятно, не сможем: я жду Петю, и может быть, и Коля придет нас навестить. А у Оли 17 мая экзамен по немецкому языку, потом должна быть ассистенткой на немецком экзамене и на всех окончательных советах, так что раньше 31-го или 1–2 июня выехать все трое не можем (т. е. я, Оля и Евгений Михайлович). Ты на нас не обращай внимания. Переезжай, когда хочешь, и устраивайся. Мы, конечно, теперь поедem не через Песчанку, а через Расшеватку (?), чтобы к вам заехать в Ладовку. Наши вещи все оставь в Медвежьем, т. к. пианино я лучше думаю опять везти на Песчанку. Только вот как же с ящиком быть, где же я достану досок? В чем вы нуждаетесь, чего вам привезти?

Получила 1000 руб. из окружного суда пособия, только одновременно. Купила 100 пудов дров по 3 руб. 10 коп., а остальные пойдут на перевозку вещей и часть на памятник. Ну, целую тебя, моя родная, может быть, уже скоро увидимся и поговорим, не дожидусь, когда тебя увижу.

Желаю всего хорошего,
любящая тебя мама.

1 июля 1919 года

Милая Катюша! Нина уехала 15 июня в Ейск. На дорогу дала ей 100 руб., т. к. один билет стоит в третьем классе 50 рублей. Она перешла в 7 класс, баллы у нее приличные. Володя с Колей уехали 5 июня на фронт по направлению к Царицыну в 6-ю дивизию. Я пока осталась здесь. Живу с Людмилой Петровной и Шурой на Александровской улице, д. 34. Квартира большая и хорошая, 5 комнат. Одну сдаем даме, муж которой тоже уехал с нашими на фронт. Я свободна и поэтому скучаю, хочу поехать в Ейск в июле.

Напиши, как ты живешь? Была ли мама у тебя, что она сделала в Медвежье?

Целую, Женя.

28 июля 1919 года

Дорогой Алексей Васильевич! Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, как к сыну родному. Наймите, пожалуйста, подводу из Медвежья до Ставрополя для перевозки памятника на покойного отца и брата. Мастер Федоров мне ответил, что памятник будет готов к 1 августа и его можно брать когда угодно в продолжении августа и даже сентября. Квитанция и все условия постановки памятника записаны в квитанции, которая имеется у Людмилы Петровны. Деньги посылаю с Катей, 2000 руб. 1500 за памятник доплатить и 500 руб на подводу. Мастер, по условию, из Ставрополя должен приехать в Медвежье, забрать с собой весь необходимый материал для постановки (залить и поставить), т. е. цемент, песок, камень и кирпич. Одним словом, вся постановка памятника должна быть на его счет, чтобы с нашей стороны ничего не затрачивать. Только подвода обратно из Медвежья до Ставрополя по железной дороге должна быть наша.

Прошу Вас, пожалуйста, исполните мою просьбу, а также и просьбу Николая Федоровича и всех остальных детей, исполните по-

следний долг дорогим нашим погибшим. Приезжать нам для этого некому, да и не на что.

Будьте здоровы и благополучны, пишите мне о своей жизни, не забывайте любящих вас матери и сестер.

Анна Гаттенбергер.

2 сентября 1919 года

Дорогой Алексей Васильевич! Все мы очень удручены болезнью Катюши и беспокоимся за дальнейший ее исход. Примите все меры к ее выздоровлению. Скарлатина опасна не столько сама, сколько ее последствия. Я боюсь, чтобы не было дальнейших осложнений. Деньги 200 руб., присланные Катей для Нины, получили, очень благодарны за них. Нина уезжает в Ставрополь в сентябре. Остальные деньги пока дает Оля, потом Женя обещает. Женя уехала на службу 29 августа и устроилась там очень хорошо. Но вот сегодня, 2 сентября, получили телеграмму на ее имя из Ростова от Володи, что он болен, лежит в госпитале в Ростове. Женя, вероятно, бросит службу и поедет к нему. Вот сколько волнений постоянно в моей жизни. Как жаль бедную Катюшу, скоро ли она поправится? Пишите поскорее. Дай вам Бог силы и энергии перенести это время.

Галя и Люба начали ходить в гимназию. От Пети уже получили письмо. Очень плохо их кормят, и хлеб исключительно черный. Тетя Паня и Иван Александрович вам шлют привет. Они уехали 2 сентября. Очень здесь они поправились.

Целую вас крепко, мама.

27 января 1920 года

Дорогие мои Алексей Васильевич и Катюша! Поздравляю вас и желаю только бы пока остаться и пожить в Ладовке и не бежать куда-либо от красных. Вот как поздно пришлось мне писать вам поздравление со всеми праздниками и благодарить Алексея Васильевича за присланные деньги 500 руб., которые мы получили в январе и очень нуждались в деньгах, так они были кстати.

Так тяжело писать вам, милые мои, Ниночка скончалась 23 декабря в 11 час. ночи, очень тихо, у Жени на руках. Но перед этим день очень страдала, начался отек легких, ей страшно не хотелось умирать, все мечтала учиться, о репетиторах, об уроках толковала, вспоминала вас и всех родных. В последнее время она была тяжестью, обузой всю-

ду, как бы лишняя, вот теперь она никому не мешает. Мы все сделали, что могли: не жалели ни средств, ни здоровья, ни силы. Она не вставая лежала с 5 сентября, и консилиум был, и в больницу возили, делали и покупали все, что укажут доктора. Оля и Женя не жалели средств, все деньги тратили на нее, а Люба ни сколько не жалела здоровья — все ночи после 6 ноября спала на полу с ней, переворачивала и мыла ее, стирала и т. д. До 6 ноября я была здорова. Похоронили ее 25 декабря, отпевали в соборе, белый гроб, белый катафалк, погода была чудесная, ее много народу провожало на Братское кладбище, похоронили рядом с сестрой милосердия. (На старом кладбище вырыть одну могилу запросили 800 руб., а на Братском начальник гарнизона так разрешил дать готовую могилу, только старику дали 50 руб.) Все похороны обошлись в 5000 руб. — 3000 свои нашлись, а 2000 заняли и остались на январь жить без копейки. Вот и ваши получили, потом мое старое пальто бархатное продали за 500 руб., вот так пока и живем. Вот опять, милые мои, несчастье случилось — 9 января у меня опять что-то произошло в кишечнике, направили в больницу, боли были невероятные, и 11 января была у меня вторая операция под хлороформом. Разрезали опять живот и ничего не нашли, а только наружный был нарыв и зашивать нельзя, выпустили гной, и вот теперь рану бинтую, заживает понемногу.

Я уже совершенно приготовилась к смерти и ничего не страшно. Сделала все до мельчайших распоряжений, и доктор сомневается в моей операции — все равно и без операции помру, и с операцией помру, а вот еще живу и небо копчу. С 9 января была в больнице, где до 20 января заплатили только за саму больницу 1100 руб, а еще доктору за операцию и фельдшернице за перевязку не уплачено тоже более тысячи руб. Ну, зачем и жить, где денег брать? Продаем, конечно, вещи. В больнице в сутки теперь берут 85 руб. без стола, и за медикаменты тоже платить надо, так что я живу дома, и фельдшерница через 2 дня ходит на перевязку раны, а лекарства мне никакие не надо, только молочная диета и яйца.

Вчера встала с кровати по случаю вступления в город Добровольческой армии, двух полков Марковского и Дроздовского. Вам известно, вероятно, что Добровольческая армия не ладит с казаками, и все войска ушли отсюда, и управление осталось казачье. Но вот 21 января вспыхнуло местное большевицкое восстание, и без капли крови казаки сдали оружие, все посты, и на другой день красными все были отправлены домой с песнями по станицам. Но не долго царствовали красные, с 21 по 26 января. И я встала 26 января, Петю отправили пока на время к Жене. Почта совершенно не ходила, были все отрезаны, и теперь пишу на авось, может быть когда-нибудь вы получите мое послание. Получили ли вы Олино письмо: она писала к празднику о моей болезни. Поздравление с днем ангела Ниночке получили, поплакали, уже 31 января будет 40 дней.

За деньги еще раз благодарю сердечно, но дело в том, что я не знаю, или это в счет тулуна, или это осталось у Кати от 2000 руб. на памятник. Но вообще теперь вы не беспокойтесь, Ниночки нет, пока получают Оля и Женя, мы как-нибудь по маленьку справляемся. Вот Коля никак ничем не может помочь, из Севастополя с ноября писем не получаем. Есть кое-какие вещицы Ниночки, хотелось бы переслать тебе и Леле на память, но теперь, вероятно, до весны, кто-нибудь придет ставить памятник.

Каждый день беспокоюсь о вас, куда же вам бежать? Не нападают ли на вас красные? Есть ли у вас топливо? У нас опять кончается, такая холодная зима.

Сыпной тиф здесь свирепствует, уже никто не обращает внимания, лежат все поголовно. Выживет человек — так ладно, а если нет, то в ящик и на кладбище.

Целую крепко вас, любящая мама.

Из Константинополя, по дороге во Францию, от Надин получили две открытки с очень красивыми видами Константинополя.

17 февраля 1920 года

Милая дорогая Катюша. Как ты там поживаешь? Мы от тебя письма получаем, но сейчас почта из Ейска не ходит. У нас опять здесь много новостей. Стрельба ужасная была. Власть меняется каждую неделю. Мы уже особенно не беспокоимся. Город на военном положении. Мы с Любой занимаемся. Каждый день ходим в гимназию. С 5 до 9 часов вечера в третью смену. Почему ты до сих пор не знаешь о смерти Ниночки? Мы тебе писали. Пока до свидания.

Целую тебя, любящая сестра Гая.

17 февраля 1920 года

Я хочу тебе написать последнее «прости меня и прощай». Я чувствую себя очень плохо. После второй операции от 11 января у меня рана не заживает, идет оттуда вода, гной, вообще какая-то жидкость, что-то у меня гниет в кишках или неправильно лежат кишки, так как постоянное урчание и переливание с небольшой болью. Доктор говорит, что через два месяца пройдет. А прошло три недели, я все слабею, есть ничего не могу. Дети поддерживают мои силы, только молоком, простоквашей, кашей манной, яйцом — сырым или всмятку.

Девочки за мной очень заботливо ухаживают. Все делают, что от них возможно. Моют меня, кормят. Галя все на базар ходит и ищет, чтобы было все свежее. Люба стирает и рану перевязывает. Ходит через день фельдшерница перевязывать рану, но этого недостаточно. Приходиться перевязывать каждый день или два раза в день. Фельдшернице платим 50 рублей за визит, а доктор меньше чем за 100 рублей не приходит.

На похороны ты, конечно, приехать не успеешь, а приезжай навес-
тить девочек.

Когда со школой кончишь занятия — посмотри, как они будут
жить. Посоветуй им. Я за Олю и Любу покойна, а вот за Петю и за Га-
лю очень непокойна, они совершенно еще дети и к жизни не приспособле-
ны. Я умереть нисколько не боюсь. Уж вполне с этим освоилась. Наобо-
рот, скорее хочется к Ромаше, к папе и Ниночке, а вот как они-то здесь
жить останутся! Что же делать? Господь отнял у меня здоровье.

Целую тебя и благословляю на долгую и счастливую жизнь.

Прощай. Всегда тебя любящая, мама.

Если будешь присылать деньги, то не на мое имя, а на имя Оли. Я
уже не могу ходить.

Милая дорогая Катюша! Как-то вы переживаете эти перемены
властей? Мы сидим сейчас дома, не имея никаких сведений. Почта сей-
час не ходит. Тебе мы посылаем письмо с сестрой милосердия, которая
едет на фронт. Не могу тебе всего написать, что мы здесь пережили.
Вот самое главное, что мама у нас очень слабая. Еле двигается по ком-
нате. Ждем теперь весны, чтобы мама на солнышке поправлялась. Ну,
до свидания. Спешу сейчас в гимназию.

Целую. Галя.

Дорогие мои Алексей Васильевич и Катюша. Здоровы ли вы и живы
ли? Как вы перенесли нашествие красных и где вы жили? Я очень беспок-
коюсь за вас. Мы совершенно отрезаны от всех городов, кроме ближних
станци Кубани. У нас подожгли пожарное депо, сгорело два паровоза,
остался один и только ходит воинский и санитарный поезд до ст. Сосы-
ки, письма же идут на лошадях по станицам, так что теперь не удив-
ляйтесь, когда получите письмо от нас и мы от вас. Это письмо я посы-
лаю с сестрой милосердия, которая едет в Пятигорск.

Живем мы помаленьку. Слава Богу, справляемся. Оля еще получила прибавки на дороговизну, которая все растет в грандиозных размерах. Купили угля каменного на две тысячи р., по 90 р. за пуд. Масленицу провели хорошо. Девочки ходили в театр на свои заработанные деньги, у Гали урок французского языка и она воротнички вышивает. Теперь забота большая с Петей. Куда его устроить учиться? В Новочеркасске корпус разорили красные. Уцелевший корпус уехал в Сербию в Белград. Петя остался здесь. Одного его не переправят за казенный счет до Белграда. Теперь и въезд в Екатеринодар и Новороссийск запрещен. Вот надумали пока с ним заниматься, т. е. подготовиться и держат экзамен в четвертый класс реального училища. Достали программу и начнем заниматься. Только не справиться самим по русскому, сочинению и теор. слов., алгебре, геометрии и физике. Придется брать репетитора, ничего больше не придумаешь, а одежда у него вся есть, а вот сапоги разорвал, ходит в Романовых, а одни головки приделать к его голенищам просят 2500 р. Вот какие ужасные цены.

Женя нам очень помогает, провизией и деньгами. Да еще каждый месяц что-нибудь продадим из вещей. Теперь по станицам на деньги не дают провизии казаки, а все больше меняют на вещи. Один фунт картошки стоит 25 рублей, один соленый арбуз — 50 рублей. Так что за какую-нибудь пустячную вещь меняют мешок картошки, а на деньги не укупишься. Берегите вещи и провизию, а деньги ни к чему, не надо. Поздравляю дорогого Алексея Васильевича с днем ангела. Желаю ему всего хорошего. Сердечно благодарю за участие в нашей жизни и за деньги, посланные к именинам.

Любящая вас А. Гаттенбергер.

Милая Катя!

Я научилась вязать перчатки и связала Жене, Оле, Пете и Гале, которые стали общими для работы. Теперь довязываю Жене шерстяной старый платок, выходит теплый и красивый. У Жени стало много занятий в школе, и что-то стала уставать и нервничает, все, конечно, за Володю беспокоится. Если можешь, запаси шерсти весной на мою долю, я теперь только и могу вязать, а шить не могу, да и нечего.

Хорошо ли у тебя вышел платок? Я для Лели приготовила после Ниночки синее платье теплое, юбку с кокеткой и Любину кофточку, что в институте носила и еще несколько тонких кофточек. Пиши и ты нам почаще, кланяюсь бабушке и Леле. Получила ли Леля мою открытку с поздравлением в Вашем письме? Целую тебя, моя родная.

Любящая тебя мама.

30 марта 1920 года

Христос воскрес! Милые мои и дорогие, Алексей Васильевич и Катюша. Поздравляю вас со светлым праздником и желаю, чтобы он был для вас светлый, а не черный день. Слава Богу, что вы живы и здоровы, наконец-то я от вас получила письмо, а то все время боялась за вас и думала бог знает что. Я была уверена, что вы бежали от красных в Екатериноподар и т. д., вот бы натерпелись и голода и холода, а теперь я за вас спокойна. Мы пока живы и здоровы. Я хожу по двору с палочкой. Лежу на солнышке, питаюсь только молочным и чувствую себя еще очень слабой. Дочки меня очень берегут и ходят за мной, как за беспомощным ребенком. Ранка после второй операции не зажила еще. Как дело обстоит с памятником? Есть ли возможность его привезти и поставить? И сколько еще надо прибавить денег за подводу? Людмиле Петровне на перевозку послано тысяча рублей. Петя радуется за приглашение Ладовку и собирается после занятий с Евгением Михайловичем не надолго. Он поступил в четвертый класс гимназии. Я жду тебя, моя родная, хотя это будет стоить дорого, и в вагонах будь осторожна. Кругом зараза.

Мама.

4–17 апреля 1920 года

Христос Воскресе! Поздравляю тебя, милая Катюша, со светлым праздником Пасхи и от души желаю тебе благополучия. Вчера получили от тебя письмо и три письма от Коли. Он сейчас в Новороссийске, воюет с большевиками. Надия еще не вернулась из Франции, Милица осталась с няней в Севастополе. Буду теперь описывать наше житье. Мама перед Пасхой все прихварывала и очень серьезно. Но, слава Богу, праздник встретили все благополучно. Сейчас у нас идут выборы всего учительского персонала с участием Ревкома, рабочих и учащихся города Ейска. Есть очень много интересного. Пока, целую тебя крепко.

(Остаюсь любящая тебя сестра Галя.

30 апреля 1920 года

Женя гостит у нас с шестой недели. Привезла нам от немцев из колонки много провизии, яиц и масла, а в противном бы случае остались без разговления. Жалованья Оли к празднику не получила и Женя тоже.

А продали ковер за 3500 р., который висел на стене у папы в кабинете. Теперь же получили жалованье вместо шести тысяч — четыре, но вообще праздники провели хорошо. Все было на столе и гости были и наши все были в гостях. Как вы поживаете и проводите время? Я письмо посылаю с Колей Гут. Он был в здешнем лазарете и бывал у нас. Вообще, я бываю очень рада, когда кто из моих бывших гимназистов бывает у меня. Дороговизна здесь неопишущая. Имея все свои овощи и хлеб, нам не прожить меньше чем на двести рублей в день. Мясо стоит 50 р. за 1 фунт, одна четверть молока — 1200 р., яйца — 80 р. десяток, масло — 200 руб. за фунт и т. д. Здесь вся жизнь перевернута советской властью. Все кругом новое и другое. В народный университет и медицинские курсы и т. д. будут перевыборы учителей. Инспектора и директора устранены. Целую тебя, моя милая. Благодарю за твое такое сердечное письмо. Целую Алексея Васильевича, бабушку и Лелю.

Перельмана я встречала у Белоусова, а мадам нигде никогда не встречала. Петька свои сапоги Донского корпуса износил вдрызг и ходит в больших простых Романовых, и у тех подошву всю изорвал, а новые сапоги стоят четыре тысячи — не меньше. Да и кожи нет. Вся реквизирована.

Твоя мама.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Письма Петра Федоровича Гаттенбергера с фронта (1942–1945)

31 января 1942 года (станция Шексна)

Дорогая Анночка и дети! Каждое утро, слушая радио из Москвы, я думаю о вас. Что-то за последние дни ежедневно под Москвой сбивают вражеские самолеты — как это отражается на вас? Ходишь ли ты в убежище или отсиживаешься дома?

Здесь во всем чувствуется близость Ленинграда — врачи и весь госпитальный персонал оттуда, естественно, что и все интересы вращаются вокруг этого города, вести также приходят оттуда. Перед теми ужасами, какие происходят в Ленинграде, всякая другая жизнь должна казаться счастьем. Оставшиеся семьи пишут отчаянные письма и перечисляют родных и знакомых, гибнущих от истощения. Тяжелую осаду переносит город, а прочной связи с ним еще нет. Из Москвы совершенно не доходят сюда вести. Ни я, ни другие больные в течение месяца не получали ответных писем — почта, видимо, ходит очень медленно. Все москвичи волнуются, и это по моим наблюдениям отражается на состоянии больных. То один, то другой иногда захандрит, занервничает и начнет температурить. Я стараюсь держаться крепко и не падать духом. Успокаиваю себя тем, что помочь тебе отсюда все равно ничем не могу (плохое успокоение), но верю в тебя — в твой ум и твою силу.

Наблюдая, как живет гражданское население прифронтовой полосы, убеждаюсь, что смелые, предприимчивые и решительные люди в самых тяжелых положениях остаются с продуктами питания. Повсеме-

стно возрождается натуральное меновое хозяйство, основной единицей измерения в котором является хлеб. По здешней северной зоне хлебная единица эквивалентна $\frac{1}{4}$ масла, $\frac{1}{2}$ мяса и 5–7 единицам картофеля. Большую роль играет также махорка. Думаю, что ты все это знаешь. Не жалей вещей, помни, что каждый съедобный предмет сейчас играет решающую роль в сохранении жизни, здоровья и сил. А если это, последнее, будет, то все остальное наживем.

27 января перевел на твое имя в Москву 200 рублей. Это жалованье, которое мне здесь не нужно, а тебе, может быть, пригодится. За мои боевые заслуги я на фронте получил повышение — звание сержанта — и командовал отделением (12 человек со мной). Соответственно этому и жалование теперь 125 руб. Узнай в военкомате, какую помощь получают семьи младших командиров. Если разница между рядовым бойцом и сержантом будет для тебя существенна, то хлопочи об изменении размера помощи.

В начале марта начинай думать о сельском хозяйстве, как для дачи, так и о подоконниках в квартире. На подоконниках в ящиках, горшках и банках советую посадить лук (или головками, или даже семенами), салат и шпинат. Сытости от них будет немного, но как витаминносы они необходимы, особенно в апреле. Сделай так: всю посуду после посева до появления всходов держи в теплой комнате, не заботясь о свете, а когда начнут появляться всходы, тогда их поставь на подоконники в холодную комнату. Первые посевы лучше сделать в конце февраля. На даче отдай предпочтение картофелю. Посади также корнеплоды (морковь, свеклу или брюкву) и капусту. Все остальное, по-моему, можно будет изъять, даже огурцы, так как ранних все равно не получишь, а поздние не имеют значения. Посадочный материал картофеля заготавливай уже теперь из очисток с глазками от съедобного. Около глазков снимай очистки несколько толще. Очистки разрежь и провяливай, чтобы они подсохли. Храни до весны в темноте и прохладе. Раскорчуй старую клубнику (средние три гряды спереди) и, если не будет птицы, вскопай большую часть двора. И займи это все картофелем.

Госпитальная жизнь идет размеренно, строго по расписанию. Она тебе известна по больнице. Счет времени идет от завтрака до обеда, а от обеда — до ужина. Промежутки заполняются измерением температуры, обходом врача, раздачей лекарств и дележской курева, а вечерами кино или доклады. Много времени остается и для чтения книг. Я стараюсь восполнить пробелы, а они у меня большие по части иностранных классиков. Прочел и подбираю дальше произведения Диккенса, Флобера, Бальзака и Гюго. В промежутках для отдыха держу под рукой стихи и поэмы Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Прочел в «Красной Нови» несколько статей о воспитании детей. Много интересного и полезного узнал, но применять буду позже. Внушай детям бодрость, развивай юмор, храбрость и создай здоровье.

*Передай мое письмо Юре. Привет Ирине и Борису Михайловичу.
Я поправляюсь. Об отъезде пока ничего не слышно. Целую крепко.*

Петя.

Милая Нина, целую тебя и Надю.

Папа.

Дорогой сын Юрий! Ты знаешь, что я был на фронте и там ранен. Когда я выздоровлю, я опять пойду на фронт. Ты с мамой и сестрами останешься один из мужчин. Люби, уважай и защищай их. Помни, что самые плохие пороки — это ложь и трусость. Будь храбрым и сильным. Никогда не обманывай маму и девочек. Тебе уже исполнилось десять лет, учись на отлично в школе. Делай гимнастику, чтобы быть здоровым и сильным. Целую тебя.

Папа.

20 марта 1942 года

Дорогая Анночка и дети! Пользуюсь оказией и пересылаю письмо. Может быть, оно скорей дойдет. Последнее время что-то письма из Москвы идут очень долго. Например, сегодня были получены письма только от 6 марта, т. е. шли они 14 дней. Я давно от тебя ничего не получал — думаю, что они в пути. Последнее твое письмо получил от 22 февраля.

Я тебе уже писал, что документы, посланные тобою через Малькова, я получил. Начал действовать, но признаюсь, что пробить брешь в замкнутом кругу военных организаций одному, без поддержки, чрезвычайно трудно. Каждый действует по принципу «от себя», т. е. старается уверить, что это, собственно, не их дело, а вот прибудете в часть, там уже разберут. В общем, получается заколдованный круг. Я пока надежды не теряю выскочить из него, действую, борюсь, но и не питаю никаких иллюзий.

Состояние мое хорошее. Я здоров, поправился и набрался сил. Вид у меня почти «цветущий». Посылаю фотографию — это больные нашей палаты и обслуживающая сестра. Как видишь, я выгляжу лучше многих. Рука зажила, но пока не в полной мере действует.

Как-то передумывал всю свою жизнь, окружающую обстановку и свои действия. Так уж «везет», видимо, и мне и тебе — все «не слава Бо-

гу». Каждое улучшение, каждое благо (относительное благо) доставалось с большими трудностями. А сколько всяких неприятных моментов пришлось пережить. Особенно это почувствовалось мне, когда здесь познакомился с биографиями нескольких людей (однопалатников). У них как-то вся прошлая жизнь представляется в розовом свете, желают ее и жалеют о ней. Но в то же время, когда я попытался поставить себя на их место, то, пожалуй, был бы недоволен еще больше, чем теперь. По существу это им только кажется, что они весело, радостно и сытно жили, а на самом деле жили весьма плебейски. Но их хорошее самочувствие объясняется исключительно их легкомысленностью. Люди чрезвычайно спокойно относятся ко всему. Если у него двое детей из четырех умерли — то это так, дескать, и должно быть, и переживать тут нечего. Если он, получая 500–600 рублей, отдавал все деньги жене на хозяйство, то совершенно не интересовался, как она справляется, как выкручивается, а считал себя в праве требовать каждое воскресенье еще и десерт в виде пол-литра водки. Такие спокойные натуры меня возмущают. Это своего рода бездушные и апатичные существа и мириться с ними я не могу.

По-моему, это высшая форма проявления эгоизма у более или менее развитых и образованных людей и следствие бескультурья у безграмотных. Их сознание может служить ярким примером для защиты тезиса о вреде наук и культуры.

Я как-то написал письмо в Омск коллективу своих бывших сотрудников. Получил от них ответ, который пересылаю тебе. Он мне напомнил аналогичные отношения ко мне и других людей, с которыми приходилось жить и работать. Перебирая в памяти отношения ко мне и к нам с тобой людей, думается, что большинство все же относилось хорошо (вспомни Туркестан, первые годы жизни в Москве). Чувствовалась искренность и радушие, но мы не использовали (да и не хотели пользоваться) услугами других людей.

Не обижайся, дорогая маменька, за то, что я расписался, — у тебя ведь нет времени сейчас много читать, а мне хочется поговорить с тобой.

Еще вспомнилось и приятное — это то, что все же кое-чем мы с тобой можем не только быть довольны, но даже гордиться. Говорят, что есть народное сказание, утверждающее, что кто до 25 лет не женился, тот не женится вообще, кто до 30 лет не создал семьи, тот ее и не создаст, кто до 40 лет не создал себе положения, тот большего уже не достигнет, и наконец, кто до 50 лет не скопил богатства (а теперь можно сказать — не обеспечил средства не старость), тот его уже не скопит. Народные пословицы и приметы, основанные на колоссальном жизненном опыте, в большинстве случаев оправдываются. Ну что же — два первых условия мы с тобой выполнили, и неплохо, а дальше время еще не упущено. Прошло уже 11 лет нашей совместной

жизни. Критический период, о котором, помнишь, говорила Мария Николаевна Южина, подходит к концу, и за все время я не помню минут, когда бы был недоволен тобой. Дети же нашими, право, можно гордиться. Что касается третьего условия, то сделано хотя и мало, но кое-что есть. Я не могу себе не поставить в заслугу те печатные работы, какие вышли в свет. Все же из работ по краеведению моя работа опубликована в трудах Академии наук (помнишь, я ездил в Ленинград делать доклад) по Бурят-Монголии, и Алданская поездка заинтересовала аудиторию Дома ученых. По хлопководству последняя работа в альбоме «Хлопок» тоже останется надолго известной как фундаментальное и хорошо выпущенное издание. Печатные работы остаются всегда показателем развития и культурного уровня автора. Я доволен тем, что сделано.

О дальнейшем сейчас говорить не время. Если же создавать придется тебе одной, то мое мнение о прожитом я тебе изложил.

Кончил читать Герцена «Былое и думы», тоже ссылка «черт бы его побрал». Он был в тех же местах, где сейчас я, но жил как барин, а ужасов и страстей написал на целую каторгу. Его описание тюрьмы и ссылки очень напоминает положение декабриста Анненкова, который имел полторы тысячи годового дохода. Помнишь, мы вместе читали воспоминания Анненковой.

Ну, до свидания, дорогая.

Целую тебя, Петя.

Больше сюда не пиши. Апрель пробуду на формировании, а там уже и лето, а о времени выписки из госпиталя — напишу. Пока не беспокойся за меня и думай о себе.

14 мая 1942 года

Дорогая Анночка и дети! Наконец-то, после большого перерыва получил вчера твое письмо. Предыдущее письмо от тебя датировано 24 марта.

Очень рад, что так пока благополучно обходятся твои мытарства в жизни. То, что ты добилась устройства Нади и Нины, — большой плюс, о Юре также нет оснований беспокоиться. Физически он достаточно крепок и может перенести лишения и невзгоды, а дурное влияние среды будет противодействоваться Ириной и Анночкой. Со стороны Ирины — это большая услуга. Если даже у Юрия и пропадет год ученья, то эта неприятность будет меньше тех, которые так часто теперь приходится наблюдать у детей. Совершенно ясно, что лето и ты, и дети проведете в Москве. Видимо, народу, особенно де-

тей, теперь осталось заметно меньше, движения транспорта также, и пыли будет меньше, а воздуха больше. Представляю, какая дичь и запустение будут в Никольском.

Мое здоровье медленно продвигается вперед. Рука работает достаточно хорошо — 80 % работоспособности, а около (вокруг) раны появилось воспаление, раздражающее кожу. Лечусь кварцем. Если и дальше заживление пойдет такими темпами, то я не уверен, что годовщину войны не буду встречать здесь же.

Здесьняя жизнь идет установленным порядком, по расписанию. Уйма остающегося свободного времени заполняется чтением, разговорами и гулянием в хорошую погоду. А погода здесь прямо убийственная для южан — холодно, сыро, пасмурно. Деревья голые (вдали виден лес, а в городе его нет), на озере лед, и с неба еще вчера падал снег. Разговоры людей, собранных из самых разнообразных мест, замечательны своими словами, оценкой событий, описанием своей жизни. Еще раз вспоминается «Тихий Дон». Сейчас здесь уже начинаются белые ночи. Это явление, мало кому известное, вызывает массу удивления и обсуждения. А в бессонные ночи слушаем сказки, которые в обязательном порядке рассказываем по очереди. Забыв действительность, этот фольклор замечателен иногда своей наивностью и народной простотой.

Совет Кости для меня неосуществим, так как в школу принимают молодежь, которая затем должна будет остаться на постоянной службе, а на нас, стариков, нет смысла затрачивать средства.

Получаешь ли ты от меня деньги? Имей в виду, что я перевел тебе по 200 руб. 8 марта и 2 апреля, а также 600 руб. 1 мая.

Получила ли ты мое письмо с фотографией? Не теряю надежды увидеться с тобой.

Целую крепко — Петя.

30 июня 1942 года

Дорогая Анночка! Я забыл ранее тебя поблагодарить за присланную бумагу. Большое спасибо. В особенности благодарны все, вся палата, за тонкую курительную бумагу. Здесь большой бумажный кризис. Во всех областях ее употребления. Я жив и здоров, о том, как живу, напишу дальше, а сначала хочется сказать тебе несколько ласковых слов. Не бери на себя, дорогая, больших обязательств, как по отношению к детям, так и по отношению к себе. В случае, если придется остаться одной, не надрывайся, а делай то, что тебе под силу без особого напряжения. Ведь уже скоро год, как ты живешь без меня, и ясно, что при всяких обстоятельствах зиму также будешь одна. Привыкай к этому и не отвлекайся мыслями, заботами и беспокойством обо мне.

Этим ты не поможешь ни мне, ни себе, а только будешь расстраиваться. Во всяком случае, я думаю, что до осенних месяцев я буду вне всякой опасности. Ты только подумай: сегодня ночью исполнится полгода, как я ранен и не нахожусь на фронте. С уверенностью могу сказать, что Петров день буду здесь, так как комиссии еще не было, и раньше она не соберется. 27 июня сняли окончательно повязку с раны. Я живу, как в доме отдыха: ем, сплю, читаю и гуляю. В последнее время очень часто бывают кинокартины. Погода стоит замечательная. Я пользуюсь некоторыми привилегиями, ухожу гулять на целый день после завтрака и опаздываю к обеду. Излазил все окрестности вокруг города километров на 6–8. Природа здесь чудесная. Леса такие глухие, что, бродя по ним, невольно вспоминается пролог из «Руслана и Людмилы». Ни деревень, ни дорог. Глушь девственная, даже порубок никаких нет. Много белок, зайцев и других зверей, включая и лосей. Масса грибов, самых разнообразных. Ягод и цветов. Мне никогда не приходилось видеть северную природу во всей ее красе, в блеске летнего раскрытия, да еще в такой глуши. Чудесная картина. Я наслаждаюсь, бродя по болотам, залезая на холмы и пробираясь через чащу. Попутчиков себе для бродяжничества не могу подобрать. Народ какой-то все квелый — после первой же прогулки пасует, а обилие комаров, слепней, оводов и пр. приводит всех в страх. Я хожу весь искусанный, но чувствую себя великолепно — закаляюсь.

Перевел тебе деньги — 500 руб. От Юры и Ирины ничего не получаю, хотя написал им еще в начале месяца. За меня не беспокойся, дорогая моя. Я сделаю все, что от меня зависит.

Целую тебя крепко. Петя.

7 июля 1942 года

Дорогая Анночка и дети! Сегодня получил, наконец, письмо от Ирины и Юры. Это для меня большая радость. Я им давно написал, а ответа не было очень долго. Получила ли ты от Ирины посылку, о которой она пишет? Спасибо ей за заботы и о тебе и о Юре. Видимо, Юрий доволен своей жизнью. Просторы и сельская жизнь принесут ему пользу. Пишет, что научился ездить верхом. Видимо, свободы действий у него много, и он проявляет свою инициативу. Я живу по-прежнему. Последние дни (сегодня пятый) стоит отвратительная погода — дожди, холодно и пасмурно. Гулять нельзя. Занимаюсь тем, что опять изучаю народ. У нас много новых людей, и материал самый разнообразный. Есть люди, участвовавшие в прошлую германскую войну и прошедшую гражданскую, много участников мелких войн, китайских конфликтов начиная с 1929 года и т. д. Народ крепко держится традиций,

сложившихся веками, и первобытен в своих суждениях. Есть типы прямо изумительные, если бы год-два тому назад их обрисовали, я не поверил бы. О себе писать нечего. Живу со дня на день и не рыпаюсь. Комиссии еще не было.

Последние дни я что-то, дорогая, сильно беспокоюсь за тебя. Меня очень тревожит твоя будущность. Я, пока нахожусь в армии, буду сыт, а тебя в тяжелый момент кормить не будут — ты это никогда не забывай. Пшеничная конъюнктура складывается скверно, и зима будет тяжелее прошедшей. Если осенью у Ирины деньги будут что-нибудь стоить, то советую перевести ей и создать базу для всех, включая Нину, Надю и Бориса Михайловича. Это отнюдь не исключает необходимости обратить внимание и на Никольское. Подумай над этим, дорогая, и приложи усилия в конце лета и осенью.

За меня не беспокойся. Мне кажется, что я сумею выкарабкаться.

Целую — Петя.

31 июля 1942 года

Дорогая Анночка! Свершилось! Я выписан из госпиталя. Дело с назначением и определением рода оружия и части. Ты сюда писем больше не пиши до получения от меня нового адреса. Пожалуй, и от меня писем скоро не ожидай, так как для меня теперь будет горячее время... Ты за меня не беспокойся. Я голову не теряю, и это самое главное. Но все же, при современном положении страны, будь всегда готова к тому, чтобы на меня не надеяться. Прошу тебя, дорогая, думай о себе, не надрывайся и не загнись. Помни, что «спасение утопающих — дело самих утопающих», и на чужую помощь не рассчитывай. Будь готова к тому, что каждый день с сентября (по моему мнению) ты можешь оказаться в положении, когда ты не будешь получать ничего. Поэтому еще и еще раз напоминаю тебе и прошу тебя создать резерв у Ирины и в Никольском. Не жалей вещей, меняй их и действуй по своему усмотрению. Помни только две истины: 1. Самое ценное сейчас — это простые, прочные вещи, они дороже и важнее шелка и прочих изящных вещей. 2. У Ирины ищи спасения только от голода. Остального ничего не бойся и не рыпайся. Прошу тебя, дорогая моя, моя любимая Анночка, береги себя, без тебя пропадут и дети. Выше головы не прыгнешь, поэтому и образование детей должно будет зависеть от возможностей, которые будут у тебя в силах, но без переутомления. Сверхчеловеческие усилия и мобилизация нервного напряжения могут быть произведены только один раз в жизни, и в случае провала разбито будет все. Останется одна мысль, одно сознание без возможностей осуществить что-либо. Думать же в конце своей жизни о своих ошибках, переживать их — это самое ужасное.

До свидания, моя дорогая. Знай, что я любил тебя всегда и сейчас люблю еще сильнее. Поцелуй детей. Привет Ирине и Борису Михайловичу.

Целую тебя крепко — Петя.

Р. С. Я здоров вполне, чувствую себя хорошо.

26 августа 1942 года

Дорогая Анночка! ... Большое спасибо Ниночке за письмо. Оно меня очень обрадовало. Я последние несколько дней все время видел во сне детей, не только своих, но детей вообще, без лиц. И их всегда бывало много и все веселые, жизнерадостные. Жизнь моя протекает равномерно и гладко. Учение перешло в последнюю стадию, оно протекает в условиях, приближенных к фронтовым, — с длительными выездами в поле, занятиями ночью и сном с 8 утра до 3-х дня. В общем привыкнуть можно ко всему. Да я и привыкаю. Жизнь в артиллерии отлична от пехотинской. Учение более сложное, менее утомительное и для меня более интересное. Учат нас много и многому. Командиры хорошие люди, правда, все молодые, не побывавшие еще на фронте, а вышедшие со школьной краткосрочной скамьи. Товарищи также отличаются от пехотинцев. Состав в общей массе более высокого культурного уровня. Так что пока все благополучно, и ты за меня не беспокойся.

Очень жаль, но денег я теперь тебе присылать не могу. Госпитальная жизнь окончилась, а те 125 руб., которые я получаю, расходятся у меня на табак и другие мелочи. Бросить курить я мог бы, но думаю, что и ты согласишься, что «ковчинка не будет стоить выделки». Иногда бывают моменты, когда одна папироса расценивается дороже всего.

Мысли мои всегда с тобой и детьми. Я часто думаю о всех вас и признаюсь, что скучаю без вас. Целую тебя, дорогая, моя любимая жеманушка, и детей. Целую крепко и надеюсь еще увидеть всех вас.

Петя.

30 августа 1942 года

Дорогая моя, милая Анночка! Наконец-то я имею возможность удовлетворить твою просьбу и выслать тебе справку о моей службе. Из нее ты видишь, что я назначен командиром орудия. Отношения у меня с товарищами и подчиненными хорошие. С первыми, вероятно, потому, что они чувствуют во мне старшего среди равных и находят у ме-

ня помощь в решении задач по специальности, а вторые, может быть, потому, что я не гнушаюсь черной работы и помогаю им физически. Программа нашего ученья закончилась, и ждать приказа о выезде можно каждый час. Дальнейшая задержка здесь становится всем в тягость, так как это грозит бесконечным повторением задов и отшлифовкой в действиях, которые стремятся довести до автоматизма. Каждый из нас, в том числе и я, желаем скорее уехать на фронт. Для большинства эта причина вызывается вопросами желудка, а для меня, кроме того, и окончанием первоначального интереса, связанного с новизной дела. Каждый понимает, что фронта все равно не избежать, а. конца войны не видно, поэтому нет ни у кого никакого желания избежать этого прецедента. Здесь же, неся гарнизонную службу и уча уже заученное, становится неинтересно. Там же, может быть, удастся пробыть дольше, чем в первый раз, и вероятно, мне удастся собрать (в памяти) большее количество интересного материала для жизни. Меня сейчас интересуют чисто психологические вопросы. Объектов для наблюдения много. Люди в поле зрения самые разнообразные. Поведение их здесь я наблюдаю. Поведение людей на фронте предсказать совершенно невозможно. И это является самым интересным. Перед лицом опасности, перед страхом смерти в самые короткие отрезки времени ярко проявляются способности и характеры. Изменения, которые мне приходилось наблюдать, бывают разительны, но материала было мало и хочется проверить на большем количестве фактов свои некоторые первоначальные выводы. Если ты помнишь мои первые письма из госпиталя, еще из Шексны, то, вероятно, обратила внимание на то, что я просил тебя и прошу теперь воспитать у детей честность и храбрость или, во всяком случае, не быть паникерами и трусами. Слишком противно смотреть на таких людей. Ничего человеческого, не говоря уже о культуре, лоске и т. д. у них не остается. Если качеств честности и храбрости нет у людей в самой глубине своего подсознательного мышления, а только прикрываются видимостью, то в моменты опасности все это слетает, и человек остается в наготе своих качеств. Теряющие же голову делают массу ошибок и подвергают себя большим опасностям. Не ругайся, что я тебя отвлек так намного своими рассуждениями на психологические темы. Это так, к слову пришлось. За меня пока не беспокойся. Я здоров, чувствую себя хорошо, и сил у меня не меньше, чем год назад. А это самое главное.

Если ты еще напишешь мне, то вспомни, что меня интересует судьба мужчин из нашего дома: мужья Анели, Лены, сыновья Тимофея Ивановича и др., находящиеся в армии.

Беспокоит меня твоя предстоящая зима. Будешь ли ты жить опять в комнате Павлович? За дачу не беспокойся, что будет, то и будет с ней. Целую крепко тебя и детей. На днях попробую написать

Ирине с Юрой. Не получилось ли так, что, переехав из совхоза в районный центр, она не улучшила, а ухудшила свое продовольственное положение? Еще раз целую тебя, моя любимая жена и дорогой друг.

Петя.

8 сентября 1942 года

Дорогая Анночка! Я все еще в Зуевке, и положение наше не меняется. В предыдущем письме я тебе писал, что наше учение закончилось и теперь идет долбление задов и несение гарнизонных караулов. Большое оживление в нашу жизнь внесла поездка в колхозы на сельскохозяйственные работы. Только вчера мы вернулись оттуда, пробыв в деревне 4 дня. Трудно описать, какое оживление и какую радость, прямо детскую, внесла эта деревенская жизнь в жизнь бойцов. Каждый получил истинное удовольствие от такой перемены. Большинство красноармейцев нашей части — пожилые колхозники. Естественно, что они считают, что как будто побывали дома — крестьянские избы, бабы, дети, скотина, необработанные поля хлеба и т. д. Все это им родное и близкое. Каждый переносится мыслями домой, к своему очагу, и представляет более реально положение в своем колхозе, у себя дома. Правда, от этой реальности им не стало веселее, даже наоборот, каждый понял, что дома в тылу положение не менее напряженное, чем на фронте. Я искренне доволен этой поездкой. 50 км пути дают некоторое представление о вятской земле, а колхоз, в котором работали, — о здешнем сельском хозяйстве и о жизни крестьянства. Я убедился, что особенно теперь, в период войны, женщинам гораздо тяжелее, чем мужчинам на фронте. На войне мужчина ожидает или ранение, или смерть, и приходится переносить кратковременные трудности, а вам, женщинам, эти трудности достаются повседневно, уже больше года, и предстоит переносить в дальнейшем. Я совершенно искренне говорю, что если тебе (в частности) удастся сохранить детей и свое здоровье, то героиней войны будешь ты, а не я.

Поездка в колхоз обоилась мне пропажей шерстяных носков (домашних), которые я все время берег и которыми дорожил. При отъезде я их оставил в сумке в казарме, а при возвращении ни их, ни табаку не обнаружил. Вообще-то — это мелочь, но неприятная. Я здоров, чувствую себя хорошо. Ни в чем не пуждаюсь. Желаний никаких нет, кроме одного — повидаться с тобой и с детьми.

Целую тебя крепко-крепко и жду письма. Меня интересует все, касающееся тебя и детей.

Петя.

18 сентября 1942 года

Жизнь моя складывается весьма своеобразно. Еще в юности я сознательно стремился отойти от военной службы, зная все прелести ее уставной жизни. Но, видимо, от судьбы не уйдешь. Я полностью поглощен ею и насыщаюсь вдоволь. Описывать ее нет смысла, так как лучшие Куприна не изложишь, а другого не напишешь. Остались и есть свои «герои» из романа «Поединок», вроде солдата Хлебникова, которые за год службы не знают, где лево и где право, не могут познать технику хождения в ногу и не запомнят знаков различия у командного состава. Остались те же типы и командиров, подобно офицеру из романа Соболева «Капитальный ремонт» (фамилию я забыл), который составлял вопросы и ответы для занятий по словесности. Нет у нас только знаменитых фельдфебелей — дерзисиморд, старых усатых служжак, знающих до тонкостей все традиции и порядки казарменной жизни. Делали было ставку на меня, но материал оказался неподходящим, я слишком мягок и добр. Ищут других и несомненно найдут — дело времени и соответствующей обработки. Я втянулся и не тягочусь своим положением. Старая поговорка, что на военной службе «не навязывайся и не отказывайся», служит моим девизом современной жизни и значительно облегчает ее. Самое главное — здоровье и силу я пока сохранил. Это могу говорить с уверенностью, так как недавно сдал «экзамен». Здесь начались холода, прошли дожди и заморозки. И вот, мокрый, промерзший, в летнем одеянии, не спав две ночи подряд, я выдержал марш, не получив даже легкого гриппа, тогда как многие сдали. Основную часть всей работы приходится выполнять ногами и благородной частью нижнего конца спины, натирая ее или в седле, или на орудии, или на земле, тренируясь в выдержке по наблюдению. Меньшая доля падает на руки и почти ничего на голову. Размеренная и бесцветная жизнь оставляет место для раздумывания только над двумя предметами: 1) как бы выкроить время и заснуть сверх положенного числа часов и 2) как бы найти пожрать сверх отпускаемого. Это «штатные» заботы, а к ним сейчас прибавилась забота по обеспечению себя табаком. Купить его можно на базаре, но туда не отпускают, следовательно, нужно сделать так, чтобы были бы «и овцы целы и волки сыты». Выполнение такой задачи бывает похоже иногда на отрывки из приключенческого фильма комического характера. Иногда бывает, что приключение для некоторых заканчивается трагически. Я уже говорил тебе, что меня такая жизнь не тяготит, но беспокоят две вещи — во-первых, как бы мои интеллектуальные способности не атрофировались в результате бездеятельности, и во-вторых, время проходит, а я ничем не могу тебе помочь и улучшить положение (обеспечение) семьи. Если с первым я борюсь и надеюсь, что большого ущерба не будет, то со вторым дело обстоит значительно хуже. Главное, что меня беспокоит, это беспросветность будущего. Будущее не 1943 года, а будущее 1953 года.

Пробеги мысленно нашу жизнь за все годы совместного житья. Что, кроме вечных забот о сведении концов с концами, о заботах по приработку лишней сотни рублей, мы с тобой видели? А между тем не секрет и для тебя, что энергии, знаний и умения хватило бы для того, чтобы занять и более высокооплачиваемые должности и получать лучшее снабжение. Но ведь дело упирается в известное тебе положение. Не было бы его — этого «положения» — не пришлось бы еще в 1932 году переходить в «Советскую Азию» и претерпевать связанные с этим неприятности; не было бы его, я бы давно заменил Туманова; не было бы его, я бы стал главным агрономом Среднеазиатского управления; не было бы его, не появился бы Светлов и т. д., и так будет в дальнейшем. Остается и в дальнейшем прозябание, причем будущее прозябание рисуется гораздо хуже прошедшего. Я не верю в то, что вместе с нами будет снова Галя, Люба, Зиночкина (Алдадановых) мать, и нужно быть готовым к тому, что уедет Гайо. Следовательно, жизнь наша должна быть хуже, а не лучше. Рассчитывать же на наши внутренние ресурсы не приходится — они слабы и ненадежны. Выскажи свое мнение, а ты знаешь, дорогой друг, что я им дорожу, идти ли мне в «привилегированные». Помнишь нашу последнюю беседу вместе с Ириной, когда она говорила, что в известных обстоятельствах нужно спешить, действовать, не теряя времени. Ты ее тогда останавливала. Будешь ли ты меня удерживать от обратного? Взвесь все за и против и сообщи свое мнение.

Обо мне не беспокойся, опасности большой от этого не прибавится. В случае, если меня убьют, мне будет безразлично, а у тебя появится лишний козырь. Если сочтешь удобным, спроси мнение или посоветуйся с Борисом Михайловичем, у старика есть ум и, главное, большой жизненный опыт.

Целую тебя, моя дорогая, горячо любимая Анночка. Я мучаюсь тем, что ничем не могу тебе помочь. Прошу тебя, напиши мне, очень ли тяжело тебе жить. Помогут ли тебе 100 руб., если я их тебе переведу. Не скрывай от меня правды.

Юре написал (вернее, Ирише), но ответа нет. Сообщи, что получилось у тебя от огорода, меня это очень интересует. Если будет время работать осенью на даче, то хорошо бы с осени вскопать всю целину. Травы на будущий год здесь не будет, но зато получится великолепный картофель и капуста. А старопашку можешь на одно лето забросить — удобрения у тебя, видимо, не будет, а без них урожай там не получишь.

Пришли, пожалуйста, в конверте 2–3 листика писчей бумаги для писем.

Целую детей. Привет тем, кто меня еще не забыл.

Целую крепко — Петя.

Р. С. В колхозы на работы продолжаем ездить.

28 сентября 1942 года

Дорогие маменька и детки! Письмо от тебя и Ниночки получил, в котором вы сообщаете, что Надюшка вернулась домой. Рад, что и она, и вы все здоровы. Очень приятно было мне узнать, любимая моя жёнушка, что тяжёлая физическая работа, которую тебе приходится выполнять, тебя не страшит, и ты с ней справляешься. Такие вещи, как погрузка и выгрузка угля, всегда считались одними из тяжёлых и грязных работ, и на нее неохотно шли даже коренные рабочие-мужчины. А тебе приходится подобные работы выполнять повседневно, и, как мне кажется, ими ты уже и не тяготишься. Прекратить на время интеллектуальную работу в такое тяжёлое время можно. Это еще не значит, что она будет заброшена совсем. Важно сейчас беречь свое здоровье и, самое главное, поддерживать в себе силы — и мускульные, и нервные. Если получаемого пайка тебе с детьми недостаточно и ты чувствуешь, что организм теряет в весе, то еще раз советую прибегать к приобретению продуктов со стороны, не считаясь с ценой и не жалея для этого любых дорогих вещей, продай все. Но держись до последнего. Сетую на тебя, дорогая, за то, что ты не информируешь меня, чем и как вы питаетесь. Что получаешь на паек? Сколько хлеба тебе и на детей? Получаешь ли жиры и есть ли какое белковое животное питание? Со стороны, главным образом от проводников (когда дежурю на станции), узнаю о московской жизни (рыночной) и ценах коммерческих больше, чем от тебя. Но это мне и понятно, так как пользоваться рынком ты не можешь, а следовательно, ты и не интересуешься им. It is write? (правильно ли я написал?), регулярно ли получаешь деньги — пособие. По слухам, москвичей сейчас тревожит топливный вопрос, а с этим, как ты писала, у тебя обстоит дело неплохо. Видимо, от огорода с дачи получилось хорошего мало — думаю, что воруют все. Это заключение делаю на основании того, что ты еще в начале сентября убрала и засолила капусту. В нормальных условиях, это очень ранний срок.

Получила ли ты мое письмо, в котором я просил прислать немного бумаги. Ответа на это письмо я жду и все обдумываю тот же вопрос. Ты можешь не спешить отвечать. Лучшие такой вопрос обдумать не спеша.

Погода стоит холодная. Все время идут дожди, и даже был снег. Сыро, холодно и муруго. В такую погоду только и хорошо быть в карауле — по крайней мере, хоть в помещении сидишь в тепле, и можно обсушиться. Были еще в колхозах. Насмотрелся на вятские деревни вволю. Я представлял ее, но все-таки такой, какую пришлось видеть, еще не наблюдал (далее вычеркнуто цензурой четыре строчки). Если бы мне поставили условие, жить или в самом отдаленном кишлаке Узбекистана, или в такой деревне, то я не задумываясь предпочел бы пер-

вое. Даже если бы там не было фруктов, все же жизнь в кибитке с одной пилалой (воды) гигиеничнее виденной.

Я здоров. Сейчас много работы чисто хозяйственной. Готовимся к зиме. Строим теплые копошны, утепляем свои казармы и т. д. До санного пути, кажется, стрелять не будем. Получил письмо от Ирины и Юры. Он доволен рыбной ловлей, но ничего не пишет про учение — учится ли и Аня или нет? Работают ли у вас начальные школы? Спасибо Ниночке за письмо. Часто смотрю на всех вас на фотографии и крепко целую.

Петя.

22 октября 1942 года

Дорогая Анночка! Сегодня выезжаем на фронт. Большие сюда не пиши. Куда едем — не знаю. С дороги буду писать. Я здоров и чувствую себя хорошо. Ноги, шинель и шапку утеплил, а это самое главное. Твоя бумажка со мной. Опять еду в зиму. Летом так и не удалось повоевать, а зимние условия я уже знаю. Надеюсь, что еще увидимся. Дорога предстоит долгая, так что ты пока (с месяц) не беспокойся. Целую и благословляю тебя и детей.

Петя.

16 ноября 1942 года

Дорогие Анна и дети! Нахожусь на фронте. Здоров, сыт, не мерзну, сплю под крышей. Самочувствие хорошее. Работы пока мало. Посматриваем на небо и, уподобляясь кроту, лезем в землю.

Целую крепко. Петя.

Пиши только по такому адресу: 2017 полевая почта, часть 135.

30 ноября 1942 года

Дорогая Анночка! Сегодня для меня большая радость — получил письма от тебя и от Жени. Правда, письма старше месяца, но все же приятно получить весточку. О посылке ты зря беспокоишься, мне ничего не надо. В этом году я нахожусь гораздо в лучших условиях, чем в прошлую зиму. О наших делах знаешь из газет. Я здоров, сыт, одет теп-

ло, так что ни ветер, ни снег не пробирают. Донской климат мне известен, и поэтому я иногда предвижу и стараюсь подготовиться к предстоящей непогоде. Адрес у меня опять новый — полевая почта 2022, часть 288. Пересылаю письмо Жени. Мне сейчас приходится думать, к сожалению, только о себе, а тебе помочь все равно ничем не смогу. Помыслы мои всегда с тобой, дорогая, и с детьми. Живу, не замечая чисел. Час прошел — жив остался, и то слава Богу.

Целую тебя крепко. Петя.

12 мая 1943 года

Дорогая Анночка и дети! Еще раз благодарю за отправленную посылку. Если бы она пришла вовремя, т. е. в начале зимы, конечно, ценность ее для меня была бы несомненно выше. Теплый жилет понравился не только мне, но и всем сослуживцам. Выпивка и закуска замечательны и табак прелестен. Его попробовали все и просили меня передать вам всем благодарность. Необычайный фурор произвел кисет. Он ходил из рук в руки по всей батарее. Одни восхищались кисетом как вещью, другие с интересом рассматривали невиданную ими материю, по-детски восторгаясь ее переливами, третьи обсуждали содержание надписи, глубокомысленно рассуждая о детях, их воспитании, вспоминая свои взаимоотношения с ними. Каждый стремился потрогать кисет, повертеть его в руках. И который уж раз спросить — «Из дома?» Да, мол. Из дома посылка пришла от жены, а кисет дочка вышила. «Вишь они у тебя какие хорошие!». И видно было по лицам, а некоторые и вслух выражали, что вещественное напоминание о доме приятно всем. «А вот у меня...» И дальше шел рассказ о его жене, детях, семейном укладе и т. д. Такие рассказы тянутся долго и прерываются возгласами какой-либо команды.

Я продолжаю свои наблюдения за людьми и их поведением в различной обстановке.

Посылаю для Юры и Нины составленный мною рассказ из жизни нашей батареи: «Подготовка к бою». Сталинград давно наш. Немцы отогнаны далеко от него. Времени прошло уже много. И, посылая его, я надеюсь, что цензор пропустит мою писанину. Я здоров, чувствую себя хорошо. Вторично посылаю свою фронтовую фотографию, на всякий случай.

Целую крепко всех. Петя.

Мой новый адрес: Полевая почта 31645.

Подготовка к бою

Наши боевые действия начались с середины ноября. Гениальный план разгрома немецкой армии, задуманный великим полководцем нашей страны, маршалом Советского Союза товарищем Сталиным, предусматривал прорыв обороны противника северозападнее Сталинграда. На узком пространстве между Волгой и Доном по железной дороге двигались поезда, наполненные войсками. Короткие остановки на разрушенных немецкими хищниками станциях; быстрая выгрузка из эшелонов ночью, в полной темноте и дальнейшее движение по грунтовым дорогам через хутора и станицы придонских степей. Через реку Дон на передний край нашей обороны, туда, где в сентябре 1942 года была остановлена фашистская орда. С конца октября войска стягивались на определенные участки района, намеченного для прорыва вражеской обороны. Шла артиллерия: полевая, зенитная, противотанковая, минометы. Тракторы и мощные тягачи с грохотом передвигали тяжелые пушки, называемые у нас Марией Ивановной. Плотнo закрытые чехлами, быстро проносились «Катюши». Шли танки, кавалерия, пехота и бесконечное количество повых, еще невиданных автомашин, загруженных людьми, боеприпасами, горючим, продовольствием и прочим военным снаряжением. Накапливание вооруженных сил продолжалось вплоть до середины ноября. К 13 ноября наша батарея заняла огневую позицию под крутым склоном балки на окраине хутора Калмыковского Сталинградской области. Сделав пристрелку, проверив все механизмы, батарея зарылась в землю, замаскировалась и замерла, дожидаясь приказа об открытии огня.

Враг почуял приближение смертельного удара, и 18 ноября над расположением наших войск появились немецкие самолеты. 64 бомбардировщика налетели на нас и стали сбрасывать смертоносные бомбы. Хорошая маскировка и заранее приготовленные укрытия для людей и лошадей оказали свое действие. Вражеские бомбы не причинили вреда батарее.

Наконец, 19 ноября по приказу командования наши войска перешли в наступление. С 8 часов утра из местности, плотно насыщенной орудиями различных названий и калибров, началась артиллерийская подготовка. Сотни пушек, гаубиц, минометов залпами и в одиночку выпускали снаряды по линии обороны противника. Беглый огонь не позволял различать отдельные выстрелы. Сплошной гул стоял в воздухе. Только редкие очереди близкой стрельбы «Катюши» выделялись своим особенным трещащим звуком из общего шума. В 11 часов пехота двинулась вперед на разрушенные укрепления и окопы врага. Справа появились на-

ши танки и, расчищая путь, пошли впереди пехоты. Их было много. Из пушек они расстреливали в упор сохранившиеся блиндажи и доты. Из пулеметов стреляли вперед, а гусеницами рвали проволочные заграждения и ломали противопехотные препятствия. Первая линия вражеской обороны была занята. Оставшиеся в живых румыны поднимали руки вверх и сдавались в плен. Артиллерия быстро снималась с позиций. Наши «самовары», как мы в шутку называли свои орудия, разогрелись до того, что люди обжигали руки при их разгрузке и погрузке. Лошади были запряжены. Заранее собрано все снаряжение, и мы на рысях выезжали из своей балки. Все двинулось вперед. Повар давно приготовил завтрак и с нетерпением ждал времени его раздачи. На ходу, уже в движении, люди подбегали с котелками, брали пищу и тут же двигались за орудием, кое-как проглатывая ее.

Мы выехали в открытую ровную донскую степь, покрытую прошлогодним высоким и густым бурьяном. Начал падать первый снег. Наступала зима.

Целую. Петя.

2 июня 1943 года

Дорогая, милая моя Анночка! Жив я пока и здоров, о дальнейшем не хочется думать. Никто не знает, что с нами будет. Склонен думать, что вскоре ничего хорошего ты не увидишь. Зима прошла для меня благополучно. За два года войны военных знаний прибавилось. Сохранять свои жизни научились лучше. Надеюсь, что эти две вещи, да русское «авось» вывезут, и с войны я вернусь живым.

Недавно был в командировке в недалеком тылу. Эта поездка внесла приятное разнообразие. Сменились лица, глаз радовали хаты, вишневые сады около них, хорошие огороды, обширные поля. Напился вволю молока и даже поел яиц. Спокойно разувшись и раздевшись, выспался. В общем, смена впечатлений большая, и разнообразие подняло дух. Твои открытки февральские и мартовские получаю. Заключаю из них, что у тебя времени свободного от работы очень мало. Интересует меня все: вся твоя жизнь, работа, заботы. Что делают дети? Ниночку в этом году нужно определять в школу — дольше пропускать нельзя. Работает ли наша дворовая школа? С производством в офицеры происходит задержка, и денег у меня нет. Помни только одно, дорогая Анночка, береги свое здоровье и не забывай также, что я люблю тебя по-прежнему крепко-крепко.

Целую. Петя.

9 июня 1943 года

Дорогая Анночка! Удивительно скоро дошли два твоих письма с приложением рук детей. Очень рад, что с огородами дело пока устроилось. Поступила ты правильно, дело теперь за тем, чтобы получить половину урожая. Не только у тебя, но и у большинства людей надежда зимой будет только на теперешние огороды.

Аттестат я тебе перевести не могу, так как они распространяются только на офицерство. Я же, хотя и командир, но звания лейтенантского не имею, а следовательно, и не имею ни прав, ни пайка, ни денег. Жалованье мое всего 187 руб., видимо, меньше твоего. Надеюсь, что из военкомата ты получишь 200 руб. ежемесячно. В этом году увеличили выплату с 150 до 200 руб. О моем производстве пока отказа нет, но бумаги все ходят. Об учебе ставил вопрос, ответ один: «Если таких будем обучать, то что же с остальными делать? Садить их за парты в первый класс?» В общем, дело освоил, работаю самостоятельно, никому не мешаю, и расходы на меня малые. Поговаривают о представлении к награде — видимо, стыд-то все же глаза ест.

Целую, Петя.

23 июня 1943 года

Дорогая Анночка! Получил твое письмо от 8 июня. С огорчением узнал о смерти Бориса Михайловича и молчании Ирины. Жаль старика. Напиши еще Ирине, нужно чтобы у тебя была ее доверенность на дачу — не известно, что может случиться. Где же Анночка? Что с ней? По последнему письму Ирины я ничего хорошего не предвижу, наоборот, как бы она не последовала за Борисом Михайловичем.

Я под Сталинградом не был. Мы находились северо-западнее него. Задача армии, в которой я находился, заключалась в том, чтобы сделать прорыв с целью окружения сталинградской группировки, а затем охранять прорыв от натиска с запада, пока сзади нас сталинградцы раздвигались с немцами. Мы не считаемся защитниками Сталинграда. А отсюда и все ответы на твои вопросы.

С производством и наградой — мешает «дым». Помнишь знаменательную для нас с тобой дату 11 февраля 1931 года? Все хорошо, все хвалят, работа моя считается отличной... а «дым» мешает. Что делать — не могу понять, ведь это преследование на всю жизнь, что ли?

Беспокоюсь о Юре. Напиши сразу, как у него протекает болезнь. Отчего умер Борис Михайлович? Посылаю еще один очерк о войне «Линия фронта» для тебя. Я жив и здоров. Жизнь протекает однообразно и

размеренно. Больше всего беспокоюсь за вас — на 200 руб., которые ты зарабатываешь, я не представляю, как можно жить. Напиши мне, получаешь ли ты пособие за меня из военкомата?

Целую крепко, Петя.

Линия фронта

Казачьи станицы Клетская, Усть-Медведицкая (ныне город Серафимович), Кульминская, Усть-Хоперская, Еланская, Вешенская, Мигулинская, расположившиеся на левом берегу Дона северо-западнее Сталинграда, часто будут встречаться в литературе послевоенного времени. События, происходившие в этих местах, надолго останутся предметом изучения военных историков, а также будут служить темами, фоном и содержанием произведений писателей и художников-баталистов.

Здесь, на берегу Дона, русские остановили немецкие войска. Быстрое продвижение армии противника, совершившееся летом 1942 года, закончилось. Переправиться через водный рубеж и преодолеть наше сопротивление врагу оказалось не под силу. Фронт закрепился. Началась война на истощение сил. Самолеты бомбили склады с боеприпасами и продовольствием, ловили автомобили на дорогах, налетали на железнодорожные станции, разрушали мосты и производили дальнюю разведку. Пушки стреляли в населенные пункты, разрушая снарядами дома и превращая в груды металла сельскохозяйственные машины во дворах машинно-тракторных станций. Пулеметы пускали очереди по «живым целям», и снайперы снимали одиночных, неосторожно появившихся бойцов. Так продолжалось с июля по ноябрь.

Донские станицы отстоят далеко друг от друга. Длинная зимняя ночь почти целиком кончается, пока походная колонна артиллерии, выйдя с вечера из одной станицы, дойдет до следующей. Но каждая из станиц представляет собой населенный пункт в тысячу, а то и больше дворов, с несколькими длинными, широкими и обязательно кривыми улицами, с плотно примыкающими друг к другу дворами, огороженными заборами, с базарной площадью и пожарной каланчей. Станица — это административный и своего рода промышленный и культурный центр. Здесь — сосредоточение интересов всей округи. В них находятся районные органы управления всех ведомств, магазины, церковь, средние полные, а чаще неполные школы, кино и промышленные предприятия — МТС, мельница, маслобойка, ремесленные мастерские. Дома в станицах просторные, с крыльцами, с открытыми коридорами, крыты железом, на окнах ставни и различные наличники, покрашенные масляной краской. За забором пе-

ред домами цветы-многолетники — фиолетовые и кремовые ирисы, яркие мальвы, нестрые разноцветы. Во дворах прочные сараи, большие погребя, коровники, птичники.

А напротив, на противоположном, правом, берегу Дона сплошной цепью на узком прибрежном пространстве, смыкаясь один с другим, раскинулись хутора с одинаковыми, часто повторяющимися названиями, закрепившимися по имени или фамилии родоначальников этих поселений, — Матвеевы, Астаховы, Ильины, Парамоновы. В хуторах улиц нет, каждый селился там, где ему больше нравилось, каждый стремился быть ближе к берегу, к воде, и хутора вытянулись, следуя изгибам реки. Уходя от тесноты станиц, людского шума и мирской суеты, в поисках приволья, простора и тишины люди поселялись подальше от соседей, и хутора раскинулись на большое пространство своими одиночными усадьбами. Домов здесь нет — все хаты да курени. А вокруг них фруктовые сады, огороды и выгоны для скота. Земли много, и никто не ограничивал себя размерами участков, сколько кто мог занять, столько и занимал, обнося площадь плетнем или складывая вдоль вырытой канавы стены заборов из дикого камня. Издали хуторов не видно, невысокие белые и серые курени скрываются под ветвями деревьев густых садов. А сады, по-зимнему оголенные, сливаются с рощами, или, по-местному, левадами, растущими на болотистых местах речной поймы. Во дворах построек нет. Прикладок-другой сена, просяной соломы, куча сухих стеблей подсолнечника, кладенка кизяка, обмазанная на зиму со всех сторон глиной и покрытая соломой, баз для скота да катухи, в которых размещаются овцы, свиньи, гуси, — вот и все хозяйство хуторского поселянина.

Трудовая жизнь мирных донских станиц и хуторов прервалась. Через месяц боев активной обороны обеих сторон местность стала мало похожей на то, чем она была в течение десятков лет. Густо населенные станицы стали пустыми, мирные жители эвакуировались в тыловые районы. Ни женщин, ни детей, ни стариков — никого нет. Они уехали, забрав свой скот, одежду, продовольствие, домашнюю утварь. Шум станиц и песни молодежи сменились тишиной. Груды камней и глины с торчащими из них кусками бревен, искривленные листы железа крыши — все это остается от дома в результате попадания бомб. Уцелевшие одиночные дома или наглухо забиты — окна ставнями, поверх которых крест на крест прибиты доски, а двери заперты, или, наоборот, настезь раскрыты. Во дворах хаос — ворота распахнуты, заборы сломаны, солома с крыши сараев растащена частью на корм лошадям, а частью на постели в ямах. По улицам движения нет, только патруль стоит где-нибудь в скрытом месте. Фруктовые деревья изломаны, изрублены. В цоколях домов проделаны отверстия, и из подвалов выглядывают стволы пулеметов. Все изменилось. Церковь стала служить ориентиром, школа, клуб и уцелевшие здания — репером для артиллеристов, прочные каменные дома стали дотами, погребя — убежищами, сараи без крыши — отличной

огневой позицией для минометов, а заборные плетни — маскировочным материалом.

Между станицами в степи и по берегу Дона были вырыты сплошной линией окопы, сделаны гнезда, дзоты, землянки. Сюда, в эти станицы, в степные балки и овраги с конца октября и всю первую половину ноября скрытно, по ночам, стекались свежие войска. В полной тишине, без огней, под осенними дождями, в грязь шли полки, бригады, дивизии, размещаясь по ямам, погребам, среди развалин, под деревьями. Не участвуя в текущей обороне, войска готовились к наступлению на Сталинград.

2 августа 1943 года

Дорогая и милая Анночка и дети! Время горячее. Я пока жив и здоров. Воюем. Времени абсолютно нет для писания подробных писем.

Целую крепко, Петя.

7 августа 1943 года

Дорогие мои Анночка и дети! Представляется маленькая возможность написать письмо, хотя обстановка и не особенно располагает к этому. Вот уже около недели, как мы находимся в невероятном напряжении. Если останемся здоровыми, то это будет редкий случай, а многие будут психически больными. Время горячее, бои идут жаркие, но настроение у всех бодрое. Это не 1941 год, уверенность в победе имеется у всех, хотя каждый не только понимает, но и ощущает на собственной шкуре силу сопротивления немцев. В больших операциях мы не участвуем. «Бои местного значения, имеющие тенденцию перерасти в серьезные бои» — так характеризуются в сводках наши действия. Сидим в подземных ходах, рядом с канализационными трубами одного из красивейших украинских мест и культурных учреждений страны. Этой находке — подземным коридорам — очень все рады, хоть тесно и сыро здесь, зато более или менее спокойно. Должен сообщить тебе новость, дорогая Анночка, что я подал все же заявление о приеме в партию и оказался принятым. Что будет дальше — посмотрим. С производством в лейтенанты ничего не вышло. Но будучи сержантом, я уже нахожусь в более спокойной обстановке, чем многие офицеры. По ходу работы приходится кое-что читать, больше вспоминать и все это излагать простым языком бойцам. Работа пока интересует меня, а главное, ликвидирует безделье и отвлекает, т. е. приходится заставлять себя отвлекаться и сосредоточиться на занятиях.

Целую тебя и детей крепко-крепко.

Петя.

18 августа 1943 года

Дорогая Анночка и дети! Я пока жив и здоров. Северный Донец вьелся нам в печенки. Бои идут жаркие. Пока все благополучно. Настроение хорошее.

Поздравляю Юру и Ниночку с началом учебного года. Очень жалею, что не могу посмотреть на Нину, как она впервые пойдет в школу. Поздравляю Надюшу с ее пятилетним существованием... Спасибо тебе за письма. Они поддерживают меня. Целую тебя и детей крепко-крепко.

Петя.

9 октября 1943 года (Запорожская область)

Дорогая моя, милая Анночка! Я нахожусь на отдыхе. Мы ремонтируемся. В боях от Донца до Днепра люди изрядно устали, и отдых совершенно необходим, чтобы, набравшись сил, идти уже на другой стороне Днепра такими же быстрыми темпами. Сейчас мы готовимся к полковому празднику — годовщине пребывания в действующей армии.

Безделье порождает скуку, а скука приводит ко всяким нежелательным мыслям. Я стараюсь занять себя изучением диалектики, на сколько это возможно при отсутствии книг. Прочитываю от корки до корки все газеты, а их мы получаем регулярно, и местные и московские, изучаю историю партии и книгу т. Сталина об Отечественной войне. Вот и весь запас литературы. У местного населения ничего нельзя найти из книг.

Меня все время беспокоит мысль о тебе, а сознание своего бессилия бесит или приводит в отчаяние. Думаю, что ты не раз, вероятно, прокляла день 11 февраля 1931 года. Твоя судьба, судьба детей не дают мне покоя. Я никак не могу понять только одного — почему так получается, как будто и не уроды мы, а все получается не так. Неужели виной всему «дым»?

Целую крепко, Петя.

12 октября 1943 года

Дорогая Анночка и дети! Получаю твои письма и очень счастлив, читая их. О суворовских школах я тебе уже писал, но повторяю — Юрины стремления навеяны войной, они неустойчивы и изменятся. Ему там не место. Во-первых, сейчас будут принимать сирот, которых так много, и детей кадрового офицерства для выковки нового военного сословия

со своими традициями. Во-вторых, изучение иностранных языков и прочих наук там специфично — ограничено необходимым минимумом для понимания военных терминов, оружия и т. д. Он же может принести большую пользу, стремясь влезть в глубину предмета. Внешний блеск, прививаемый дисциплиной, танцами, костюмом, — желателен, он красит мужчину, но этого можно достигнуть и дома, хотя и трудно.

К сожалению, от меня сейчас пользы, как от козла молока, поэтому распоряжаться всем должна ты, а я могу только высказать свое мнение. Это — последнее средство, прибегать к которому следует в крайнем случае. Правда, тебе с ним будет еще труднее, он потребует в скором времени больше внимания и забот, а тебя он будет стесняться. Советую побольше быть ему в кругу людей, но товарищей необходимо фильтровать, допуская равных по развитию.

Сожалею об Ирине — это ходячее несчастье и вечные заботы тебе о ней. Деньги мне совершенно не нужны, и все, какие удастся получить, я отправляю тебе. Если откроются коммерческие магазины, продавай все лишнее и покупай пищу. От состояния твоего здоровья будет в дальнейшем зависеть все.

Целую крепко, Петя.

20 октября 1943 года

Дорогая Анночка и дети! После длительных боев и нашего победного шествия от Донца до Днепра мы сейчас находимся на отдыхе. Живем в одном из украинских степных сел, пользуемся отдыхом в полной мере. Вымылись, выстирались, постриглись, начистились, завели белые воротнички и начинаем привыкать снова к выправке и т. д. Едим хорошо, в дополнение к положенному пользуемся угощениями населения — арбузами, яблоками, сливами, свежими овощами и молоком, кое-где встречается даже виноград, но он меня не привлекает — слишком большая разница в его качестве по сравнению со среднеазиатским. Здоровье мое хорошее. Правда, меня помяло немного орудием, и открылась старая рана, но все в общем благополучно. Гораздо хуже обстоит дело с тобой и детьми. Твое письмо от 21 сентября получил, и оно только подтвердило мои предположения. Представляю очень хорошо всю тяжесть твоего положения. У меня это не выходит из головы. Но что делать? Чем помочь? Не придумую. Помнится, я писал, что героинями войны будут наши русские женщины. В этом я теперь убеждаюсь еще больше на примерах жителей Дона и Украины. Везде, всюду женщины руководят и выполняют все работы по обеспечению своих семей, все тяготы и заботы легли на них. И это при наличии у $\frac{3}{4}$ семей мужчин в доме. Но мужчины оказались бездейственными, парализованными. Страх за свою личную жизнь отшиб у них всякую способность рабо-

татья. И вместо помощи семье эти мужчины послужили дополнительной нагрузкой к бремени хозяйства. У тебя не должно быть забот обо мне. Перенеси всю свою силу, энергию, знания и заботы на себя и детей. Помещение Юры в Кадетский корпус (Суворовское училище) — последнее средство. До этого испробуй остальные — реализуй вещи, одежду, не жалей ничего для пищи. Я даже посягнул бы и на дачу. Вспомни своего брата. Почему он не был военным: «золотой стандарт» стали все же дешевле серебра. Начинай Юру втягивать в заботы, вводи его в курс жизни. Пусть он также почувствует ее тяготы — это только закалит его.

Целую тебя крепко, Петя.

1 ноября 1943 года

Дорогая моя, милая Анночка! Сегодня у нас праздник — годовщина пребывания на фронте (после госпиталя). Этот юбилей имеет для нас некоторое значение, в том смысле, что подводятся итоги за год, вспоминают убитых товарищей и битвы, «где вместе рубились они». После торжественной части выступали украинские артисты сборного запорожского театра. Ну а затем выпивка и усиленный обед. наших стариков — вятских, пермских и сибирских поражает Украина своим изобилием земли, просторами степей, сравнительной бесценностью хлеба (зерна), отсутствием лесов, обилием блох в хатах, теплой погодой в ноябре (ходим без шинелей) и прочей экзотикой.

На занятиях приходится объяснять, почему здесь в каждом дворе остался дома мужик и его только теперь мобилизуют, почему здесь можно пшеницей кормить кур и свиней, а у нас ее до Рождества не хватает, почему Италия — бывшая союзница Германии — теперь стала воевать против нее, почему иностранцы Молотова называют «господином», а мы его зовем товарищем и т. д. В общем, работы хватает, и время идет незаметно. Я здоров, сыт и чувствую себя хорошо. Думаю, что скоро наш отдых закончится, и мы опять пойдем воевать.

Получила ли ты 400 руб., которые я тебе перевел в середине октября? Все время думаю о тебе и о детях.

Целую крепко. Петя.

17 ноября 1943 года

Дорогая мамочка! Письма от тебя аккуратно получаю. Большое тебе за них спасибо, они доставляют мне большое удовольствие. Слова старой солдатской песни о том, что «два года мы служили, ни о чем и не

тужили, а на третий-то годок стали думать и гадать, как бы дома побывать», полностью применимы сейчас к нам. Работы нет, плохая погода и бездорожье порождают безделье, а безделье — хуже всего. Живем в большом украинском селе. Здесь я нашел шесть разрозненных томов энциклопедии Брокгауза и Эфрона и читаю сейчас их. Высылать сюда книги не стоит. Все необходимое для работы у меня есть, а беллетристику высылать — слишком дорогое удовольствие. Изучаем и прорабатываем доклад и приказ т. Сталина и последние политические документы — декларации, итоги летних боев и т. д.

За последний год пребывания на фронте я оттопал 2832 километра и был в 14 боях. Особенно жестокие бои были летом этого года на Донце и за город Запорожье. Пока что все обошлось благополучно. Что будет дальше — посмотрим. Жив буду — расскажу после.

Юрин рисунок получил, нарисовано неплохо. Это, видимо, срисовал он с какой-то картинки? Плохо, что он попал в такой хулиганский класс. Его замкнутость объясняется тем, что он или боится своих одноклассников и избегает их, или же презирает их, считая неинтересными и малополезными для себя. Я понимаю, что тебе сейчас трудно заниматься такими делами и совершенно невозможно прививать им культуру, когда кругом такое бескультурье, но вместе с тем прошу тебя при малейшей возможности поговорить с учительницей, воспитывающей Юрия, главным образом о его товарищах. Если они (товарищи) стоят намного ниже его по развитию, то это очень плохо, и в середине года следует подумать о его переводе в другую школу. Жить без товарищей ему сейчас нельзя. Дружба детства остается надолго в жизни и приносит много пользы.

Хорошо, что ты не унываешь, несмотря на все трудности. Как не скрывай, а положение ваше неважное — мне это видно. Если ты принуждена перебраться в одну комнату, а в другой держать дрова, то это значит, что у вас теснота и что надо охранять дрова от воровства. Сделай все возможное для изоляции Юры от девочек. Если нашли нужным их разделить в школе, то в спальне это тем более необходимо. Вышивание Ниночки — полезное занятие. Развивай в ней вкус, если технику вышивания она освоила.

Целую. Петя.

13 марта 1944 года

Дорогая Анночка и дети! Началась горячая пора, борьба идет не на жизнь, а на смерть. Южную степную Украину за Днепром освобождаем шаг за шагом и надеемся вскоре перемахнуть через Южный Буг. А за ним уж не так далеко и Одесса. Весенняя распутица затрудняет походную жизнь, но не останавливает ее. Интересно сейчас наблюдать отношение

местного населения к нам. Два с половиной года будучи оторванными от России, видно, что люди стосковались по ней и, я бы сказал, гораздо больше ощутили эту оторванность, поняли сами, что связь с ней является потребностью и неизбежна. И все же во встречах, в ухаживании, в бытовом обслуживании бросаются различия. Рабочие Криворожья, Никопольских марганцовых рудников, шахтеры Донбасса встречают нас с радостью. Искренность чувств ярка, разговоры непринужденные, интерес ко всему понятный. Уход самый внимательный. Это особенно бросается в глаза нашим бойцам на таком повседневном деле, как стирка белья. Мы давно уже не носили так чисто выстиранного белого белья. И все это делается быстро, за одну ночь, в течение которой они сами часто не спят. Не имея почти ничего из съестного, они угощают так настойчиво, так любезно, что не хватает сил отказываться. Наибольшим успехом у нас пользуются кислая капуста и компот из сушеных фруктов. Это и понятно. Крупа, консервы и сухари так надоели, что одно воспоминание о преснятине вызывает отвращение к еде. В селах и хуторах крестьяне уже относятся по-другому. Во-первых, тут внутри их раскол — одни тянут туда, другие сюда, а во-вторых, чувствуется, что радость встречи какая-то неискренняя, боязливая. Угощают реже и всегда опасаются рассказывать о своем житье под немцами. Редко задают вопросы о жизни страны того периода, когда они о ней ничего не знали. Первое, что наиболее резко бросается в глаза всему населению, — это обилие техники в Красной армии. Рабочие выражают свое удовольствие по этому поводу восклицаниями — «Какие хорошие у вас машины, и как хорошо вы с ними управляетесь!» А крестьяне всегда говорят: «И где вы этих машин столько набрали?» Но самую большую радость всегда проявляет молодежь 14, 15 и до 20 лет. Они открыто говорят о жизни при немцах, ругают их всячески и рассказывают о своих подвигах по оказанию мелкого сопротивления врагам. И тут же, на другой день, строят свои планы на будущее.

Я живу по-прежнему — сыт, здоров, чувствую себя хорошо. Одновременно с письмом перевозжу тебе 500 руб. Пишем давно ни от кого не имею. Думаю, что они в дороге и догоняют меня. Часто думаю о тебе. Целую крепко тебя и детей.

Петя.

Напиши, какие новости у нас в доме.

4 апреля 1944 года

Дорогая Анночка и дети! Получил твое письмо от 11 марта. Вижу, что НКЗ кое-что подкидывает. Это неплохо! Кое-какая поддержка есть! С тремя огородами тебе будет очень трудно справиться, может быть,

от одного из них отказаться? Если не будет удобрений, то на даче ты вряд ли что-нибудь путное возьмешь — почва слишком истощена. Как себя чувствуют ягодники и яблони?

Я давно уже переехал реку Буг и нахожусь на территории, которую румыны называли «Восточной Румынией». Здесь немцев не было, и порядки были установлены свои. Население пострадало значительно меньше. Зверств, таких как на Левобережной Украине, не было. Поражает количество мужчин, которые находились дома. Впечатление такое, как будто бы ни войны, ни мобилизации не было, — живут всей семьей и полным хозяйством. Погода стоит все время убийственная, сегодня, 4 апреля, идет снег, грязь непролазная. Походы и передвижения затруднительны. У нас сейчас работы мало — мы пока вытаскиваем из грязи свои «самовары», то румыны босиком убегают уже далеко.

Я здоров и чувствую себя хорошо.

Целую. Петя.

9 мая 1944 года

Дорогая Анночка! Перевел тебе 500 руб. Я пока жив и здоров. Пьем воду из Днестра и запиваем ее молдавским виноградным вином. По Днестру, в отличие от Дона, Донца и Днепра, села все целы, население дома, разрушений почти нет. В Молдавии очень много садов, сейчас они цветут и картина получается очень красивая. Украина кончилась, молдаване по-русски говорить не умеют, и объясняться с населением трудно. Надеюсь, что скоро будем на Дунае.

Напиши, как твои дела с огородами. Какие результаты принесли Юра и Нина? Пиши, целую.

Петя.

2 июня 1944 года

Дорогие мои Анночка и дети! Удивительно быстро дошло ваше письмо, сегодня я его уже получил. Если начинают появляться дачники, то это значит, что есть народ, которого война не пришибла. Что же, это хорошо!

Твои хлопоты с огородами (уже третий год!) хотя и трудны, но необходимы и, видимо, приносят тебе пользу. Спасибо детям за письма.

О Наркомземе я не думаю, полагаю, что из вызова ничего не выйдет. Здесь у меня положение прочное и могло бы принести «урожай», но странность фамилии отпугивает некоторых перестраховщиков.

Сейчас у нас затишье, не знаю, как долго оно продлится, но перед большой грозой. Если останусь жив, то не только Румыния, но и другие государства могут встретиться на пути. Работы сейчас много — с новыми людьми и время идет быстро. В свободное время катаюсь верхом по соседнему лесу и по берегу Днестра. Питаемся исключительно хорошо. Жду с нетерпением встречи с тобой. Целую тебя крепко, дорогая моя.

Петя.

21 июля 1944 года

Дорогая Анна! Триумфальный марш окончился. Наступили будни войны с непрерывными, тяжелыми земляными работами. Приходится закапываться в землю и закрываться блиндажами от бомб и снарядов. Финны проявляют исключительное упорство. Борьба с ними трудна. Бола, озера, глухой лес, сырость и комары осточертели изрядно. Пока жив и здоров. Питаемся хорошо. Не хватает нам только зеленого лука. Украинцы вспоминают про свою родину, а больше про помидоры, абрикосы и арбузы. Получил от Жени письмо и ответил ей сразу же. Хочется ей в Москву, а зачем, и сама не знает. Я ее успокоил и постарался охладить ее пыл к Москве.

Читала ли ты постановление правительства о матерях и детях. Там есть пункт, касающийся тебя, — это о скидке на 50 % платы в детсадах при наличии трех детей.

Целую. Петя.

19 сентября 1944 года

*И приятно, и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего,
От ее письмеца!*

Дорогая Анночка! Очень давно не имею сведений ни о тебе, ни о ком-либо из родственников. Отсутствие вестей наводит на очень неприятные и грустные размышления. Недаром же вспоминаются слова, которые поместил эпиграфом. Предположений никаких не строю о причинах отсутствия писем. Думаю, что почта не успевает двигаться за нами. Мы за последнее время, с 20 августа, действительно совершили большие и быстрые марши. Последний раз я тебе писал из Измаила, а после это-

го уже прошли всю Румынию, побывали в Болгарии и собираемся еще перескочить в одно соседнее государство. Про Измаил я, кажется, писал — это очень приличный город, красивый, с массой зелени и своеобразным полувосточным стилем. Но Румыния встретила меня весьма не приветливо. Валахия — провинция, ближайшая к Бессарабии, — голая, сухая, жаркая степь, а поймы рек — Прута, Серета и Дуная — с рисовыми полями, вечерней сыростью и комарами доняли не только меня, старого малярика, но и многих других, не имевших понятия об этой болезни. Малярия забрала меня крепко и две недели трясла, так что всю душу вытрясла. Сейчас, с переменой климата, когда мы в предгорьях Карпат, где прохладней, суше и воздух чище, болезнь отошла. Почему? может быть, благодаря принятым мерам лечения — уколам и сплошной химизации, а может быть, благодаря перемене климата. Но, в общем, малярия сейчас оставила меня, появился аппетит, есть надежда, что я скоро войду в норму.

В Румынии есть города хорошие, вроде Бухареста, Галаца, Браилова, Кранова — это те города, где я был, но остальная сельская местность — ерунда. Бедность, нищета, забитость характерны для местного населения. Был в нескольких помещичьих (боярских) хозяйствах. Техническая культура низка, напоминает Россию до 1917 года. Объясняться с румынами трудно — общих слов почти нет. А с болгарами, наоборот, понимаем друг друга больше чем наполовину. Болгары встретили нас гораздо радушнее, чем румыны.

Дело осталось за малым — остаться живым, а тогда впечатлений останется на всю жизнь. Живем мы великолепно — кроме свежего мяса, баранины и свинины, с постоянным «заливом» красным вином, почти ничего другого не едим. Самочувствие хорошее, настроение также. Денег в этом месяце, пожалуй, не пришло, так как соблазнов очень много. Надеюсь, что ты меня осуждать не будешь.

Целую крепко, Петя.

2 октября 1944 года

Дорогая Анночка! Бытие определяет сознание, а раз так, то и бумага соответствует нашему бытию. Находимся в центре Венгрии, в плодородной долине между Дунаем и Тиссой. Бояре, боясь большевиков, все разбежались. Венгрия — наглядное пособие по изучению дореволюционной России. Контрасты на каждом шагу — и в сравнении с нашей страной, и внутри Венгрии. Бедность и богатство, высокая культура замков (дворцов) и безграмотность хат, передовая техника в руках военных и примитивные орудия в руках кустарей и фермеров. Общее впечатление о Венгрии, что в культурном отношении она ниже Румынии и

ниже значительно нас. Что хорошо здесь, так это животноводство — особенно хороши лошади и коровы. Но все это внешние впечатления, а внутренние — это скорее попасть домой. Домой! И потому что соскучился, и потому что, смотря на чужие земли, сейчас кажется, что лучше своего угла нет ничего на свете. А соскучился как я по тебе, рассказать невозможно!

Целую тебя крепко-крепко. Петя.

17 октября 1944 года (Венгрия)

Дорогая Анночка! Вчера получил твое письмо от 2 сентября, в котором ты пишешь о новостях. И в частности о том, что Нина принята кандидатом в хор Большого театра. Мое мнение таково — если ее примут в хор, то это дело очень хорошее, но чтобы это занятие (пение) не шло в ущерб грамотности. Образованность у людей искусства должна быть более высокая, чем у людей технических специальностей. То же и о Юре. Я не знаю его способностей в рисовании, но между натурщиком и художником — большая разница. Вращение в кругах художников будет способствовать его художественному развитию, но если сам он не имеет способностей, то все это напрасно. Ну а вообще, все хорошо!

С тех пор как я был дома, я не получил ни одного письма, а прошел июль и август. Деньги ты получила, но какие — я не знаю. Я посылал 450 р., потом 500 р., сейчас еще послал 250 р. Как дела с огородами? Спрашивал я также, как отразились на жизни тыла наши военные успехи. Заметны ли улучшения в продовольственном снабжении людей? Мы живем так, как полагается (по истории) жить всяким завоевателям. Исполняем желания своей левой ноги. Въехали в четвертое иностранное государство (Румыния, Болгария, Югославия и теперь Венгрия). Трансильванские Альпы произвели на меня впечатление — красивые горы, а остальная местность однообразна и похожа на степную Украину. За взятие Измаила наш полк получил название «Измаильского», а я получил орден Красной Звезды. Приказ уже есть, я его читал. А орден... еще когда-то придет. Война с венграми своеобразна — выстрелов мало, а больше в наступлении берем песнями, неожиданным появлением и страхом, который царит у противника при появлении русских. Видимо, пропаганда немцев направлена на то, чтобы вселить страх перед большевизмом и колхозами. Венгры в большинстве встречают нас сурово, боязливо и раболепно. В городах вся зажиточная часть населения выехала, бросив весь домашний скарб. Мы размещаемся в домах просторных и предпочитаем бесхозьяственные. И чего-чего наши солдаты не повидали! Пианино, картины в богатых рамах с яркими и темными старинными крас-

ками (среди них встречаются и произведения знаменитых художников), мебель красного дерева, гостиные, обитые бархатом (в баронском поместье), посуда, книги и т. д. А парки! С розами, питомниками хризантем и георгин.

Все мы выглядим, как Надя. Едим так, как дома, конечно, никто не ел. Опасность заключается только в одном, что все эти молдавские, бессарабские, румынские, дунайские вина могут приучить нас быть пьяницами. Без вина мы не садимся за еду. Недалеко от Белграда в городе Петровграде познакомился с несколькими интеллигентными семьями сербов. Они знают русскую литературу и музыку. В этой среде очень распространены Достоевский, Горький и Чехов.

Все мы живем одной мыслью — вернуться скорее домой. Вся эта заграница не глянется нам. Ни черта здесь хорошего нет, а если и есть — то все же дома лучше. До свиданья.

Целую. Петя.

16 декабря 1944 года

Дорогая моя, милая Анночка! Вчера получил твое письмо с вестью о кончине Алексея Васильевича. Что же с ним случилось? Есть ли надежда, что Катя сможет вернуться одна в Москву? По письму вижу, что жизнь ваша неважная, и главное, что меня удручает, это то, что перспектив к ее улучшению я не вижу. Выхлопотал бумагу от части в райжилотдел и в райком партии об улучшении вашего, хотя бы квартирного, положения. Вопрос поставили или о капитальном ремонте, чтобы привести вторую комнату в жилое состояние, или о замене квартиры. Что там сделают и какую окажут помощь — ты узнаешь раньше меня. С деньгами дела плохи и у меня. Здесь нам выплачивают заграничные ассигнации, которые нельзя переводить в СССР, да и здесь на них ничего не купишь. Продай ты мои бутцы, пока их не украли у тебя, как новые галоши.

Поздравляю всех вас с Новым годом! Четвертую зиму мы в разлуке. А зимние праздники я так любил проводить вместе. Поздравь Юру и Нишу с их праздниками.

Здесь, в Венгрии, за Дунаем, наконец наступило что-то похожее на зиму — выпал снег и не растаял. Грязи хоть отбавляй и сырости тоже. Жизнь наша тоже серая и нудная, как венгерская осень, — без конца и без просвета. Все разнообразие только в том, что кого-то ранят или убьют. Сидишь и ждешь своей очереди. Получил письмо от Жени. Пишет, что живут эту зиму лучше прошлых.

Целую. Петя.

10 марта 1945 года

Дорогие Анночка и дети! Пишу из нашей санитарной части, меня ранило. Раны не тяжелые, но их много. Мелкие осколки, величиной в 2–3 мм, от разрывной пули попали мне в левую сторону тела, начиная с головы и до ног. Мессеримит из пулемета обстрелял нашу машину, и счастье, что не было прямого попадания. В общем, я не испугался и не унываю. С недельку пробуду в тылу, отдохну здесь, а потом опять пойду воевать. Бои сейчас идут крепкие.

Посылаю фотографию свою и своего товарища Кудрявцева. Мы с ним вместе пришли из госпиталя из Омутнинска в полк и с тех пор воюем в одном полку. Такую же фотографию посылаю и Жене. От нее получил письмо, где она сообщает, что собираются уезжать, но куда — я не понял, то ли в Латвию, то ли в Ейск.

Осточертела нам всем эта Венгрия. Мадыяры начинают кое-что понимать по-русски, а мы знаем 2–3 десятка слов по-мадыярски. Народ по быту похож на украинцев. Саманные хаты, земляные полы, камышовые крыши, рядом свиньи, коровы, грязь во дворе и т. д.

Получил ваши все письма, рад за Ниночку, что она успешно подвизается на сцене. Как ее успехи в Кармен? Как учится Юра?

Целую. Петя.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Письма Николая Федоровича Гаттенбергера из Туниса (1966–1967)

Письмо № 1

N. de Gattenberger, Megrine, Tunisie, 17 sept. 1966.

Дорогие мои родные и любимые Люба и Галя! Решил написать вам. Может, получите. Я все еще жив. В этом месяце мне исполнится 76 лет. Этой зимой был сильно болен, и с тех пор здоровье испортилось. Страдаю сердцем, ногами и глазами. Заметно приближаюсь к концу. Бедная Надин скончалась в сентябре 1949 года и похоронена в Бизерте на Русском кладбище. Милица долго жила с мужем в Тунисе, но недавно переехала во Францию. Она овдовела. У нее два сына Pierre et Francois. Старшему двадцать лет. Он студент физико-математического факультета в г. Poitiers.

Младшему 15 лет, он в лицее. Ирина вышла замуж в 46 году и уехала в Маргоссо, где служит ее муж — морской офицер в отставке. У нее два сына и две дочери. Живут очень хорошо, у него большое положение. Недавно на приеме на вашем пароходе она переводила речь капитана с русского на французский. Я вижу дочек довольно часто, несмотря на расстояние. Они меня любят и балуют. Я женат второй раз — на вдове моего приятеля и живу на ее даче. Не богато, но и безбедно. Получаю пенсию от морского министерства из Франции.

Если мое письмо дойдет, перешлите его всем родным. У меня сохранились фото: папа, Ваня, Ромаша и Петя; Катя с мужем; Ольга, Женя, Люба, Галя и Петя. Будьте здоровы и счастливы. Всех обнимаю и целую. Храни Господь.

Коля.

Письмо № 3 (дома после больницы, 22 декабря 1966 года)

Оле!

Ха! Ха! Клюква и брусника! А громадные ватрушки с черникой и сливками в дни твоих именин, c'est formidable!! Помнишь?

Оля, были ли мы с тобой когда-нибудь вместе в Петербурге? Навещал ли я тебя? Не помню.

Для Любы и Гали. У нас здесь был сосед-земляк и приятель. Степа Горобец. Бравый кубанский казак из под Тихорецкой. Калека. Ранен в правое заднее копыто под Белой Глиной. Теперь собирается в Русский старческий дом во Францию. Мы оба ишем дружеский привет славному казаку Михайле Панасенко и его семье.

Я в полубреду, пишу, что мелькает в голове. C est ridicule, surtout devant les jeunes, qui ils t excuse, и не осудят (как это смешно, особенно для молодых, но которые меня простят и не осудят. — Перевод Ахметьевой)

Очень мало сведений о Жене. Если ей трудно, пишете кто-нибудь о ней. Я в Риге бывал в молодые годы.

Алиса просит вас всех называть ее Alice ou tente, тетя Alice. Она очень вами интересуется. У нас служит девушка-арабка, уже давно. Очень преданная. Сейчас хорошо за мной ухаживает. Живет в домике у нас в саду. В саду много деревьев: пальмы и кипарисы, отдельно апельсины и лимоны. Больше похоже на парк. Сейчас сезон апельсинов — горы. Мне сегодня лучше. Легче боку.

✧ ✧ ✧

Jeidi. Катюша! Родная моя. Получили сегодня твои письма. Громадная радость. Мне лучше. Набираю силы. Алиса напишет подробнее.

Гр. Сиверс, мой приятель и соплаватель, остался у вас и погиб в 1920 году.

Je crois que nous avons tout resu (я думаю, что мы получили все ваши письма. — Перевод Ахметьевой) письма и photos. Люба и Галя — две милые старушки, очень хороши. Alors спорят, ссорятся, кудахчут, но не могут жить друг без друга.

Где живет Галин сын, куда они ездят? В следующем письме напишу о внуках.

Целую всех, любящий Коля.

Ответ. Можно ли вам писать не заказными, получили ли вы уже от нас.

Письмо № 4

Dimanche le 25 Dec. 1966

Все дорогие мои и родные.

Стараюсь писать вам почаще. Недолго осталось нам поболтать.

*Как вы просите, пишу о детях и внуках. Милица кончила школу учительниц (здесь это не так просто) и была назначена в одну из арабских деревень *Zaghouania*, где мы тогда жили и оба служили. Затем она вышла замуж за *Colon Francais Gabriel Seras*. Во время войны спасались от немцев в горах, и там Милица потеряла своего первого ребенка. Мы к тому времени жили в Бизерте. У меня было хорошее место в порту, а *Nadine* была учительницей в гимназии. Потом война. *Nadine et Irene* эвакуированы. Я оставался среди малочисленных защитников. Бизерта была разрушена. В нашу квартиру попала бомба. И мы второй раз в жизни потеряли все добро.*

Irene avec Leon (Лев), Guerin морской офицер de France и их depart a Maroc. Мы с Nadine всегда жили не по средствам, все вкладывали в детей, зато вывели и поставили обеих en rang superier (на высокий уровень).

Они там уже 20 лет. Он достиг большого положения и сейчас гребет деньги лопатой.

Всегда приглашения на всякие официальные приемы и праздники. Ирэн иногда переводит речь вашего капитана на французский язык. Вещи у них есть прекрасные. Eric — призовой атлет, но слабоват в науках.

Катюша. Напиши, можно ли послать тебе посылку — финики.

Твой боевой клич — «борись и не сдавайся» — мне помогает. Помнишь ли ты ton voyage (свое путешествие) с бабушкой в Липецк к тете Мане? Ж. Д. Грязи—Липецк—Царицын — это крестный путь на Голгофу нашего Ромаши. Кто на стене в овалной рамке?

Милые мои. Нам надо подумать, как организовать встречу с Филиппом этим летом. Где, когда и у кого? Пишите мне, чтобы я мог сообщить это Ирэн. Получили твое и Петино поздравление 1 января.

Письмо № 6 (из больницы)

Катюша, дорогая, родная моя,

Какое счастье, блаженство выпить чашку кофе с пирогом с тобой вместе в твои именины.

Да, старенькие очень, но как приятно узнать по твоей photos, что ты осталась, как была, «бабушкина внучка». Как глупо, что я долго не

выходил в *contacte*, боялся повредить вам, а сейчас я *dans une clinique*, сердце плохо работает и башка не варит, но, надеюсь, выкарабкается и еще писать вам. Дорогие мои, вас так много и все сразу, боюсь обидеть кого своим невниманием в письмах. Составил шпиргалку и ношу ее в кармане. Там все *compris*: Олина Аннушка, Женина Джемма и Катина питомица. Этим летом ждите визита к вам одного из моих ишаков (Филька от Irene). Он немного выковыривает по-русски. Нам всем загорелось. Говорят, Ирина начала хлопоты.

Старший брат Наташи Шишко Павел — глубокий старик, живет в Сан-Франциско (Америка). Я с ним в контакте, но не в переписке, могу помочь связаться. Наташу помню. Дружески и ласково целую. Есть еще твой бывший ухажер, шалопай Николашка Веселаго. Помню, как он собирал для тебя малину в свою грязную фуражку. Он в Австралии, спрашивал и вспоминал тебя.

Мне приятно сознавать, что вы чтите память Nadine и ее жалеете. Бедная, не удалось ей полюбоваться внуками. Мы прожили 35 лет дружно и хорошо, *malgre* все трагедии и катастрофу, работали оба и получили *rescompense* — Милица *tres sage et raisonnable*, Ирина огонь и кипяток, с «характерцом», вроде моего. Я остался как был раньше: крикун, грубиян, ругатель, *enfant*, «боцман». В жизни ни разу не лежал в больнице, но зато сейчас какой *comfort et luxe complet*. Спасибо тебе, дорогая Оленька, за письмо и фото, оно еще больше осветило вашу жизнь. На карточке ты в полном цвету. Как печально, что тебе пришлось перенести такую длинную и неприятную болезнь. Надеюсь, что она кончилась.

Для Пети. В мое время в 1909 году в Павловске была большая вывеска «Садоводство Е. К. Гаттенбергер». Принадлежало тетке Лене, сестре нашего деда Николая Константиновича Гаттенбергера. Она была художник-садовод. Это родовое. Недавно в Ницце скончался младший Сергей Деляров. Мы здесь большей частью живем группами. Тунисская была многочисленна (сотни). Я почти бессменный церковный староста, *president, secretaire*, казначей, ревизор *etc*, разных обществ, групп, объединений. Сейчас нас очень мало. Алиса очень добра и родственна ко всем вам. Почти каждое лето уезжаем от жары во Францию, туда же приезжает Irene. *C'est tres content*. Алиса ворчит. Не осудите за бестолковое письмо. Всех люблю и горячо целую. Не забывайте, пишете как возможно чаще.

Письмо № 7 (без даты)

Родные мои, дорогие и любимые сестры и Петя.

Вчера получили долгожданное письмо от Кати. Беспокоились напрасно. Мы боялись, не произошло ли чего в Москве, не прекратили ли нашу переписку. Мы получили от Вас последнее письмо от Оли и карточ-

ки к Новому году. Я же послал вам письмо и два photos Irene devant sur villa и два старших на пляже. Ответь. Получила ли их?

Дорогая Катюша! Твои друзья, родственники и знакомые тебя за-туркали и утомили. Вместо того чтобы облегчить твою повседневную жизнь. On te trainais от балетного спектакля до родильного приюта. Почему твоя Кармен «достаёт», а не покупает или приносит провизию для тебя? Есть затруднения? Хорошо, что у тебя есть «Маша». Уроки с дочкой дворника мне тоже нравятся. Возмещают ли твои почтовые расходы сестры и Петя?

Бедная Оленька перенесла тяжелую болезнь. Ей нельзя зимой оставаться на даче. И вообще ее tizere (нищета) мне непонятен. Так позволить себя окрутить? Спасибо Жене, что она ей помогла и поддержала. Она для всех младших всегда была сестрой милосердия. Кто такая Джетта, откуда она взялась? Это магометанское имя? Ее твердые принципы и дружба с Карлой Марлой мне безразличны, у всякого свой вкус. Мое здоровье идет к лучшему, но очень медленно. Нужно восстанавливать силы через питание. Хорошо, что у меня есть аппетит и есть что поесть. Покупаем куриц, свинину, молодую барашку, творог, сливки, апельсины. Но, главное, нога — артрит (плохая циркуляция в конечностях ног). Спроси моего милого племянника Женю, как он лечит эту болезнь, и напиши мне, может, мне на счастье поможет.

Гречневую кашу и клюквенный кисель с молоком. Это — вещь! Хотелось бы попробовать вместе с тобой.

На днях напишу Ирине твои вопросы для поездки Филиппа. Она тебе ответит сама. Ты просишь написать о Милице. По-моему, я писал (не пропало ли письмо). Она живет в городской школе со своими двумя сыновьями. Pierre — студент первого курса в университете Пуатье, город рядом, он там в интернате, приезжает по субботам на своей машине. Получил сейчас письмо от Оли относительно Наташи Шишко и спешу ей ответить. Таким образом, это мое письмо будет бестолково и не окончено. Здорово ты поддержала Алису с боцманом. Она довольна!

Напиши, какие фотографии вам надо вернуть. Сейчас читаю очень интересную советскую морскую книгу: война на Черном море, какие герои. Мы так не умели воевать.

Алиса всех целует, но писать еще не может. Platre (гипс) снимают через 3–4 дня.

Письмо № 14

N. de Gattenberger, Megrine, Tunisie, 12 Apr. 1967

Милая моя и дорогая любимая Катюша. Получили вчера твое длинное и интересное письмо. Как всегда, большая радость на весь день. Читаем и перечитываем. Алиса говорит, что я учу наизусть. Спасибо за

ласковые и лестные слова для Алисы. Она очень довольна и горда. Видимо, привязалась к тебе и тебя любит и хорошо понимает. Огорчились и немного встревожились состоянием твоего здоровья. Печень — это ужасная болезнь. Вспоминаю с дрожью болезнь Nadine. Есть ли у тебя постоянное лекарство, чтоб останавливать боль? Поднатужься еще, мой дорогой крепыш, чтобы пожить еще вместе на радость друг другу. Как хорошо иметь доктора-друга и его помощь. Аптечка, конечно, печальный подарок, но я знаю еще хуже: одна знакомая, уезжая навсегда, подарила своей прислуге заплаченное постоянное место для могилы на кладбище. Это подарок? Я понимаю, что ты тоже тревожишься о моем здоровье, спрашиваешь, что сказал доктор. Меня лечит и следит за мной самый лучший доктор Туниса. Что сказал: «Ничего, старый организм поправляется всегда медленно». Я не ропщу, спасибо, что и так выкарабкался.

Алиса числится в православной церкви (крестилась под именем Аллы). Крестилась как все, младенцем. В православие перешла позже. Вдова. На второй день Благовещенья ее именины. Пекли пирог с мясом и пили водчонку и вино. Иконку от тебя, конечно, хочется иметь. Для ее пересылки затруднения могут быть только у вас, у нас не будут. Не виню Галю, что продала икону, спасая своего сына. Бедная, что она перенесла.

У нас начинается летний сезон. В саду цветут апельсины, сирень и акация. Запах одуряющий. Я с подушкой под мышкой ползаю по саду от одной скамейки к другой.

Торговля с заграницей у нас очень слабая. Нет денег. Много предметов не хватает и, в данный момент, горчицы. С трудом запаслись маленьким стаканчиком к Пасхе. Взять ножную горчичную ванну невозможно.

В Тунисе и Megrine есть дома и дачи с центральным отоплением, но наша старая, центрального отопления нет. Газ в бидонах употребляем только на кухне и в ванной, а печку (камин) топим в пять вечера дровами. Топит Кнея. Не любит эту работу, ворчит, ругается и говорит по-русски «проклятая работа». Готовимся к Пасхе (30 апреля), будем дома делать сырную пасху, барашка, курицу и красить яйца, кулич закажем в кондитерской..

Милая Остоженка. Она все еще существует? Ее имя не испортили? Помню ее с десятилетнего возраста. Два последних окна по фасаду — это квартира тети Вари. Напротив молочная «Братья Чичкины». Почти все члены нашей семьи там бывали.

Напиши мне ваши цены: хлеб, мясо, масло, молоко, картофель. Я не представляю, что можно сделать с пятью рублями (если не запрещено об этом писать). Напиши Оле, чтоб прислала ответ насчет Шишко и Е. М. Любомудрова. Послала ли ты ей письмо, где я писал о Деяровых. Целую ее крепко. Медлим отправить тебе это письмо — ждем новостей от Ирины. Фото нашей свадьбы пришли обратно, показавши всем, кому

это интересно. У нас нет другой. Напиши, кто твои хозяева, у которых ты живешь?

Постарайся узнать для меня что возможно: как прошли 17 и 18 годы в Ушове и Юрушкове? Где был дядя Юрий с семьей в это время? Когда и куда они выехали? Может быть Зиночка тебе что-нибудь рассказывала? Может Наташа Шишко что знает? Узнай и напиши мне. Все это очень интересно.

Очень приятно, что belle-fille de Галя совсем не страшная, а добрая и хорошая. Какой чудак Галин Миша — коммунист. Анна и Петр мне тоже режет ухо. Петр Первый очень нам понравился, а Шолохов — нет. Все про мужиков. Постараюсь достать в Париже, не присылай. Очень дорого.

P. S. Коленька забыл подписаться, и сейчас спит. Не хочу будить.

Алиса.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Справки о репрессированных Гаттенбергерах

Управление ФСБ РФ
Директору НИЦ «Мемориал»
по г. Санкт-Петербургу
и Ленинградской области
Флиге И. А.
191002, г. С.-Петербург, а/я 4

Служба регистрации архивных фондов
23.07. 2004 № 10/14–1504

На Ваши запросы №№ 409, 410, 420, 421 от 2 и 9 июля 2004 года направляем архивную справку в отношении Гаттенбергера В. Б.

СПРАВКА

Фамилия	Гаттенбергер
Имя, отчество	Всеволод Борисович
Год рождения	29 января 1913 г.
Место рождения	г. С.-Петербург
Национальность	русский
Партийность	б/п

Образование	среднее
Место работы	Центральный НИ Геологоразведочный Институт
Должность	коллектор
Место жительства до ареста	г. Ленинград, Кировский проспект, д. 22-а, кв. 9
Дата ареста	29 ноября 1935 г.
Статья обвинения	58-10 УК РСФСР
Дата осуждения	16 февраля 1936 г.
Кем осужден	Ленинградский областной суд
Мера наказания	10 лет ИТЛ, вторично осужден Тройкой УНКВД Новосибирской области 25 декабря 1937 г. по ст. 58-2, 58-11 УК к ВМН. Расстрелян 9 января 1938 г.
Дата реабилитации	29 мая 1963 г.
Кем реабилитирован	Президиум Верховного суда РСФСР
Основание реабилитации	Отсутствие состава преступления

Сотрудник архива А. Н. Евсеев, 26 июля 2004 г.

СПРАВКА

Гаттенбергер Николай Петрович, 1894 г. р.
Место рождения: г. Горький
В/п
Уполномоченный
Калужского отд.
Госиздата

Место проживания: г. Калуга
Осужден 02.10.1931 г.
Особое совещание
коллегии ОГПУ
Обвинение: по ст. 58 п.п. 6, 10
УК РСФСР
Приговор: 3 года концлагерей

Источник: Книга памяти
Калужской области.

СПРАВКА

Гаттенбергер Николай Петрович, 1894 г.р.
Место рождения: Калининская обл,
с. Юрушково
Место проживания: г. Вольск
Арестован: 19.06.1938 г.
Осужден: 21.09.1938 г.
тройкой при УНКВД
по Саратовской области.
Обвинение: антисоветская агитация
Расстрелян: 21.09.1938 г.
Место расстрела: г. Саратов
Реабилитирован: 01.06.1989 г.
Саратовской областной
прокуратурой

Источник: материалы к книге памяти
Саратовской области.
Дело: Арх. уголовное дело № ОФ-26617

СПРАВКА

Гаттенбергер Андрей Петрович, 1895 г.р.

Место рождения:	г. Москва Инженер
Место проживания:	Владимирская область, г. Александров
Арест:	08.08.1947.
Приговор:	10 лет лишения свободы

Источник: Книга памяти Владимирской области.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- Кульпин Э. С.* Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России.
Кульпин Э. С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства.
Степанищев А. Т. История России IX—XVII веков: От Российской государственности до Российской империи.
Ильичев А. Т. Справочник по русской истории. Киевская Русь.
Ильичев А. Т., Ляшенко А. Г. Справочник по русской истории: Южнорусские княжества; Владимирская Русь.
Ельянов Е. М. Иван Грозный — созидатель или разрушитель?
Зубов В. П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди.
Кистерев С. Н. (ред.) Очерки феодальной России. Вып. 1–8.
Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию.
Цимбаева Е. Н. Исторический анализ литературного текста.
Цимбаева Е. Н. Русский католицизм. Идея всевропейского единства в России XIX в.
Плотников А. Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII — первой половине XX в.
Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими.
Жизнь в свете, дома и при дворе. Правила этикета для России конца XIX века.
Никаноров Г. Л. Надрыв: Правда и ложь отечественной истории XX века.
Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю.
Калинин Л. А. Интервью со Сталиным.
Барский Л. А. Сталин. Портрет без ретуши.
Бузгалин А. В., Колганов А. И. Сталин и распад СССР.
Черчилль У. Мировой кризис. 1918–1925 гг.
Сенин А. С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг.
Михалева В. М. и др. (ред.) Реввоенсовет Республики. 1920–1923.
Кирьянов Ю. И. и др. (ред.) Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг.
Вирхилио де лос Льянос Мас. Ты помнишь, tovarisch...?
Яценко В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923.
Мазаев А. И. Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.).
Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг.
Стиглицев В. Т. Век фотографии. Очерки истории отечественной фотографии.
Хан-Магомедов С. О. 100 шедевров советского архитектурного авангарда.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел./факс (499) 135–42–16, 135–42–46
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Ахметьева Н. П.

Рядом с ирисами

Предлагаемая читателю книга составлена по материалам бюллетеней, выпускаемых с 1967 по 1993 годы секцией «Ирисы» с добавлением современных материалов по культуре ириса. Настоящий сборник — это не только история секции «Ирисы», но и память и благодарность тем людям, которые самоотверженно занимались созданием новых сортов ирисов и пропагандировали этот цветок в нашей стране. Сборник издается в связи со 100-летним юбилеем основателя секции П. Ф. Гаттенбергера.

Данная работа содержит полезную информацию для ирисоводов, для руководителей ирисоводческих обществ в различных городах России.

Ахметьева Н. П., Лапина Е. Е., Лола М. В.

Экологическое состояние природных вод водосбора Ивановского водохранилища и пути по сокращению их загрязнения

Настоящая работа выполнена на основе полевых исследований 1978–2006 гг. Они включали круглогодичные наблюдения за уровнем и качеством подземных вод в скважинах стационара Ивановской научно-исследовательской станции (ИвНИС) Института водных проблем РАН, в колодцах населенных пунктов, расположенных в различных эколого-геологических условиях юго-восточной части Тверской области. Объектами изучения являлись также родники, ручьи, реки, скважины ручного бурения на полях, где вносились различные дозы минеральных и органических удобрений. Авторами изучалось влияние удобрений, точечных источников загрязнения — животноводческих ферм, птицефабрик, силосных ям, складов минеральных удобрений, городских свалок, торфоразработок и др. — на качество природных вод. Проведены полевые и лабораторные эксперименты по изучению миграции биогенных компонентов минеральных удобрений и донных осадков водохранилища в почве и породах зоны аэрации, изучен процесс сорбции биогенных веществ песками, суглинками и торфяниками. Проанализированы процессы и факторы, определяющие качество воды.

Тел./факс:

(499) 135-42-46,
(499) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, б. Тел. (495) 625-2457)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
 «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)
 «Гнозис» (м. Университет, 1 гум. корпус МГУ, ном. 141. Тел. (495) 939-4713)
 «У Кентавра» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (499) 973-4301)
 «СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)

Томск. Губернский суд, где работал
А. Н. Гаттенбергер в 1906–1912 гг.

Миноносцы «Беспокойный», «Дерзкий», «Пылкий» и «Поспешный»
в Бизертском порту. Фото 1930-х гг.

Город Ле Блан (Франция). Здесь жила последние 26 лет
Милица Николаевна Гаттенбергер-Сева. Парад 14 июля 2002 г.

Город Канны-Марина (Франция), общий вид.
Здесь живет Ирина Николаевна Гаттенбергер-Герен

Нина Петровна АХМЕТЬЕВА
(девичья фамилия Гаттенбергер)

**Гидрогеолог, кандидат геолого-
минералогических наук.**

**Окончила Московский геологоразведочный
институт, гидрогеологический факультет.**

**Работала в экспедициях на Дальнем Востоке,
в Средней Азии, на севере Европейской части
России. Автор 70 работ, в том числе
5 монографий. Последние 15 лет
работает над генеалогическим древом
Гаттенбергеров и Бартеневых.**

6273 ID 79145

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете:
<http://URSS.ru>

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16

URSS Тел./факс: 7 (499) 135-42-46